

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

**КОНТРАКУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ КОНТРАКУЛЬТУРЫ ГЕРМАНСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Специальность:

09.00.13 – философская антропология и философия культуры

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философский наук, профессор

Е.Г.Соколов

Санкт-Петербург

2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I	
«Теоретические основы и исторические предпосылки исследования контркультуры тоталитарного общества»	15
1.1. Контркультура как неотъемлемое условие существования культуры: различные подходы к интерпретации контркультуры	15
1.2. Основные характеристики контркультуры в условиях тоталитарного общества	30
1.3 Роль интеллигенции/интеллектуалов в контркультуре тоталитарного общества и проблемы их идентификации	42
Выводы	66
Глава II	
Исторические и геополитические условия формирования контркультуры в Германской Демократической Республике	73
2.1. Геополитический фактор формирования контркультуры: кризис идентичности восточных немцев	73
2.2. «Протестантская церковь в контркультуре ГДР»	87
2.3. «Ведущие стратегии контркультуры в ГДР («лояльная» и «непримиримая» оппозиция)»	93
Выводы	99
Глава III	
«Лояльное» диссидентство в ГДР	103
3.1. Выбор «среднего» пути	103
3.2. «Ниши» творческой свободы	113
3.3. «Популярная молодежная музыка как «проводник» контркультурных интенций»	123
Выводы	135

Глава IV

«Непримиримая» контркультура	139
4.1. «Связь «непримиримых» представителей контркультуры с ФРГ» ...	139
4.2. «Функционирование «непримиримой» контркультуры под покровительством Восточногерманской церкви»	152
4.3. «Андеграундные проекты как стратегия непримиримой оппозиции»	159
Выводы	168
Заключение	171
Список использованной литературы	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Укоренившееся в научной практике рассмотрение феномена культуры в качестве системы, позволяющее говорить о неотъемлемо присущей ей способности к самообновлению, делает актуальным философско-антропологическое изучение конкретных механизмов подобного развития. Механизмы развития культуры имеют как универсальные, так и специфичные (особые), нередко, уникальные формы проявления, обусловленные определенными культурно-историческими условиями. Обращение к явлению контркультуры, рассматриваемому в качестве одного из таких механизмов, требует изучения конкретных условий ее функционирования, что, в конечном счете, и позволяет говорить о многообразии форм культурного развития в целом.

Термин «контркультура», введенный американским социологом и теоретиком контркультуры Т. Роззаком в связи с задачами теоретического осмысления молодежных протестных движений 60-х гг. XX в., прошел с тех пор долгий путь интерпретаций в зарубежной и отечественной науке. Его истолкование осуществлялось в контексте различных исследовательских подходов: контркультура стала предметом изучения в рамках социологии, психологии, культурологии и философии. При этом она трактовалась либо как дискретное явление, связанное с единичными конкретно-историческими событиями, либо как феномен, универсально сопутствующий любой культуре, создающий своего рода континуум культурного развития. Немаловажно, что контркультура оказывалась на противоположных полюсах оценочной шкалы. Она толковалась и как необходимое условие развития культуры и как антикультура. Характер интерпретации данного явления был обусловлен не только сферой научного знания и концептуальной предубежденностью исследователей, но и

официальным идеологическим контекстом¹. В настоящее время в отечественной науке утвердились идеологически неангажированные толкования контркультуры, которые могут быть приведены к некоторому общему знаменателю, в том числе ее культурфилософскому истолкованию. Согласно принятому в диссертации подходу, контркультура выступает в качестве механизма культурных новаций и, следовательно, обладает огромным потенциалом обновления (П.С.Гуревич).

Актуальность понятия контркультуры для разных областей научного знания, сложность и неоднозначность существующих трактовок обусловили насущность его всестороннего анализа в рамках философии культуры, в том числе и в тех аспектах, которые до сих пор не становились предметом направленного исследования, таких как: обусловленность важнейших характеристик контркультуры типом общества; влияние общества «левого тоталитаризма» на процессы идентификации; условия преодоления «ценностной индифферентности» (Ф.Серс) в тоталитарном обществе, ведущего к превращению личности в субъекта контркультуры и др. Настоящее исследование, как раз и направлено на исследование перечисленных проблемных полей и рассматривает существование контркультуры в условиях общества «левого тоталитаризма» на примере Германской Демократической Республики. Насущность обращения к контркультуре именно этой страны обусловлена рядом факторов.

Во-первых, обретению сегодня контркультурой ГДР экзистенциального, даже сакрального статуса способствовала социокультурная ситуация, возникшая после объединения двух частей Германии, что привело к исчезновению государства ГДР, к его «колонизации» или абсорбции Западной Германией. При этом дискредитации была подвергнута не только официальная социалистическая культура, но и оппозиционная культура ГДР, определявшая к этому времени идентичность восточных немцев. Поэтому борьба за собственную культурную идентичность по сути дела превратилась в «сражение» за сохранение «последнего

---

¹ Ср., например, первые опубликованные в СССР фундаментальные работы, посвященные анализу контркультуры: Г.Василева, Ю.Н.Давыдова, И.Б. Роднянской и другие.

реликта эпохи». В настоящее время кризис восточных и западных идентичностей, культурная напряженность среди населения объединенной Германии, связанная с вытеснением восточногерманской культуры и ее ценностей, до сих пор не изжиты. Таким образом, изучение контркультуры ГДР представляется важным для понимания оснований современной экзистенциальной напряженности в объединенной Германии.

Во-вторых, поскольку современная мировая ситуация, не отличающаяся экономической и культурной стабильностью, порождает насущность переосмысления прошлого, а также необходимость «культурного вопрошания», направленного на обнаружение новых или возрождение старых ориентиров, то изучение контркультуры ГДР представляется актуальным также в целях более полного и глубокого осмысления тоталитарного прошлого Европы, важного для культурного опыта настоящего.

Историография

Общеполитические размышления о сущности культуры представлены в классических трудах *Г.В.Ф. Гегеля, Н.Я. Данилевского, В. Дильтея, Г. Зиммеля, И.Канта, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гасет, А.Д. Тойнби, И.Г. Фихте, М. Хайдеггера, Й. Хейзинги, О. Шпенглера, К. Ясперса*, и многих других исследователей. К философско-антропологическим исследованиям, в которых обосновывается актуальность изучения культуры как системы, относятся работы *П.К.Анохина, П.С.Гуревича, А.Б.Есина, М.С.Кагана, Л.К.Кругловой, Э.С.Маркаряна, Б.В.Маркина, В.М.Межуева, Ю.Н. Солонина, В.С.Степина, А.Я.Флиера* и других философов. Философско-антропологическое конституирование репрессивной функции культуры представлено в трудах *Т.Адорно, М.М. Бахтина, Г.Маркузе, А.Я.Флиера, М.Хоркхаймера* и других философов и антропологов. Теоретико-философское осмысление феномена контркультуры осуществлялось в работах *А.И.Бондаренко, П.С.Гуревича, А.Б.Есина, И.В.Ковшевой, В.Н.Леонтьевой, Е.Г.Соколова*. Роль контркультуры в тоталитарных социалистических системах анализировалась в исследованиях

И.В.Авдеевой, С.Г.Давыдова, М.В.Дегтяревой, Р.Джагалова, В.А.Козлова, А.И.Студенкина. Философское осмысление контркультуры в системе индустриального общества представлено как в классических трудах Г.Маркузе, так и в работах современных исследователей *П.В.Гладкова, С.И. Левиковой, В.Молчанова, А.С.Панарина, Т.Роззака, М.А.Султановой.* Различные исторические формы контркультурных процессов исследовались *А.Ю.Даниэлем, Б.В.Емельяновым, И.И. Петровым Т.С.Соловьевой,* и другими авторами. Проблемы формирования тоталитарного сознания рассматривались в классических произведениях *Х.Арендт, а также Н.В.Буковской, Б.В.Марковым, Н.В.Михеевым, Д.А.Ольшанским, К.С.Смирновой, И.В.Сохань, Л.Г.Сухотиной, Т.А.Титовой, В.Л.Хмылевым,* и другими современными исследователями. Осмысление процессов идентификации личности в условиях тоталитарного общества осуществлялось в работах *А.В.Бездидько, Л.Гудкова, В.К.Кантора, Б.С.Орлова, В.И.Мальдона, А.И.Шендрика* и других исследователей. Влияние контркультуры на политические процессы в тоталитарном обществе исследовались следующими авторами: *П.Бандтом, Д. Батриком, Дж.Бугрессом, А.Гордоном, Р.Джагаловым, К.Россом.* Некоторые характерные черты контркультуры в тоталитарном обществе ГДР рассматривались в исследованиях *А.Гугнина, К.Лидера, Дж.Хелла.* Возможные способы идеологической адаптации контркультуры в тоталитарной системе ГДР описывались в работах *Д.Биндера, Т.Гюнтера, М.Кеслера.* Попытки теоретического осмысления роли контркультурных движений в социалистических тоталитарных обществах представителями этих контркультур предприняты в работах *А.Ю.Даниэля, М.В. Дегтяревой, Г. Соммера, Е.Н.Фединой* и другими авторами. Однако комплексное изучение контркультуры, выступающей в качестве необходимого элемента обновления культуры в тоталитарном обществе, не становилась предметом специальных исследований.

Цель работы

Целью данной работы является исследование функционирования контркультуры в тоталитарном обществе (на примере Германской Демократической Республики).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- уточнить содержание понятия контркультуры относительно задач исследования; определить его константные и дискретные характеристики, релевантные типу общества;

- исследовать феномен общества «левого тоталитаризма», в рамках которого возникают предпосылки для образования и функционирования неоднородной, сложноструктурной контркультуры;

- сопоставить различные подходы к трактовке понятия диссидентства и определить его основные характеристики как явления контркультуры общества «левого тоталитаризма»;

- проанализировать роль интеллигенции/интеллектуалов в контркультурном процессе, в том числе творческой интеллигенции, а также причины кризиса ее идентичности;

- определить культурно-исторические факторы, обусловившие специфику контркультурных процессов в ГДР;

- представить структуру контркультуры ГДР, выявив универсальные и специфические проявления контркультурного процесса.

Источники

Материалы, использованные в диссертационном исследовании, включают в себя работы, раскрывающие различные подходы к определению сущности контркультуры: *П.С.Гуревича, Ю.Н. Давыдова, С.И.Левиковой, И.Б.Роднянской, Е.Г.Соколова, А.Я.Флиера* и других философов и культурологов. Феномен тоталитарного общества рассматривается с опорой на исследования *З.Бжезинского, А.Кармина, Б.В.Маркова, Д.А.Ольшанского, Ф.Серса, К.Фридриха,*

и других исследователей. Рассмотрение понятия тоталитарности по отношению к социальным системам второй половины XX века осуществляется с учетом концепций *Х.Арендт*, *М.Хоркхаймера*, *Т.Адорно*. Среди работ, касающихся проблем формирования тоталитарного сознания и возникновения кризиса идентичности, наиболее соответствующими целям данного исследования явились работы *А.В.Бездидько*, *Н.В.Буковской*, *Л.Гудкова*, *В.К.Кантора*, *В.И.Мальдона*, *Н.В.Михеева*, *Б.С.Орлова*, *К.С.Смирновой*, *И.В.Сохань*, *Л.Г.Сухотиной*, *Т.А.Титовой*, *В.Л.Хмылева*, *А.И.Шендрика*. Из источников культурологического характера, посвященных анализу различных исторических форм контркультурных процессов, к исследованию были привлечены работы *С.Г.Давыдова*, *М.В. Дегтяревой*, *А.Б. Есина*, *С.И.Левиковой*, *Т.С.Соловьевой*, и др. Источниками информации о различных аспектах культуры ГДР стали политологические, социологические, исторические, религиоведческие и литературоведческие труды *А.Ю.Ватлина*, *П.Гравеса*, *П.Кайсера*, *Е.Ларки*, *Х.Мосли*, *Б.С.Орлова*, *А. Пинкерт*, *К.Росса*, *М.Саброва*, *Дж. Хелла*, и многих других авторов. Философская и литературоведческая интерпретация художественного дискурса представителей контркультуры ГДР осуществлялась с привлечением исследований *И.В.Главдкова*, *А.Гугнина*, *В.Ф.Колязина*, *Ч.Корнера*, *С.Клотзера*, *Л.Михаэля*, *М.Рудницкого*, *Бр.Сауре*, *П.Симпсона*. В диссертации к анализу были привлечены аутентичные тексты и художественные произведения представителей оппозиционной творческой интеллигенции ГДР: прозаические (*Г.Вольф*, *К.Вольф*, *К.Хайн* и других писателей), поэтические (*В.Бирманн*), тексты драматургического жанра (*Ф.Браун*, *Х.Мюллер*), музыкальные тексты (*Г.Зоммер*), а также произведения изобразительного искусства (*Х. Бонк*, *Б. Йерш*).

Методология исследования

В настоящем диссертационном исследовании были использованы следующие методы:

– метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий на основании различных исторических форм контркультуры выявить универсальные интенции контркультурного процесса различных эпох и прежде всего второй половины XX века;

– метод структурно-функционального анализа позволил рассмотреть контркультуру как неотъемлемую составляющую любой культуры и стимулирующую ее системное обновление и прежде всего обновление культуры общества «левого тоталитаризма»;

– метод культурфилософского анализа позволил рассмотреть контркультуру в контексте функционирования конкретной системы культуры (а именно культуры ГДР) в ее совокупной целостности и неоднородности конкретных проявлений;

– метод герменевтического анализа применялся к аутентичным текстам различного характера (прозаическим, драматургическим, музыкальным, поэтическим и др.), содержащим скрытые смыслы, отражающие гражданскую позицию и художественное мировоззрение, восходящее к общим контркультурным интенциям представителей контркультуры ГДР.

Результаты исследования

Основные результаты исследования:

- очерчены дефиниционные и операционные границы термина «контркультура», в пределах которых стало возможным проводить исследовательский анализ инвариантных и конкретно-исторических характеристик контркультуры адекватно типу общества;

- в общем понятии «тоталитарное общество» разграничены социалистическое тоталитарное общество, или общество «левого тоталитаризма», а также общество «правого тоталитаризма», или нацистского режима;

- обоснована ведущая роль интеллигенции, в том числе – творческой, в контркультуре общества «левого тоталитаризма»;

- выявлены основания возникновения кризиса идентичности интеллигенции в условиях социалистического тоталитарного общества, а также основные характеристики диссидентства как явления контркультуры общества «левого тоталитаризма»;

- прослежено влияние нацистского прошлого и геополитической ситуации на идентификацию восточных немцев и характер контркультурного процесса;

- определены условия преодоления «ценностной индифферентности» и превращения личности в субъекта контркультуры, а также роль в этом процессе творческой интеллигенции ГДР.

Научная новизна исследования

Новизна работы заключается в следующем:

- выявлены универсальные и конкретно-исторические характеристики контркультуры ГДР;

- исследованы условия формирования национально-культурной идентичности в ГДР, а также становления субъекта контркультуры в контексте общества «левого тоталитаризма»;

- представлена структура контркультурного процесса в ГДР;

- проанализированы различные способы выражения протеста в условиях тоталитарного общества;

- выявлены магистральные антропологические интенции творчества представителей контркультуры ГДР.

Основные положения, выносимые на защиту

- контркультура приобретает конститутивный статус в пределах социокультурного образования, когда объединяет различные маргинальные тенденции в единый эволюционный процесс, направленный на трансформацию культурной реальности;

- возникновение маргинальных тенденций в различных социальных стратах, а также их объединение на основе общей антитоталитарной интенции характерно именно для общества «левого тоталитаризма», где они и приобретают статус контркультуры;

- в структуре контркультуры общества «левого тоталитаризма» важнейшее место принадлежит оппозиционной интеллигенции, и, в первую очередь, творческой;

- в условиях Европейских тоталитарных обществ особое значение приобретает национально-культурная идентичность, кризис которой возникает в результате противоречия ее составляющих (национальной и культурной), что и ведет к формированию субъекта контркультуры;

- основанием кризиса национально-культурной идентичности в Восточной Германии, а также структурной усложненности и амбивалентности контркультуры ГДР можно считать исторические и геополитические условия: чувство вины за нацистское прошлое, наличие убежденных марксистов, привнесенный извне социалистический выбор, а также относительная свобода контакта с капиталистической страной;

- контркультурное движение в ГДР характеризуется существованием двух ведущих стратегий диссидентства («лояльной» и «непримиримой»), а также включением в его структуру неконформистских молодежных движений;

- объединяющую роль в контркультурном движении ГДР сыграла Восточногерманская Евангелическая церковь, которая отделилась от западной Евангелической церкви, не ушла во внутреннюю эмиграцию и приобрела статус «церкви при социализме»;

- «лояльная» стратегия диссидентства в ГДР осуществлялась посредством формирования различных «ниш», в которых и происходила декларация и фиксация контркультурных установок, что, в первую очередь, включало: поиск «третьего пути», а также своеобразную «игру» с легитимирующим дискурсом партийного руководства;

- «непримиримая» стратегия диссидентства реализовывалась в таких привилегированных «зонах» протестной напряженности, как: коммуникативные трансакции с ФРГ, патронаж Восточногерманской церкви, а также «открыто» нелегитимная социальная активность;

- контркультура ГДР в силу особых геополитических обстоятельств оказалась последней формой манифестации национально-культурной идентичности восточных немцев и стала «последним реликтом» их культуры.

Научно-практическая значимость

Исследование способствует более глубокому пониманию роли контркультуры в динамике развития любой культуры, процессов функционирования контркультуры в системе культуры тоталитарного общества, различных форм ее проявления, зависящих от конкретно-исторических условий. Результаты диссертационной работы позволяют расширить знания о контркультуре ГДР, находившейся в исключительной геополитической и социокультурной ситуации. Методологическая база исследования может быть использована при анализе других форм контркультурных процессов. Применение междисциплинарного подхода в рамках настоящей работы делает возможным использование её результатов в рамках как культурологии, политологии, так и областей науки, специально занимающихся культурой, литературой, искусством ГДР. Материалы исследования могут использоваться при написании научных и научно-популярных работ, создании учебных пособий, подготовке учебных программ по культурологии, истории, теории и истории культуры.

Апробация результатов исследования. Основные положения данного исследования обсуждались на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры культурологии СПбГУ (2012-2014) и излагались в виде научных докладов на международных научных и научно-практических форумах: «Информационное развитие современной науки» (Уфа, 31 января 2014), «Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации» (Псков, 5-7 декабря 2012), «XVI

международная конференция, посвященная проблемам общественных наук» (Москва, 1 февраля 2014), «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (СПб., 20-21 февраля 2013). По теме диссертации опубликовано 9 печатных работ (общим объемом 3,2 п.л.), в том числе в журналах, рекомендованных ВАК РФ – 4.

Диссертация обсуждена на кафедре культурологии философского факультета СПбГУ (30.06.2014) и рекомендована к защите.

Объем и структура исследования. Диссертационное исследование, общим объемом 196 страниц, включает в себя введение, две главы, заключение и библиографический список, насчитывающий 188 источников.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТРОКУЛЬТУРЫ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Контркультура как неотъемлемое условие существования культуры: различные подходы к интерпретации контркультуры

Как известно, сложность феномена культуры, характеризующегося взаимодействием различных явлений и процессов, обуславливает многочисленность его трактовок и определений. Так, если на международном философском конгрессе, состоявшемся в 1980 г., шла речь приблизительно о двухстах пятидесяти различных определениях данного понятия, то в начале XXI в. исследователи указывали на существование уже более пятисот различных трактовок.¹ Безусловно, многочисленность трактовок культуры отражает разнообразие подходов к ее истолкованию. Несмотря на все многообразие определений культуры, одной из определяющих характеристик данного понятия является системность. Так, например, культура определяется А.Флиером как «система согласованных процедур и способов коллективного существования людей, их деятельности и взаимодействия, обозначений и оценок», как «система упорядоченных правил и социально приемлемых технологий удовлетворения групповых и индивидуальных интересов и потребностей».²

---

¹ Кармин А. Культурология. – Санкт – Петербург – Москва - Краснодар: Лань, 2003. - С.6

² Флиер А.Я. Культура. // Культурология. XX век. Словарь. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997.- С. 204

Философ М.С. Каган, считая системный подход методологической основой исследования культуры, солидаризируется с концепциями историка культуры П.К. Анохина, который подчеркивал, что только системный анализ культуры позволит получить знание о каждом типе культуры как о специальной целостности, а также с идеями философа Э.С. Маркаряна, который, указывая на плодотворность системного подхода, считал его одной из фундаментальных стратегий научного исследования, исторически вызванной необходимостью изучения сложноорганизованных систем адекватными познавательными средствами.¹

Рассмотрение феномена культуры в качестве системы, т.е. совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство, позволяет говорить о ряде функциональных особенностей, которые присущи ей неотъемлемо, облигаторно, таких как способность к самообновлению, постоянному порождению новых форм; адаптация к меняющимся условиям; постоянная селекция и отбор тех форм культуры, оказавшихся наиболее эффективными и приемлемыми в определенных условиях; способность к саморазвитию и самопреобразованию, структурно-функциональному усложнению.²

В данной работе, направленной на исследование отдельных сегментов культуры, именно понятие системности позволяет проследить характер взаимодействия отдельных составляющих сложнейшего пространства культуры, а также их роль в процессе культурных преобразований. Как известно, в процессе развития культура как система не может сохранять свою универсальность, целостность и однородность. Усложнение культуры как системы необходимо приводит к формированию многоуровневой, разветвленной структуры, характеризующейся множеством компонентов, функционирующих

---

¹ Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). - М. 1974. - С.20

² Флиер А.Я. Культура. // Культурология. XX век. Словарь. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. - С. 206

как обособленные подсистемы. Так, например, еще И.Г.Гердер указывал на существование отдельных элементов культуры, которые, имеют относительную самостоятельность и в то же время являются составной частью общей культуры. К таким «элементам» культуры, согласно мнению исследователя, относятся религия, мораль, наука, искусство и т.д.¹

Будучи структурно вовлеченными в общую систему культуры, отдельные культурные подсистемы могут обладать различной степенью автономности. По вектору своего развития подсистемы также могут различаться; они могут быть как всецело вовлеченными в главенствующую культурную систему, так и противопоставленными ей. По мнению Е.Г.Соколова, различные культурные подсистемы, появляющиеся в процессе развития культуры, могут рассматриваться как формы ее преобразования. В процессе развития или преобразования культуры внутри прежде единого культурного пространства появляются автономности, которые воспроизводят себя в отличных от господствующей системы и иных подсистем формах.² Так, например, согласно известной концепции М.Бахтина, народная, карнавальная культура являлась антиподом средневековой официальной культуры.³

Для определения культурных подсистем, или культурных автономностей, являющих собой преобразованные формы господствующей культурной системы, как правило, используется понятие *субкультуры*, под которой исследователями подразумевается особая форма культурного устройства: «С помощью категории «субкультура» мы констатируем, что внутри целостного господствующего образования всегда присутствуют некие суверенные и отличные от нее культурные опыты, отличающиеся собственным строем, обычаями, нормами,

---

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Наука, 1977.

² Соколов Е.Г. Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 53.

³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: - Худож. лит., 1990.

поведенческими сценариями, художественно-стилистическими регламентами.¹ Признаком автономности субкультуры является ее целостность: субкультура - это «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами».²

Говоря о значительном многообразии субкультур, исследователи выделяют субкультуры классовые, этнические, молодежные и т.д. Значительное число современных исследований посвящено изучению молодежных субкультур как в культуре России, так и в странах запада (М.В.Самоянцев 2005; С.И.Левикова 2004; Долгова Т.П., Клейбер Ю.А. 1997 и др.).

В целом, субкультурные образования, характеризуясь различной степенью автономности, находят проявление в языке, сознании, этических и эстетических предубеждениях их носителей. Многообразие и многочисленность субкультур позволяет говорить о том, что современная культура представляет собой определенную совокупность конфликтующих субкультур.³ В то же время, по наблюдениям исследователей, субкультуры не претендуют на замещение господствующей культурной системы, а могут приспосабливаться к ней и сосуществовать с ней. Субкультуры представляют собой вариации, преобразования главенствующей культуры, вносящие в нее разнообразие. Несмотря на то, что векторы развития субкультур могут быть направлены против тех или иных аспектов доминирующей культуры, они, как правило, не содержат в себе революционных задатков и лишь способствуют некоторым эволюционным преобразованиям культуры как таковой.⁴

---

¹ Соколов Е.Г. Субкультуры и контркультуры // Культурология : Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 53.

² Гуревич П.С. Субкультура. // Культурология. XX век. Словарь. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. - С.451

³ Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. Философия. Психология. Культурология. - М.: Олимп, ООО «Фирма» Изд-во АСТ», 1999. - С.221

⁴ Соколов Е.Г. Субкультуры и контркультуры // Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 51.

Субкультуры получают различные характеристики в зависимости от того, что принимается в каждом конкретном случае за господствующую культурную систему. Так, они могут определяться как историческими и географическими условиями, так и демографическими характеристиками, этнической принадлежностью, религиозными и мировоззренческими установками их представителей. Каждый вид субкультуры, обусловленный перечисленными характеристиками, является лишь преобразованной формой господствующей системы культуры, возникшей в процессе ее развития.

Однако формы преобразования культуры могут доходить до степени противопоставленности самой системе культуры, приобретать отрицающий и даже революционный характер. Такие противопоставленные господствующей культуре подсистемы определяются исследователями как *контркультуры*: «субкультура не претендует на то, чтобы стать доминантой эпохи, сменить предыдущий культурный стандарт, превратиться в официальную доктрину. Этим она принципиально отличается от понятия «контркультура», которая, напротив, открыто противопоставляет себя и притязает на лидирующее положение».¹ Исследователи подчеркивают, прежде всего, радикальность отрицания, заложенного в сущности контркультуры и не свойственного субкультуре: «...уже сама приставка «контр» означает противодействие, противопоставление, противоположность тому, что выражено во второй части слова. Контркультура – это субкультура, резко отличающаяся от господствующей и являющаяся прямым вызовом ей. Она представляет собой полное, радикальное отрицание официальной культуры, выступает как средство разрушения ее содержания и форм».² Радикальность отрицания приводит к возможной агрессивности контркультуры: «Контркультура... очень часто претендует на универсализм,

---

¹ Соколов Е.Г. Субкультуры и контркультуры // Культурология : Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 51.

² Левикова С.И. Молодежная субкультура. - М.: Издательско-торговый дом «Гранд», 2004. - С.

выходя за свои рамки, насильно насаждая свои ценности и нормы. Она достаточно агрессивна и ярко нигилистически настроена. Для контркультуры характерны нонконформизм, радикальность, революционность».¹

Само понятие *контркультура* было введено в западный научный глоссарий в 1960-е годы во время молодежных волнений для характеристики молодежных выступлений и движений тех лет американским социологом Т.Роззаком, поддержавшим бунтующую молодежь и ставшим теоретиком этих движений. При этом термин *контркультура* использовался им в качестве некоторого понятия, объединяющего в относительно целостный феномен различные духовные веяния, направленные против господствующей культуры.² Как отмечает Е.Г. Соколов, контркультура молодежных волнений 1960-х года характеризовалась значительной утопичностью и отсутствием программы установления какой-либо позитивной альтернативы. Однако несмотря на то, что молодежные движения не закончились ниспровержением господствующей системы культуры и установлением господства альтернативной системы культуры, они оказали существенное влияние на дальнейшую культурную эволюцию и изменили облик официальной культуры.³

Показательно, что еще до зарождения молодежного движения 1960-х годов и появления самого термина *контркультура*, многие мыслители XX столетия, не употребляя данного термина, говорили о необходимости становления определенной формы культурной оппозиции и о причинах, которые должны побудить индивидов на подобное оппозиционное культуротворчество. Так, например, по мнению С.И.Левиковой, исследующей проблему субкультурных различий, Г.Маркузе в своем труде «Одномерный человек» хотя и не употреблял еще не введенного в научный обиход понятия контркультуры, но говорил именно

---

¹ Пономарева Г.М. Основы культурологии. - М.: 1998. - С. 317

² Левикова С.И. Молодежная субкультура. - М.: Издательско-торговый дом «Гранд», 2004. - С. 117

³ Соколов Е.Г. Субкультуры и контркультуры // Культурология : Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 51.

о ней. Сформулировав идеологию Великого Отказа, Г.Маркузе стал одним из идеологов студенческих революционных выступлений 1960-х годов, получивших впоследствии название контркультуры.

По мнению Г. Маркузе, современная ему культура индустриально развитого общества являлась культурой репрессивной. Он объяснял это тем, что индустриально развитое общество для своего существования требовало от индивидуума определенных стандартизированных стремлений и влечений, которые могли быть навязаны человеку исключительно извне с помощью репрессивной культуры. Так, в своем труде «Одномерный человек» Г.Маркузе писал, что: «человеческие потребности историчны» в том смысле, что они репрессивно навязаны интересами эпохи. «Репрессивным развитием» индивида мыслитель называл установление «ложных потребностей», под которыми он понимал те потребности, «которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость».¹

Для того, чтобы репрессивная культура бесповоротно не превратила общество во внутренне несвободных людей, действующих исключительно исходя из навязанных извне эталонов и норм, по мнению Г.Маркузе, необходим «Великий отказ» или «протест против существующего», только посредством которого возможно достижение нерепрессивного общества и нерепрессивной культуры. По мнению С.И.Левиковой, такая нерепрессивная культура эквивалентна позднее появившемуся понятию контркультуры, поскольку подразумевает культуру, направленную на отрицание господствующей репрессивной культуры.²

---

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: АСТ Москва, 2007. - С.7.

² Левикова С.И. Молодежная субкультура. - М.: Издательско-торговый дом «Гранд», 2004. - С.

Таким образом, любая культура не является монолитным феноменом, а в каждый момент своего развития характеризуется сложной морфологией, поскольку состоит из отдельных автономностей, имеющих различную степень противопоставленности официальной культуре, находящихся в процессе постоянного взаимодействия с ней, участвующих в процессе культурных преобразований и различающихся различной интенсивностью притязаний на лидирующее положение в системе культуры.

Как известно, термин «контркультура» в научное употребление был введен введенный американским социологом Т.Розаком и был направлен на теоретическое осмысление молодежных протестных движений 60-х гг. XX в. За несколько десятилетий понятие контркультуры претерпело существенные интерпретации и переосмысления, получило различные, нередко противоположные оценки, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Его осмысление осуществлялось в рамках различных дисциплин: контркультура стала предметом изучения в рамках социологии (проблемы социализации и идентификации молодежи и др.), психологии (кризис идентичности личности, формирование протестного сознания), культурологии и философии (онтологическая сущность культуры и логика ее развития). Нередко исследователи говорят об «узком» и «широком» понимании контркультуры: как о дискретном явлении, связанном с единичными конкретно-историческими событиями, и как о феномене, инвариантном для любой культуры, создающем своего рода континуум культурного развития.

Существенно, что характер интерпретации данного явления был обусловлен не только сферой научного знания и научной концепцией исследователей, но и официальным идеологическим контекстом (ср., например, первые отечественные фундаментальные работы, посвященные анализу контркультуры, Г.Василева, В.Молчанова, Ю.Н.Давыдова и И.Б. Роднянской и других исследователей), согласно которым контркультура рассматривалась как болезненное проявление проблем капиталистического общества.

В настоящее время термин «контркультура» получил широкое распространение, что, по мнению исследователей, привело к тому, что «его понимание к настоящему времени претерпело резкие изменения и расширилось до неузнаваемости...».¹ По прежнему одной из нерешенных проблем остается его соотношение с понятием субкультуры, о чем говорилось выше. По мнению одних исследователей, контркультура является определенной стадией развития субкультуры: подсистема культуры или субкультура переходит в стадию контркультуры тогда, когда от мирного сосуществования в рамках главенствующей системы культуры она переходит к притязанию на собственную универсальность, выходя за рамки собственной среды и в попытках установить свои ценности на более широкие социальные общности переходит в стадию резких революционных преобразований.² По мнению других, субкультура и контркультура - это разные типы культуры. Так, С.И.Левикова, рассматривая особенности субкультур на примере молодежной субкультуры, говорит о том, что молодежная субкультура и контркультура – это два различных типа культуры, которые могут: а) не иметь ничего общего между собой, б) взаимопересекаться и в) сливаться в одно целое, создавая некий «симбиоз».³

Широкое использование термина «контркультура» привело к многообразию его истолкований, обзор которых позволил выделить несколько различных подходов к пониманию данного феномена. Представляется возможным с достаточной степенью условности выделить три основных подхода к пониманию термина *контркультура*.

Первый подход можно обозначить как культурфилософский, предполагающий рассмотрение данного явления в наиболее широком контексте,

---

¹ Левикова С.И. Молодежная субкультура. - М.: Торгово-издательский дом «Гранд». 2004. - С. 117

² Соколов Е.Г. Субкультуры и контркультуры // Культурология : Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. - М.: Высшее образование, 2007. – С. 53.

³ Левикова С.И. Молодежная субкультура. - М.: Торгово-издательский дом «Гранд». 2004. - С. 118

позволяющим осуществить его философско-теоретическое осмысление. Этот подход раскрывается в работах П.С.Гуревича, В.К.Королева, М.Р.Жбанкова, А.И.Бондаренко, И.В.Ковшовой, В.Н.Леонтьевой и других исследователей. Как отмечает П.С. Гуревич, «культура вовсе не развивается путем простого приращения духовных сокровищ. Если бы процесс культурного творчества шел плавно, без поворотов и мучительных мутаций, человечество располагало бы сегодня разветвленной монокультурой. В Европе, в частности, все еще экспансионистски развертывала бы себя античная культура».¹ Рождение новых культурных эпох и культурных систем, радикально отличающихся друг от друга, говорит о том, что в культуре постоянно происходят сдвиги парадигмального масштаба. Столь глубинные преобразования, по мнению П.С. Гуревича, порождаются влиянием контркультуры. Исследователь подчеркивает, что культурфилософия не располагает другим понятием, которое указывало бы на общесоциологический характер такого рода преобразований.²

Широкое и культурфилософское по своему характеру определение контркультуры дает В.К.Королев, характеризуя ее как деятельность по разрушению доминирующей системы культурных ценностей, замену их новыми, во многом противоположными по своим характеристикам ценностям старой культуры, которые агрессивно преодолевают, преобразуют ее.³ Контркультура в таком понимании знаменует собой гибель старой культуры и расцвет новой, то есть смену культурных эпох.

М.Р. Жбанков определяет контркультуру как «конструктивное культуротворчество, связанное с экспериментально-авангардистским поиском мировоззренческих оснований новой эпохи». Автор отмечает, что контркультура является возможностью, которая необходимо присутствует в любой социальной

---

¹ Гуревич П.С. Контркультура. // Культурология. XX век. Словарь. - СПб.: Университетская книга, 1997. - С.191

² Там же

³ Королев В.К. Контркультура. // Культурология: краткий тематический словарь//Под ред. Драч Г.В., Матяш Т.П. – М.: 2001.

системе. Контркультура переходит из состояния возможности в состояние действительности и заявляет о себе в периоды социальной нестабильности, вызывной кризисом или стагнацией господствующей культуры¹. Эти особенности контркультуры характеризуется М.Р.Жбанковым как «стихийный поиск нового языка культуры».² Как культуротворческий механизм рассматривает контркультуру В.Н.Леонтьева, которая пишет, что в XX веке агональность европейского культуротворчества частично (или полностью) исчерпала свои возможности, поэтому она подверглась «преодолению» в контркультурном комплексе³.

А.И. Бондаренко определяет контркультуру как своего рода антитела, вырабатываемые организмом культуры и обеспечивающие здоровье и жизнеспособность организма в целом⁴, и делает вывод о том, что контркультура в философско-культурологическом истолковании, является неотъемлемой частью культурных инноваций.

В контексте культурфилософского подхода понятие контркультуры приобретает принципиально новый смысл относительно понятия субкультуры, т.е. контркультура становится не частной, наиболее радикальной формой субкультуры, а всей совокупностью субкультур или «совокупным эффектом поисков нового ценностного ядра современной культуры».⁵

При таком понимании контркультуры, она становится механизмом культурной динамики вообще, «готовящим» смену культурных эпох. Так,

---

¹ Жбанков М.Р. Контркультура // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск: ООО «Интерпрессервис», 1998. - С.329

² Жбанков М.Р. Культура, контркультура, антикультура // Философия истории - диалог культур. – М, 1989.

³ Леонтьева В.Н. Культуротворчество: природа, системы, процессы: автореф. Дис. Д-ра философских наук: 09.00.04/ В.Н. Леонтьева. – Харьков: Харьковский гос. ун-т, 2004.- С. 23

⁴ Бондаренко А.И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ: автореф. Дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11/ А.И. Бондаренко.- Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2011. - С. 9

⁵ Гуревич П.С. Контркультура. // Культурология. XX век. Словарь. - СПб.: Университетская книга, 1997. - С.192

например, новые настроения, изменившие религиозную атмосферу средневековой Италии, привели к расцвету Ренессанса, а народное движение против католической церкви, называемое Реформацией, привело к возникновению протестантизма и т.д.

Второй подход к понятию контркультуры имеет более частный характер и раскрывает в большей степени его социологический смысл, нежели культурфилософский. Так, например, Д.Дэвид и Дж.Джери определяют контркультуру или *альтернативную культуру* как любую из субкультур и оппозиционных культур, в которой образы жизни и ценности отличаются от господствующей культуры. Радикальность подобных культур может доходить до полного отрицания главных убеждений, идеалов и институтов господствующей культуры. Такие культуры формируются, как правило, через изоляцию, перед лицом опасности или вокруг общих интересов.¹

Ю.Ю. Петрунина и М.И. Панова дают схожее определение контркультуры: «это субкультура, которая по своим установкам отрицает основную, или господствующую в обществе культуру».² В.К.Королев подчеркивает, что существует подход, согласно которому под контркультурой понимаются «различные виды культурного протеста против доминирующей системы культурных ценностей, стремящегося не разрушить эту систему, а отделиться от нее, вести независимое самодостаточное существование».³

Таким образом, есть основания рассматривать данный, преимущественно социологический подход к понятию контркультуры как более частный по отношению к культурфилософскому подходу.

---

¹ Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. - М.: 2001.Т.1 - 544с., Т.2 - 528с.

² *Социология/Словарь по обществознанию/* под ред. Петрунина Ю.Ю, Панова М.И. – М.: Книжный дом «Университет», 2005 – 512 с.

³ *Королев В.К. Контркультура. // Культурология: краткий тематический словарь//*Под ред. Драч Г.В., Матяш Т.П. – М.: 2001.

Третий подход к понятию контркультуры в рамках данного исследования представляет наименьший интерес, поскольку является наиболее узким, отсылая к конкретному историческому событию или субъекту контркультуры, например, к молодежному движению 1960-х годов, когда этот термин только вошел в употребление. Так, например, Ю.Н.Давыдов определяет контркультуру как понятие, используемое для обозначения «идеологических и мировоззренческих установок, радикально противостоящих принципам и основоположениям, господствовавшим в западной культуре вплоть до последней трети XX в., а также в качестве характеристики одной из тенденций молодежной субкультуры 1960—70-х гг., отмеченной резким неприятием молодым поколением современной ему «культуры отцов», освящаемого ею образа жизни и формируемого ею типа личности».¹ Несмотря на то, что в данном определении контркультура не понимается исключительно как конкретное молодежное движение, его идеологические и временные рамки ограничиваются революционными настроениями интеллигенции, спровоцированным именно молодежными волнениями тех лет и реакцией на кризис культуры индустриального общества.

К этому подходу можно отнести и концепцию Ч. Рейча, представленную в его книге «Зеленеющая Америка», согласно которой лежит идея необходимости революции в сознании, которая должна изменить технократический мир и установить контркультуру: «Американцы потеряли контроль над механизмом своего общества, и только новые ценности и новая культура могут восстановить контроль».² Однако Ч.Рейча интересовала не контркультурная идея вообще, а ее конкретное проявление в США, в совершенно конкретных исторических условиях.

Первый теоретик контркультуры Т.Роззак в книге «Создание контркультуры» определил контркультуру как тип протестующего

---

¹ Давыдов Ю.Н. Контркультура. // Новая философская энциклопедия/ Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001.

² Reich Ch. The Greening of America. – NY: 1971.

мироощущения, характерного в конце 60-х годов для «детей технократов», т.е. для привилегированного студенчества и интеллигенции. Исследователь подчеркивал противодействие контркультуры «культуре отцов», поскольку молодым особенно ненавистно то, что «родители» устремляются в погоню за благами и наслаждениями «показного потребительства».¹

В дальнейшем ходе исследования понятие контркультуры будет использоваться преимущественно в культурфилософском и социологическом значениях, поскольку в нашей работе, прежде всего, делается акцент на основной интенции контркультуры, которая выражается в ее стремлении к замене доминирующей системы ценностей, объединяющей различные группы общества, а не на единичных конкретно-исторических событиях и их субъектах, сообщающих контркультуре конкретную социальную и историческую привязанность.

Помимо различных подходов к изучению феномена контркультуры, о его неоднозначности и сложности свидетельствует ряд нерешенных проблем. До сих пор не изжитым является представление о контркультуре как явлении, бросающем вызов культуре вообще, т.е. как об антикультуре. В связи с этим существенным представляется замечание И.В. Ковшевой, полемизирующей с теми исследователями, которые рассматривают контркультуру в качестве антикультуры. Исследовательница пишет о том, что исходя из философско-антропологического подхода, все созданное человеком принадлежит к полю культуры и не может выводиться за ее пределы, т.е. считаться «внекультурным», ввиду чего контркультура не может рассматриваться как нечто отрицающее культуру как таковую².

---

¹ Roszak Th. *The Making of a Counter-Culture; Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition*. - NY: 1969.

² *Ковшева И.В.* Философско-теоретическая модель контркультуры: автореф. Дис. Канд. философских наук: 09.00.13/ И.В. Ковшева. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2007. - С. 9

Более того, многие исследователи подчеркивают духовную, культуруохранительную сущность контркультуры: «Родившись в 60-е годы среди студенчества и интеллигенции, контркультура стимулировала повышение градуса интеллектуальности (...), ориентировала на духовные ценности, в центр внимания ставя человека, любовь к нему»¹. В проблемном поле контркультуры находится вопрос о сознании ее субъекта (прежде всего, о конформистском и nonконформистском типах сознания и соответствующих способах поведения). Исследователями традиционно подчеркивается связь контркультуры с nonконформизмом: «контркультура выступает как установка на nonконформистский тип поведения, который опять же определяется лишь по (и через) противоположности к чему-то другому: в данном случае к конформистскому способу поведения»². Однако в некоторых работах отмечается неравнозначность понятий nonконформизма и контркультуры, nonконформистского и контркультурного сознания. Так, например, А.Б.Есин, возражая против сближения этих понятий, выделяет их следующие различия: во-первых, nonконформизм представляет собой более стихийное явление, возникающее без глубокого анализа; для него характерна меньшая роль интеллигенции; во-вторых, nonконформизму присуще отрицание без полного понимания смысла, а также акцент на внешней форме³.

Важным для культурфилософского подхода к явлению контркультуры является вопрос о релевантности контркультурных процессов тому или иному типу общества. Данный вопрос будет рассмотрен в последующих параграфах.

---

¹ Султанова М.А. Феномен контркультуры в западном сознании//Контркультура и социальные трансформации/ Сборник тезисов советских философов. - М.: 1988. - С. 60-61

² Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. Социология культуры. - М.: Наука, 1980. - С.172

³ Есин А.Б. Введение в культурологию. - М.: Изд. Центр «Академия», 1999.- С.216

1.2. Основные характеристики контркультуры в условиях тоталитарного общества

Хотя идеология контркультуры разрабатывалась мыслителями применительно к определенной стадии развития общества, а именно - к капиталистическому индустриально развитому обществу, переходящему в стадию постиндустриализма, она представляется применимой и к другим типам общества.

Исходя из того, что (как уже отмечалось выше), контркультура является своего рода реакцией на репрессивность официальной культуры, то ее возникновение в наибольшей степени закономерно именно в тоталитарных обществах, в которых репрессивные факторы проявляются в более очевидной и яркой форме. Обращение к понятию тоталитарного общества требует определенных уточнений, поскольку, по общему мнению исследователей, данный термин, претендующий на роль сложного концепта, к настоящему времени является многозначным и неопределенным. Существенно, что понятия тоталитарности, тоталитарного общества, тоталитарного государства трактуются исследователями по-разному, нередко в зависимости от исторической эпохи, политических убеждений и идеологических предпочтений.

Изучение тоталитаризма и тоталитарных систем началось в 1920-х годах в связи с описанием фашистских процессов в Италии и разворачивающегося нацистского движения в Германии. Термин *тоталитарный* впервые был употреблен критиками Б. Муссолини и содержал негативную оценку введенного им режима, однако сам он использовал его для определения созданного им политического режима. Словосочетание *тоталитарное государство* появляется в речи Муссолини в 1925 году. В исследовательской литературе часто приводится ставшее прецедентным высказывание Муссолини – «Все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства, одна

лишь жестокая тотальная воля...»¹. Этот термин употреблялся в гитлеровской Германии для характеристики фашистского режима, а в период «холодной войны» западные критики советской системы начали использовать его по отношению к советскому государству. Ввиду дискуссионности данного концепта, его содержание должно быть уточнено и соотнесено с понятиями нацистского и советского режима, которые нередко подводятся под универсальный знаменатель тоталитаризма.

Достаточное распространение в науке получили представления о тоталитаризме как о «неспецифическом» явлении, в той или иной степени присущем практически всем государствам, прежде всего, современным, но также существовавшим на протяжении истории. Еще первый теоретик контркультуры Т. Роззак поднимая этот вопрос, писал следующее: «Почему в наше время чем больше развито общество, тем глубже в нем гнет тоталитарного насилия, который становится тяжелее, чем у варваров? Отчего нравственный упадок, национализм и болезнь тотальной войны продолжают преследовать потомков Возрождения, причем гораздо сильнее, чем во времена Вольтера?»². Ф. Серс пишет о том. Что переход от сильного правительства к тоталитарному режиму быстр и зачастую даже незаметен. Осознание такой перемены, как правило, происходит слишком поздно – что, собственно и случилось в Германии во времена нацизма. Все тогдашние свидетельства сходятся на том, что многие люди доброй воли осознали дрейф в сторону тоталитаризма со значительным опозданием³. Н.В.Михеев, анализируя особенности тоталитаризма в России пишет о том, что он существует в той или иной мере во всех современных странах и в мире в целом, поскольку

---

¹ цит. по: *Гудков Л.* Негативная идентичность./ Статьи 1997-2002 годов.- М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.- с.380

² *Rozzak Th.* Where the wasteland ends (politics and transcendence in postindustrial society). – N.-Y.: 1972.- P. XX, XXVIII

³ *Серс Ф.* Тоталитаризм и авангард. В преддверии запредельного.- М.: Университетская книга, 2012.- С. 24

природа тоталитаризма естественна, как естественно всякое выражение интересов субъекта, стремление выразить их во властной форме¹. Развивая свою мысль уже в другой работе автор говорит о том, что если обратиться к истории, то можно обнаружить истоки тоталитаризма в самых древних эпохах, но это формы «недостаточного», недостаточно «тотального» тоталитаризма носят иные названия. Современный же «классический» тоталитаризм возник на основе современного уровня производительности труда, когда стала возможной эксплуатация производящего меньшинства населения большинством управляющего. Именно такой тоталитаризм становится полным – тотальным².

Многие исследователи, занимающиеся «классическим» тоталитаризмом, связывают его актуальное содержание с «новыми диктатурами», т.е. тоталитарными обществами XX века, к которым в равной степени относят нацистский (фашистский) и советский (большевистский) режимы. Такая трактовка развивается в работах Х.Арендт, К.Ясперса, К.Фридриха, З.Бжезинского, Ф.А.Степуна, Л.Г.Сухотиной и многих других исследователей. Основанием для уравнивания этих обществ является разработанная теоретиками тоталитаризма универсальная модель тоталитарного общества. Первые разрозненные исследования тоталитарных систем были обобщены и концептуализированы в ставших классическими работах Х.Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951) и К.И. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарные диктатуры и автократия». В своей книге Х.Арендт делает акцент на идеологической составляющей тоталитарной системы и терроре как ее неотъемлемой составляющей, опираясь при этом на проявления террора фашистского и советского режимов, испытанные ею на собственном опыте. В работе Фридриха и Бжезинского представлено сравнительное описание структуры

---

¹ Михеев Н.В. Тоталитаризм в мире и России// Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 3.- Томск.: Томский областной антифашистский комитет, 2000 - С. 48-51

² Михеев Н.В. Атрофия личности в тоталитарном обществе// Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4.- Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2001. - С. 48

тоталитарных режимов и технологии осуществления тоталитарной власти. Авторы книги сформулировали основные составляющие так называемого «тоталитарного синдрома»: однопартийная система, идеология, террор, монополия на средства массовой информации, монополия на оружие и централизованно управляемая экономика. По мнению названных и многих других авторов, этой универсальной модели тоталитарного общества в равной степени соответствуют нацистский и советский режимы: «главные формы тоталитаризма в 20 веке – это большевизм и фашизм. Руководствуясь едиными лозунгами, они имели в виду примерно одно и то же – поменять онтологический статус человека»¹. Это изменение онтологического статуса человека в условиях тоталитаризма, по мнению исследователя, сводится к отказу от своего бытия в пользу некоей социальной целостности.

В отечественной науке также идет речь о некоторых общих признаках тоталитарных систем: 1) насильственное установление однопартийной системы, ее монополия на политическую жизнь общества; 2) фигура вождя, стоящая во главе партии и наделяемая харизматическими чертами; 3) сращивание государства и партии, более того, подчинение государства партии; 4) наличие единой идеологии, обладающей монополией; эта идеология должна иметь мобилизующий эффект для масс, поэтому она ставит перед собой и обществом тотальную цель, будь это «мировой коммунизм» или «мировое господство»; 5) нераздельность монополии власти и ее идеологии и используемых ею средств насилия и террора. Великая вера в построение нового общества, нового порядка в мире и вызываемый ею энтузиазм может сочетаться лишь со стрессом и смирением неверующих в эту великую цель. Поэтому неотъемлемой частью тоталитарного режима являются концлагеря, а идеологические враги признаются опаснее уголовников².

---

¹ *Сохань И.В.* Тоталитарные изменения в повседневности// Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 3.- Томск.: Томский областной антифашистский комитет, 2000. - С. 83

² *Гуревич П.С.* Современный гуманитарный словарь-справочник. Философия. Психология. Культурология. - М.: Олимп, ООО «Фирма» Изд-во АСТ», 1999. - С. 432

Однако далеко не все исследователи ставят знак равенства между различными тоталитарными обществами XX века, подходя к этому разграничению с разных позиций. Б.В. Марков пишет о том, что «в эпоху плюрализма и децентрации социалистическая культура незатейливо обвиняется в тоталитаризме. Это понятие было введено Х.Арендт для отождествления фашизма и социализма, то есть для снятия «немецкой вины». За выполнение этой задачи она получила признание в Германии. Но стоит ли всем остальным соглашаться с такой оценкой?»¹. Примером неоднозначного отношения в природе нацистского и восточноевропейского тоталитаризма является известная дискуссия, которая произошла в Западной Германии в 1987-1988 годах и получившая название «спор историков». Одни участники этой дискуссии говорили об общности тоталитарной тенденции в нацистской Германии и странах послевоенной Европы², другие указывали на специфику германского фашизма³.

Основания этого разграничения нуждаются в осмыслении и систематизации. Показательно, что в советский период в отечественной науке термин «тоталитаризм» не являлся предметом пристального изучения применительно к собственной стране. Существенную роль в этом сыграла Вторая мировая война, с которой связаны понятия «фашизма» и «антифашизма». Л.Гудков так комментирует это обстоятельство: «Вторая фаза исследований тоталитаризма была прервана войной. На некоторое время по понятным причинам прекратилось сопоставление советской и нацистской систем. Именно в это время усилиями коминтерновцев и советских пропагандистов родился миф о единстве антифашизма и демократии (...). С этого времени знак равенства между понятиями «советский строй», «новая демократия» и «антифашизм» стал

---

¹ Марков.Б.В. Символическая защита: тотальность и тоталитаризм// - Нева: 2011. - №6 – С.124.

² Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg von 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. – Frankfurt a. M., 1987

³ Habermas J. Die postnationale Konstellation. Politische Essays. – Frankfurt a M.: - 1998

несомненным и общепринятым»¹. Показательно, что идеологическое детерминированное неприятие уравнивания нацизма и социализма существовало и в среде историков ФРГ, которые считали невозможным уравнивать преступления нацизма с последствиями других авторитарных режимов², в том числе потому, что это снимало комплекс вины с Германии за совершенные нацистским режимом преступления.

Исследователи тоталитарных систем находят различные основания их разграничения. Так Л. Гудков пишет о том, что для многих исследователей «в общей теории тоталитарного государства мифология единого народа, монолита «партии-народа-государства» оказалась более важной, чем явные различия двух режимов, советского и нацистского, их разное происхождение, разные культурные и политические традиции, разные идеологические основания (у нацистского – расовое превосходство и претензии по этим основаниям на господство немецкого народа, территориальная и политическая экспансия; у советской системы – первоначально идеологически-революционное, коммунистическое доминирование, позднее великодержавная экспансия и противостояние Западу)»³. О важности идеи для тоталитарного общества говорит и В.С. Жидков, подчеркивающий, что важную роль в тоталитарной идеологии играют понятия *нация, ее историческое предназначение, национальная идея* и т.п.⁴. Продолжая эту мысль, представляется важным отметить, что идеи расового превосходства и необходимости уничтожения других народов были конституированы нацизмом, в то время как при социалистическом режиме

---

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. / Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. - С. 393

² Eckhard J. Totalitarismusforschung im Streit der Meinungen // Totalitarismus in XX. Jahrhundert. - Baden-Baden: Nomos, 1996. - S. 10

³ Гудков Л. Негативная идентичность. / Статьи 1997-2002 годов. - М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», - 2004. - С. 404

⁴ Жидков В.С. Искусство как средство конструирования коллективной идентичности: Опыт большевистской социальной инженерии. // Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 456

сходные идеи существовали имплицитно, не превращаясь в форму официальной доктрины (которая в целом была сформулирована на гуманистических основаниях). Здесь уместно привести замечание В.К. Кантора о том, что именно использование идеи для достижения своих вполне практических, без идейного оформления, уголовно наказуемых целей и есть *секрет тоталитаризма*¹. И хотя далее В.К. Кантор говорит, что прикрываясь идеей, тоталитаризм скрывает свою уголовную сущность, которая проявилась в момент захвата власти большевиками, все же, на наш взгляд, принципиальной представляется и сама идея. Отсутствие в самой идее расистских, антисемитских и др. составляющих создавало для части населения иллюзии относительно гуманистической направленности режима, относя все ужасы тоталитаризма на счет личных «перегибов» и ошибок.

Заметным в исследовании проблематики тоталитарности является мнение ряда зарубежных и отечественных авторов, к которым относятся Х.Арендт, К.Ясперс, Ф.А.Степун, Л.Г.Сухотина и др., согласно которому именно коммунистический режим (в сравнении с нацистским) в большей степени базировался на кровавом терроре и репрессиях. На такие заключения Х.Арендт подтолкнул изученный ею Смоленский архив, содержащий документацию партийных органов с 1917 по 1938 годы. Арендт поразило в этих документах отсутствие точного числа жертв и указаний об отношениях между различными сферами власти (ЦК, военными, НКВД), а также наличие многих противоречивых данных. Архив продемонстрировал отсутствие организационной структуры режима, которая, по мнению Арендт, существовала в нацистской Германии. Все эти факты, по мнению исследовательницы, свидетельствовали о том, что большевизм в большей степени, чем нацизм, основывался на насилии и терроре.

Л.Г.Сухотина, анализируя концепцию Ф.А.Степуна, пишет о том, что философ пытался найти ответ на вопрос о том, почему большевистский режим в России оказался столь жестоким, кровавым и длительным в сравнении с

---

¹ Кантор В.К. Негативная идентичность: Насилие в русской культуре. // Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 318

нацистским режимом в Германии. Ответ на вопрос он находит в существенных различиях в уровне и специфике культурного развития обеих стран. Специфику русской революции и последовавшего за ней тоталитарного режима автор связывает с исторически сложившимся низким уровнем культуры русского человека, обусловленного огромной территорией страны, ее хлеборобных земель, лишивших его необходимости заботливого и тщательного труда на земле. По этой причине столетиями создавался стиль «малокультурного, варварского хозяйствования», «нелюбовного отношения к земле». Тяжелое наследие этой традиции не гарантировало ожидаемого результата, не спасало от погодных и других случайностей. Борьба против неблагоприятного случая оборачивалась утратой веры в Бога, на смену которой приходила вера в сверхчеловека. Эта мечта и питала грандиозные революционные замыслы¹.

Вопрос о степени репрессивности и жестокости двух тоталитарных систем во многом остается открытым и часто основан на индивидуальном опыте и личных чувствах исследователей.

Существенными для задач нашего исследования являются сомнения ряда авторов, касающиеся утверждения о единстве и монолитности тоталитарного общества. Социалистические общества Восточной Европы, образовавшиеся в середине XX века, а также СССР явили примеры идеологически немонолитного сознания народа (имеются в виду такие явления, как диссидентство, самиздат, восстания в Венгрии, Чехословакии и др.). Такие явления не были распространены в обществе нацистского режима по объективным причинам.

С критерием идеологической монолитности/немонолитности общества связан еще один фактор, не позволяющий ставить знак равенства между нацистским и советским режимом. Этим фактором является возможность

---

¹ Сухотина Л.Г. Нацизм и большевизм в исследовании современников// Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. - Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2001. - С. 132

возникновения и функционирования контркультуры. Как известно, в тоталитарных социалистических обществах существовали предпосылки и условия для развития мощных контркультурных движений, в то время как в фашистской Германии этих условий не существовало. Ставя задачу дифференциации тоталитарных обществ с целью выявления закономерностей функционирования контркультуры, считаем целесообразным не ставить знака равенства между двумя тоталитарными системами и на основании принципиальных различий в их идеологических доктринах, критерия монолитности / немоналитности общества и возможности функционирования в нем контркультуры можно обобщенно говорить о двух основных типах тоталитарного общества XX века – правого тоталитаризма (Германия, Италия) и левого тоталитаризма (СССР, страны социалистического лагеря).

В общественных науках помимо термина *тоталитарный* используется термин *тотальный*. Эти термины, имея общую внутреннюю форму, частично характеризуются и общим содержанием, употребляясь иногда как синонимы. Однако считаем необходимым уточнить и в некоторой степени разграничить эти понятия.

Во-первых, термин *тотальный* характеризует, прежде всего, всеобщее состояние *сознания* людей, которое формируется различными, а не исключительно репрессивными формами. Здесь показательны мысли, высказанные Х. Арндт, говорившей о *тотальном* и *тоталитарном* пути к установлению господства: «Тотальное господство, которое стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, возможно только в том случае, если любого и каждого человека удастся свести к некой никогда не изменяющейся, тождественной самой себе совокупности реакций и при этом каждую такую совокупность реакций можно будет наобум заменить любой другой. Проблема здесь состоит в том, чтобы сфабриковать нечто несуществующее, а именно некий человеческий вид, напоминающий другие животные виды, вся «свобода» которого состояла бы в

«сохранении вида». Тоталитарное господство стремится осуществить эту цель и посредством идеологической обработки элитных формирований, и посредством абсолютного террора в лагерях».¹

Во-вторых, понятие тотальности включается исследователями не в политическое, а в культурологическое пространство. Так, философ Б.В. Марков подчеркивает, что ностальгию по советской тотальности в сознании советской интеллигенции (в том числе даже диссидентов) «следует попытаться оценить не политическими, а культурологическими критериями».²

В-третьих, понятие *тотальности* включается исследователями в сферу *культуриндустрии*, где оказываются в одном ряду с понятиями стереотипизирования сознания масс, «ослепленности» масс, массовой индустрии культуры, массовой культуры и т.п.: «Возникло «тотально административное общество», в котором индивидуальная рефлексия замещается стереотипными реакциями и мысленными клише, навязываемыми массовой «индустрией культуры».³

Исследователи, употребляющие термин «тотальный» по отношению к массовому сознанию, указывают на конкретные средства его формирования. Так, например, Хоркхаймер и Адорно, характеризуя тотальное общество, подчёркивают, что его «ценности и модели поведения, предлагаемые масс-медиа, рассчитаны на всех и потому единообразны, примитивны, подменяют личностное общенеопределенным. Весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии».⁴ Тотальное вовлечение культуры (в частности, кино) в товарную сферу способствует формированию тотального общества или «административно управляемого мира».⁵

---

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. - М.: 1996. - С. 569

² Марков Б.В. Символическая защита: тотальность и тоталитаризм. // «Нева», 2011, № 6. -С.124

³ Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. - М., С-Пб.: 1997. - С.171

⁴ Там же, С.7

⁵ Там же, С.157

Существенно, что административно управляемое, тотальное сознание легко приобретает различные формы. Так, например, Хоркхаймер и Адорно, говоря о тотальности сознания, приводящей к «ослепленности» масс, приводят пример теснейшей связи тотальности с антисемитизмом.¹

Таким образом, возможно говорить о *тотальности* как неперенном атрибуте любой культуры, в особенности индустриального и постиндустриального периода, которая является той формой состояния сознания, и неизбежно сопутствует тоталитарному обществу.

Можно заключить, что отсутствие монолитности сознания в обществах левого тоталитаризма свидетельствует о неполной тотальности сознания населения, что приводит к возникновению тенденций инакомыслия и различных протестных движений. Так, например, М.В.Дегтярева в работе, посвященной контркультуре в структуре культуры России XX века, говорит о различных контркультурных направлениях антитоталитарного типа в России: либеральные культурные течения (стиляжничество, шестидесятники); культура памяти и духовной преемственности с дореволюционной Россией («профанная» песенная стихия, городской и сельский фольклор, православие); андеграунд (бардовская песня, «культура застолья» и др.; высокая культура или культурные диссиденты (творчество А.Ахматовой, Б.Ахмадулиной, А.Тарковского и т.д.)).² Контркультурные, антитоталитарные тенденции получают свое воплощение в большей степени в сфере мысли и творчества, находящегося в наименее уязвимом положении. Это естественный и необходимый процесс для функционирования системы, при отсутствии которого система не могла ни обновляться, ни приспособливаться, ни сохранять свое единство как система.

---

¹Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. - М., С-Пб.: 1997. - С.54

²Дегтярева М.В. Контркультура в структуре культуры России XX века: автореф. Дис. канд. культурологии: 24.00.01/ М.В. Дегтярева. - Краснодар: Краснодарский гос. Ун-т культуры и искусств. 2005. - С. 16-17

Тоталитарные общества «левого» типа характеризуются различной степенью институализированности контроля и репрессивных мер и являют собой пример различной интенсивности проявления контркультурных тенденций. Так, например, Г.Маркузе в работе «Одномерный человек» говорит о том, что избавление от вмешательства возможно благодаря проникновению в сферу надреального, поскольку именно она защищена от вмешательства репрессивной культуры: «Истина фантазии бесконечно выше той репрессивной истины, которой человек культуры обязан своему разуму, знающему только истину ставшей буржуазной действительности».¹

Сходные наблюдения содержатся в концепциях Г.Хофштеде и Г.Триандиса, которые, выделяя «закрытый» и «открытый» типы культур, говорят о том, что поскольку люди в «закрытых» культурах вынуждены вести себя в соответствии с общепринятыми нормами, для них характерен уход в «иной», ненормированный мир – мир литературы, искусства, художественных иносказаний.

Считаем возможным предположить, что функционирование контркультурных движений, характерное для любой культуры, приобретает особую значимость в системе тоталитарного социалистического общества, где, являясь ответной реакцией на тотальные интенции, объединяет прогрессивную часть общества в структурно сложный совокупный процесс, который становится основным механизмом развития культуры. Именно в условиях тоталитарного общества отдельные контркультурные движения приобретают статус контркультуры, т.е. явления, противостоящего и угрожающего официальной культуре, поскольку способно выработать в противовес ей ценности уровня мировоззренческих универсалий, доминантой которых является антитоталитарная гуманистическая интенция.

Представляется, что общества левого тоталитаризма не являются однопорядковыми явлениями и могут различаться не только формой собственно тоталитаризма, степенью тотальности сознания масс, но и специфичностью

---

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: 2007. - С.243

конкретно-исторических условий. Уникальность контркультуры, функционирующей в условиях общества левого тоталитаризма, будет в дальнейшем рассмотрена на примере Германской Демократической Республики.

1.3. Роль интеллигенции / интеллектуалов в контркультуре тоталитарного общества и проблемы их идентификации

В современных гуманитарных исследованиях используются различные определения для категории, до сих пор не получившей однозначного истолкования: «интеллигенция», «интеллектуалы», «профессиональный класс», «образованная часть общества» и др. Различия в терминологии зависят не только от области знания и концепции исследователей, но и от национальной научной традиции. Главный «терминологический конфликт» связан с понятиями интеллигентов и интеллектуалов, которые используются в российской и западной научной традиции. Как известно, в российской науке существует распространенное мнение о том, что интеллигенция является специфически российским явлением и имеет иную природу в сравнении с западными интеллектуалами. Параллельно развивается и другой подход, в рамках которого проводятся существенные параллели между данными явлениями и утверждается возможность их рассмотрения в рамках одной категории. Ввиду того, что рассмотрение вопроса о специфике российской интеллигенции не входит в задачи нашего исследования, которое во многом ориентировано на межкультурный контекст, считаем возможным употреблять эти термины как близкие и непротиворечащие друг другу в кросс-культурном контексте, однако отражающие специфику национальной терминологической традиции.

В современных исследованиях, посвященных феномену интеллигенции, предпринимаются попытки осмысления долгой традиции всестороннего рассмотрения этого вопроса; определяются основные этапы этого осмысления. Исследователи говорят о существовании нескольких волн ожесточенных

дискуссий, посвященных основным проблемам интеллигенции: «интеллигенция и власть», «интеллигенция и народ», «интеллигенция и политика», «интеллигенция и революция», «интеллигенция и нравственность», «степень ответственности интеллигенции за судьбы народа» и другие. Наиболее существенными этапами осмысления этих вопросов называются следующие: «веховский» (1909-1919), советский (1923-1925), перестроечный (конец 1980-х – начало 1990-х годов). Исследователи говорят о том, что активное обращение к содержанию концепта интеллигенции в российском обществе, как правило, происходит в периоды кризиса общества и идентичности, ввиду чего можно говорить, что проблематика интеллигенции является неотъемлемым элементом представлений об историческом опыте и судьбе, составляющих в совокупности с другими факторами и символами российскую идентичность¹.

Определяя статус интеллигенции, ее соотносят с категорией класса, профессии, а также с «внеклассовым социально-этическим значением»². Близким к последней из перечисленных категорий является интерпретация статуса интеллигенции в рамках концепции так называемого «интеллигентского мифа», где он существует как некий «комплекс представлений об интеллигенции как духовной, морально-этической категории с особым менталитетом и образом жизни»^{3, 4}.

В процессе этих дискуссий роль интеллигенции нередко осмысливалась в конкретно-историческом контексте и получала резкие идеологизированные и политизированные оценки, в то же время в процессе научных и политических споров происходило и «надисторическое», философское осмысление этого сложного концепта.

---

¹ *Фадеева Л.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. - М.: Новый Хронограф, 2012, - С. 19

² *Сакулин П.Н.* Социологический метод в литературоведении. - М.: Либроком, 2012 - С. 74

³ *Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-1930-е годы). - ЕУ СПб.: 2006. - С. 123

⁴ *Мелвиль А.Ю.* «Контркультура», ее эволюция и ее современные критики на Западе / Вопросы философии, 1974. - №8. - С. 155.

Многие известные философы, политики и деятели культуры резко критиковали интеллигенцию (известные авторы сборников «Вехи», А.И.Солженицын, Ф. Степун и др.) за индивидуализм, теоретизирование, оторванность от жизни, прекрасноту, политическую ангажированность и т.д.; их оппоненты видели в интеллигенции самую прогрессивную, гуманистически ориентированную часть общества, носителя всеобщей совести и высокой нравственности (М. Мамардашвили, Д.С.Лихачев, Г.Померанц и др.).

Именно в конкретно-историческом осмыслении интеллигенция особенно часто подвергается политизированной критике и оценке. Этим характеризуется направленность содержания известных сборников «Вехи». За оторванность от конкретно-исторических задач, способствовавшую многолетнему большевистскому режиму, резко критикует российскую интеллигенцию философ Ф.А.Степун. Он пишет, что интеллигенция была не способна ограничиться защитой реальных хозяйственных и правовых нужд народа и в итоге оказалась обреченной на роль разрушительницы практических достижений в сфере социальных перемен, ставя в революции недостижимые утопические задачи. В результате она защищала не столько ближайшие интересы народа, сколько свои представления о них. Устремленность интеллигенции к далеким идеологическим горизонтам обусловила направленность не к позитивному устройению сегодняшнего времени, а к реализации отдаленной утопической социальной мечты¹. Именно за исключительно духовное содержание, «интеллигентский синдром», разрыв с подлинными проблемами социальной реальности, эзотерический характер, театрализованность и эстетизированность протеста осуждалось известное движение новых левых на западе. Обзор критических взглядов на роль интеллигенции в движении новых левых представлен в статье А.Ю.Мельвиля, опубликованной в 1974 году, в которой автор анализирует работы М.Валзера, Р.Низбета, И.Феста, Ф. Маунта, Р.Арона, Г.Маркузе, А.Хартли и других исследователей, имеющих нередко оценочные названия, например

---

¹ Степун Ф.А. Мысли о России//Чаемая Россия. - СПб.: 1999. - С.6-7

«Литературщина в политике», «Театр политики», «Ни бюрократ, ни хиппи» и др. Сам автор статьи, обобщая эти работы, делает вывод о том, что основную слабость движения новых левых составлял его узкоинтеллектуальный характер, ориентированность его идей скорее на интеллигенцию, чем на рабочих. «Только осознание интеллигенцией ведущей роли рабочего класса и его партий в борьбе с властью капитала», по мнению А.Ю.Мелвиля, позволит ей преодолеть «власть различных «синдромов» и «комплексов», которые неизбежно возникают в психологии социальных групп, оказавшихся на периферии революционного процесса»¹.

В культурно-философском контексте интеллигенция рассматривается как постоянный транслятор «сверхисторических», «всечеловеческих», ценностей духовного порядка, что в принципе и обеспечивает ее историческую преемственность и конституированность в процессе развития культуры. Так, в работе Л.Гудкова и Б.Дубина, посвященной интеллигенции, подчеркивается, что интеллигенция видится как единственная продуктивная в культурном смысле группа, чей авторитет, моральная значимость и социальное положение обусловлены способностями порождать идеи и ценности»². А.Б. Есин, говоря о том, что решающую роль в создании культурного резистанса играет оппозиционно настроенная интеллигенция, и прежде всего творческая, подчеркивает, что именно она «сознательно противопоставляет ценностям официальной культуры свою систему ценностей»³.

Именно способность осмысливать, вырабатывать, создавать ценности общечеловеческого характера, находящиеся в состоянии диалога, конкуренции, отрицания и т.д. с ценностями официальной культуры снимает конкретно-историческую оценочность и позволяет рассматривать интеллигенцию как один

---

¹ Мелвиль А.Ю. «Контркультура», ее эволюция и ее современные критики на Западе / Вопросы философии, 1974. - №8. - С. 161

² Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. - М.: Эпицентр, 1995. - С. 44

³ Есин А.Б. Введение в культурологию. - М.: Изд. Центр «Академия», 1999. – С.216

из ключевых концептов культурно-философского дискурса. Ввиду того, что ядром любой культуры (в том числе официальной и оппозиционной) являются ее ценностные основания, то именно интеллигенция, создающая и транслирующая аксиологические основания культуры, превращается в центральную движущую силу контркультурного движения.

При описании роли интеллигенции в контркультурном процессе необходимо учитывать ее неоднородность, нередко, даже поляризованность. Так, Ю.Поляков пишет о том, что ядро интеллигенции всегда составляют представители разных, порою противоположных политических направлений.... Бывает преобладание тех или иных политических влияний, но единства – никогда¹. Неоднородность интеллигенции, ее различные отношения с властью и официальной культурой обуславливает существование ангажированной, лояльной к власти части интеллигенции, что становится предметом постоянных нападок и обвинений. Так, Л.Фадеева обращает внимание на то, что «интеллигенцию – всю, скопом – сейчас принято упрекать в слиянии с властью (царской, советской, ельцинской, путинской)»².

Как отмечалось выше, с понятием интеллигенции корреспондирует понятие интеллектуалов, используемое в зарубежной науке. Л.Фадеева в большой работе «Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность» делает широкий обзор и анализ различных определений понятия «интеллектуалы», содержащихся в зарубежных исследованиях (Б.Рассела, Р.Арона, Э.Шизла, С.М. Липсета и др.). Интеллектуалы определяются как особый интеллектуальный класс, в то время как их профессионализм либо признается, либо отрицается. Особое внимание уделяется сознанию интеллектуалов и их мировоззренческим и моральным характеристикам, при этом подчеркивается общность их самосознания,

---

¹ Поляков Ю. Зачинщица или жертва. Интеллигенция в эпохи смуты// Свободная мысль. 1996., - №2

² Фадеева Л. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. - М.: Новый Хронограф, 2012. - С. 62

отчужденность, увлеченность творчеством, отвержение подчинения и др.¹. Показательно, что исследователи говорят о приверженности интеллектуалов общечеловеческим ценностям, не имеющим «привязки» к конкретному государственному порядку: «... им приходится полагаться на хоть как-то функционирующее правовое государство, ведь в своей борьбе за правду, которой затыкают рот, или за права, которые у кого-то отнимают, они апеллируют к универсалистским ценностям. Они – часть мира, в котором политика не исчерпывается деятельностью государства»². М.Фуко также подчеркивал приверженность интеллектуалов ценностям неполитического характера: «В течение долгого времени так называемый «левый» интеллектуал брал слово и воображал, что право говорить за ним признают потому, что видят в нем учителя истины и справедливости. Его слушали, или он притязал на то, что его должны слушать как лицо, представляющее всеобщее»³. Л.Фадеева подчеркивает, что роль и миссия интеллектуалов ни в одной стране и ни в один из исторических периодов не сводилась к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям⁴.

Существенной является неоднородность интеллектуалов по отношению к власти и официальной культуре. Так, А.Грамши говорит о существовании так называемых «органических интеллектуалов», являющихся в разных странах «приказчиками» господствующей группы и противостоящих традиционным интеллектуалам⁵

---

¹ *Фадеева Л.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. - М.: Новый Хронограф, 2012. - С. 66-67

² *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала// Неприкосновенный запас. – 2006. №3. (47)

³ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. Ч. 1// Статьи и интервью 1970-1984. - М.: Праксис, 2002. - С. 201

⁴ *Фадеева Л.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. - М.: Новый Хронограф, 2012. - С. 105

⁵ *Грамши А.* Возникновение интеллигенции// Грамши А. Тюремные тетради. В трех частях. Часть 1. М.: 1991. - с.81

Хотя Л. Фадеева относит понятия интеллигентов и интеллектуалов к конфликтующим в исследовательской литературе, все же на основании приверженности и тех и других ценностям универсалистского характера говорит о возможности использования обобщенного понятия «интеллигенты/интеллектуалы», а также о возможности создания их единой европейской истории¹.

Принципиально важной для осмысления роли интеллигенции и интеллектуалов в контркультурном процессе является проблема их идентификации: «Самоидентификация интеллигенции/интеллектуалов является одним из ключевых моментов определения того, что представляет собой идентичность национальная, государственная, политическая»². Исследователи подчеркивают актуализацию проблем идентификации, идентичности, кризиса идентичности, составляющих важное проблемное социокультурное и философское исследовательское поле XX столетия: «В европейском пространстве в начале XX в. актуализируется проблема кризиса идентичности. Это и кризис в самоопределении крупных этнокультурных образований, и сложности регионального развития при одновременной включенности в мировое социокультурное пространство, а также проблемы личностной и коллективной идентификации. Этот и ряд последующих вопросов заставляют исследователей снова и снова возвращаться к размышлению о том, каковы, собственно истоки и основания данного проблемного поля»³. Обращаясь к понятиям идентичности и идентификации необходимо учитывать их дифференциальные признаки. Понятие идентичности предполагает устойчивость параметров соотнесенности объектов в пространстве возможного опыта, а понятие идентификации – порядки изменения

---

¹ *Фадеева Л.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. - М.: Новый Хронограф, 2012. - С. 289

² Там же

³ *Е.Э.Сурова.* Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6, 2008. - Вып.3. – С.56

его параметров¹. Идентификация и идентичность определяются как процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация представляет собой один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т.п. тех социальных групп или индивидов, с которыми себя личность идентифицирует².

Считается, что для традиционных обществ характерна локальная, малогрупповая идентичность (семья, община), то в современном обществе уровень идентичности повышается до классовой, национальной и гражданской. Исследователи современного состояния идентичности подчеркивают, что настоящая ситуация отличается кризисом характерных для индустриального современного общества механизмов и оснований идентичности, когда люди не могут соотносить себя с такими социальными общностями, как государство, профессиональная группа и даже пол³.

Как известно, понятие «идентичность» было введено в научное знание на рубеже 60-х – 70-х годов XX века Э.Эриксоном и в настоящее время широко используется в различных областях научного знания: в психологии, культурологии, культурной антропологии, философии.

Особенно важным понятием, введенным теоретиком идентичности, стало понятие кризиса идентичности, который, по мнению его создателя, стал настолько многозначным и трактуется в настоящее время так широко, что стал употребляться представителями различных дисциплин ритуально⁴. По мнению Е.А.Суровой, «в ходе XX в. под кризисом идентичности стали подразумевать проблемы личностной и коллективной идентификации, а также кризис в

---

¹ Е.Э.Сулова. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6, 2008. - Вып.3. С.57

² Словарь по обществознанию/ Под ред. Ю.Ю. Петрунина. – М.: Книжный дом Университет, 2005. - С. 167

³ Там же

⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. - С.

самоопределении крупных этнокультурных образований и сложности регионального развития при одновременной включенности в мировое социокультурное пространство»¹. По мнению А.Толстых, «в терминах теории идентичности Эриксона весьма удобно и поучительно говорить о некоторых актуальных проблемах наших соотечественников. Когда серьезные аналитики, политологи и «колумнисты» пишут о кризисе ценностей целых поколений, о потере нравственных и прочих ориентиров для масс и отдельных личностей, то не лучше ли было бы назвать это кризисом идентичности, посоветовать на то, что для множества людей эта идентичность замутнена и заменена смешением авторитетов, низвержение которых – за грехи подлинные и мнимые – приводит личность к саморазрушению»².

Феномен личной идентичности, становление которого проходит несколько стадий, предполагает, что каждый индивид обладает определенными представлениями о себе самом, которые формируются через сопоставление и противопоставление с другими индивидами и группами: «...идентичность существует как мера должного в рамках традиции, социализуя индивида и становясь основой для типологий. Идентичность – это форма существования устойчивого образа Самости, выстраивающая границы представлений индивида по отношению к таким структурным порядкам, как Собственное и Чужое, Внутреннее и внешнее, Обычное и Чрезвычайное и т.д.»³

Поскольку человек одновременно является участником разных социальных групп, то он обладает несколькими идентичностями. Исследователи говорят о различных видах идентичности, а также о том, что в сознании человека присутствует целый пакет идентичностей. Различные идентичности не имеют

---

¹ *Е.А.Сулова. Идентификационный принцип в культуре// Политики культурной идентичности. Международный журнал исследований культуры. - №1, 2010. - С. 7*

² *Толстых А.В. Неизвестный классик// Предисловие к книге: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. - С. 18*

³ *Сулова, Е.А. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6, 2008. - Вып.3. – С.58*

однопорядковой значимости. Так, например, И.Г. Яковенко говорит о существовании как частных идентичностей, так и базовых. К *базовым идентичностям*, по мнению исследователя, относятся конфессиональная или идеологическая принадлежность, гражданство, национальная, цивилизационная принадлежность. Эти идентичности задают расположение человека в фундаментальных координатах бытия. Содержание базовых идентичностей покрывает политические и культурные смыслы, при этом выделение отдельных аспектов возможно, скорее, в анализе. В массовом сознании совокупность основных идентичностей сплетается в целостный достаточно синкретический образ – «нашей страны» (нашего мира, нашего пути), который вписан в образ остального мира¹. По сути о важнейших, базовых идентичностях идет речь в концепции А.И. Шендрика, согласно которой выделяются личная, этническая, национальная, культурная и национально-культурная идентичности². Именно данная концепция, на наш взгляд, может быть использована как основание для анализа проблем идентичности интеллигенции в обществе тоталитарного типа.

Этническая идентичность, представляющая собой отождествление индивида с какой-либо этнической общностью, позволяющее усвоить необходимые стереотипы поведения, нормы образа жизни и культурные ценности соответствующего этноса. По справедливому мнению А.И. Шендрика, этническая идентичность не равнозначна национальной идентичности, которая может быть интерпретирована как завершающий акт процесса осознания индивидом своей принадлежности к определенному национальному образованию, как итог принятия им ценностей, норм, идеалов, которыми руководствуется данная нация. В процесс *национальной идентификации* человек отождествляет себя, прежде всего, с государством, которое рассматривается им как гарант сохранения национальных, духовных и материальных ценностей, как высшая форма

---

¹ Яковенко И.Г. Искусство и базовые идентичности.// Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука. 2007. - С. 403-404

² Шендрик А.И. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии// Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 129

организации социума, позволяющая сохранить качественную определенность нации¹. Существенным при обращении к немецкой национальной идентичности является мнение многих исследователей о том, что «тень нацистского прошлого» с его идеологией расового превосходства вынуждает немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Более того, в современной Германии предлагается использовать термин «конституционный патриотизм», а не национальный².

Культурная идентичность определяется как итог инкультурации индивида, под которой понимается «процесс приобщения индивида к культуре, усвоение им существующих норм, привычек и паттернов, свойственных данной культуре³. Согласно мнению Э.Гуссерля, «индивидуальное «я» в своем стремлении к культуре обращается на накопленные богатства своего общества не столько ради пассивного удовольствия их присвоения, сколько ради получения стимула для развертывания личности и для того, чтобы сориентироваться в мире (точнее, в одном из миров) культурных ценностей»⁴. Исследователями отмечается, что осуществление процесса культурной идентичности знаменует факт принятия базовых ценностей, нравственных императивов, эстетических идеалов национальной культуры. Культурная идентичность выражается в том, что человек воспринимает идеи и художественно-эстетические ценности литературы, народного творчества, искусства и т.д. данной культуры как свои, близкие, соответствующие его представлениям и идейно-эстетическим потребностям. Очевидно, что периоды сломов исторической традиции, ведущие к потере ценностных и нравственных ориентиров, безусловно, ведут к кризису культурной идентичности целых поколений. По общему мнению исследователей, именно

---

¹ Шендрик А.И. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии// Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 135

² Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии. Аналитический обзор. – М., ИНИОН РАН, 2012. – С. 56

³ Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка// Социологические исследования. 1995. № 4. - С. 6

⁴ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск:, 1994. – С.103

изменение культурного кода, культурного стержня ведет к наиболее глубоким и драматичным кризисам идентичности.

Для понимания механизма возникновения кризиса идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного общества может быть использовано понятие *национально-культурной идентичности*, предлагаемое А.И.Шендриком. Этот тип идентичности возникает тогда, когда индивид осуществляет процедуру идентификации одновременно по двум признакам: принадлежности определенной нации и государству и соответствующей культуре. По мнению исследователя, процесс подобной идентификации весьма не прост, поскольку ощущение себя частицей нации и носителем ценностей национальной культуры не всегда отличается гармонией, происходит зачастую весьма противоречиво, порождает глубинные личностные конфликты, которые иногда оборачиваются подлинными «разломами» в человеческой душе¹.

Представляется, что именно национально-культурная идентичность (в структуре которой национальная идентичность соотносится, прежде всего, с государством, а соответственно и с официальной культурой) осложняет процесс идентификации и является основой кризиса идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного общества. Показательно, что исследователи немецкой идентичности обращают внимание на особенности ее культурной составляющей. Так, например, анализируя работу Р. фон Таддена, который сравнивает формирование национальной идентичности в Германии и Франции, Б.С. Орлов подчеркивает, что фон Тадден выделяет следующее различие: «По ту сторону Рейна и Саара культура – это «civilization», понятие, охватывающее все общественные и жизненные обстоятельства, не отделенные четко от политики. Напротив, немецкое понятие «культура» - по сути аполитичное, или, быть может, даже антиполитическое направление мысли, что было симптоматично для элиты немецкого среднего класса, воспринимавшего политику и государство как

---

¹ Шендрик А.И. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии// Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 140

область их несвободы и унижений, тогда как культура представляла собой область их свободы и их гордости¹. Именно в рамках национально-культурной идентичности происходит конфликт ценностей официальной (государственной) культуры (которая характеризуется различной степенью тоталитарных проявлений и ввиду этого приобретает статус «чуждого», «внешнего» в сознании индивида) и контркультурных тенденций, основанных на ценностях антитоталитарного, универсалистского, надгосударственного масштаба, на которые и ориентируется интеллигенция. Механизм формирования национально-культурной идентичности в условиях тоталитарного общества, создающего «разлом» в государственно-санкционированной и культурно-санкционированной ценностных системах, создает необходимость выбора и порождает, с одной стороны, двойственность, неоднозначность, «размытость» ценностных ориентаций одной части интеллигенции, или же толкает других к необходимости жесткого выбора между официальными, государственными и альтернативными, культурно-обусловленными ценностями.

Многие исследователи решающую роль в протестных настроениях интеллигенции отводят *творческой интеллигенции*, которая особенно остро реагирует на тоталитарные интенции общества. Кроме того, в исследованиях тоталитарного общества в качестве особо важной выделяется проблема искусства (которое является продуктом деятельности творческой интеллигенции). Именно искусство рассматривается как важнейшая форма выражения идентичности народа: «Искусство (и шире художественная культура), принадлежащее конкретному народу, цивилизации, эпохе оказывается развернутой формой осознания и выражения идентичности данной общности»². Исследователь говорит о том, что образ Вселенной, явленный в искусстве,

---

¹ Thadden von R. Aufbaunationaler Identitat. Deutschland und Frankreich im Vergleich // Nationale und kulturelle Identitat / B. Giesen (Hrsg.). – Frankfurt a M.: -1997. – P.508

² Яковенко И.Г. Искусство и базовые идентичности. // Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 402

изоморфен породившей его культуре, ее идеологии, системе ценностей, выступая наиболее ярким и полным воплощением культуры. К примеру, среди признаков, маркирующих отечественную культуру, окажутся патернализм, культ душевности, тяга к тому, что за горизонтом или сочувственное отношение к чужаковатым маргиналам. Искусство собственной страны автоматически включает каждого человека в характерный набор смыслов, ценностей и предпочтений, который задает *существенные* аспекты идентичности¹.

Однако искусство – это именно та сфера, в которой идет постоянный диалог творческих индивидуумов о базовых идентичностях. Естественная ценностная диалогичность искусства нарушается в условиях тоталитарного общества. Как отмечает В.С. Жидков, тоталитарный режим страшится искусства, обращенного к индивидууму, искусства, предполагающего личностную духовную работу над освоением заложенного в нем художником жизненного опыта. Такое искусство, пробуждая и формируя самостоятельную, опирающуюся на собственный духовный опыт личность, фактически ставит под сомнение основы тоталитаризма².

Понимая решающую роль искусства в процессе формирования идентичности народа, тоталитарные режимы разрабатывали и внедряли различные формы контроля и управления в сфере искусства. Жесткая система административного управления искусством использовала различные инструменты, важнейшим из которых была цензура, рождала необходимость сохранения идентичности творческой интеллигенции, не разделявшей базовые ценности официальной тоталитарной культуры.

Возникающая неоднородность национально-культурной идентичности интеллигенции/интеллектуалов и особенно творческой интеллигенции, наличие в

---

¹ Яковенко И.Г. Искусство и базовые идентичности. // Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 412

² Жидков В.С. Искусство как средство конструирования коллективной идентичности: Опыт большевистской социальной инженерии. // Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 462

их рядах «ангажированной властью» и «протестной» групп, ставит вопрос о связи последней с явлением диссидентства. Н.Е.Покровский, разработавший социальную типологию поведения российской интеллигенции в советский период, включает в нее шесть парадигм поведения: «исход», эмиграция; катакомбы, внутренняя эмиграция; дистанционное партнерство; умеренное сотрудничество, самозабвенный сервиллизм; диссидентство¹ и таким образом, рассматривает диссидентство в качестве одной из форм поведения интеллигенции. Как уже отмечалось выше, А.Даниэль также рассматривает настроения творческой интеллигенции в качестве одной из многих составляющих общего диссидентского движения. Однако, например, Л.Н.Митрохин отводит интеллигенции решающую роль в диссидентском движении: «Мировоззренческие установки и ценности диссидентов ярко проявлялись в творчестве писателей, поэтов, историков, публицистов, художников, композиторов, создавших динамичный и, как выяснилось позже, влиятельный компонент тогдашней духовной жизни. Участники диссидентского движения выражали идеи, которые так или иначе разделяло большинство советской интеллигенции».² Содержанию и структуре диссидентского движения и его соотношению с контркультурой будет посвящен следующий параграф.

В силу различных факторов, перечисленных в предыдущем параграфе, в обществе «левого тоталитаризма» возникают необходимые условия для возникновения и функционирования контркультурных автономностей и движений, различающихся по степени выраженности, категоричности и радикальности. К обществам такого типа относились общества строящегося социализма и, прежде всего, СССР. В различных исследованиях, посвященных проблеме инакомыслия, подчеркивается, что во второй половине XX века именно

---

¹ Митрохин Л.Н. Диссентеры. // Новая философская энциклопедия: Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. - М.: Мысль, 2001.

² Покровский Н.Е. «Прощай, интеллигенция!» // <http://intelligentia.ru/proschai-inteligencija-i-snova-vnutrenja-yemigracija.html>

в СССР в силу различных причин контркультурные тенденции получили наиболее отчетливую форму и достигли наиболее полного развития. Ввиду этого основные особенности контркультурных движений в тоталитарных обществах конца XX века целесообразно рассматривать на примере инакомыслия в СССР.

В работах, посвященных данной тематике, обычно идет речь о ряде контркультурных направлений, получающих различные обозначения: свободомыслие, инакомыслие, диссидентство, правозащитное движение, внутренняя эмиграция, «шестидесятники», «подписанты», «крамола», «самиздат», «резистанс» и др. Существенно, что ряд этих терминов используется широко, в то время как другие либо являются авторскими (например, термин «крамола», предложенный В.А. Козловым в работе «Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953-1982 годы»;¹ или термин «резистанс», предложенный А.Галичем в качестве альтернативы понятиям «диссиденты» или «инакомыслящие»), либо имеют не терминологический, а иронический характер (например, «подписанты»²). Однако даже общеупотребительные термины имеют различные толкования, которые зависят от позиции авторов соответствующих концепций.

Примечательно, что понятия диссидентства и свободомыслия, характеризующие контркультурные тенденции тоталитарных обществ, в своем изначальном смысле использовались по отношению к образованию автономностей в сфере религиозной доктрины. Так, понятие «диссиденты» в «Новой философской энциклопедии» под ред. В.С. Степина (2001) помещено в словарной статье к понятию «диссентеры» и определяется следующим образом: «Диссентеры (от англ. dissent - разногласие, расхождение во взглядах) – общее обозначение членов религиозных объединений, оппозиционных в отношении к государственной церкви и действующих вне ее. (...). Наряду с понятием

---

¹ Козлов В. Крамола. КРАМОЛА: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953 - 1982 годы. // Отечественная история. 2003. № 4. - С. 93

² Там же

«диссентеры» в истории религии существует наименование «диссиденты» (от лат. *dissidens* – несогласный). Изначально в последнее вкладывается более общий смысл: верующие, не подчиняющиеся церковной дисциплине».¹ Об этом же пишет А. Крюковских, подчеркивая, что термин *диссидент* первоначально использовался для обозначения «верующих христиан, не придерживающихся господствующего вероисповедания (в государствах, где государственной религией является католицизм или протестантизм)».²

А.Я.Флиер, подчеркивая репрессивную функцию культуры и обосновывая включенность идеологии в сферу репрессивной культуры, относил идеологию к сфере сакрального («политическая, национальная и иная идеология – это уже не более чем вариации на тему сакрального») и проводил аналогию между религиозной и идеологической репрессией. Флиер подчеркивал, что «любое официально санкционированное мировоззрение (и религиозное и политическое) подразумевает репрессии в случае его нарушения. Таких нарушений можно выявить несколько, причем практически все формы нарушений религиозных установок имеют свои аналоги и в политической идеологии:

- ересь / неканоническое толкование национальной идеи;
- инаковерие / приверженность чуждым для данного общества идеям;
- атеизм / уклонение от публичной демонстрации своей политической лояльности;
- перемена религии / измена Родине;
- оскорбление чувств верующих, разрушение храмов, осквернение икон и т. п. / глумление над национальными святынями, символами государственности».³

---

¹ Митрохин Л.Н. Диссентеры. // Новая философская энциклопедия: Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. - М.: Мысль, 2001.

² Крюковских А. Словарь исторических терминов. 1998.

³ Флиер А.Я. Культура как репрессия. Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том I: Теория культуры / отв. ред. Дм. Спивак. - СПб.: 2008. - С. 242-250

Таким образом, универсальным «ответом» на любые репрессивные меры культуры является протестное движение (диссентерство, диссидентство, инакомыслие, инаковерие, андеграунд и прочие формы контркультуры).

Исследователь протестантских диссидентских движений Т.Соловьева так определяла диссентеров или диссидентов (между этими понятиями исследователь ставила знак равенства: «с самого начала становления англиканства в XVI в. в стране, помимо приверженцев католицизма, было много протестантских диссентеров, то есть несогласных с англиканством, которых отличали как более радикальные религиозные взгляды, так и нежелание по политическим мотивам стать членом церкви, связанной с государством».¹ Понятие диссентеры заменяется исследователем такими понятиями как «нонконформисты», «инакомыслящие» и «свободомыслящие».

В исследованиях Т.Соловьевой также выделяется ряд характерных особенностей протестантского диссидентского движения XIX века представляющий большой интерес в рамках данного исследования:

- *неоднородность диссидентского движения во временных рамках*: «старая» диссентерская традиция», «новые» диссентеры», а также «особенное» диссентерство».²

- *неоднородность диссентерского движения во взглядах*: умеренные диссентеры, которые «придерживались исключительно мирных способов борьбы за свои права, настаивая прежде всего на борьбе в парламенте, на публикации литературы, на создании комитетов в поддержку реформы, составлении петиций и т. д.(...). В своих произведениях диссентеры рассуждали о необходимости и пользе веротерпимости для всех христиан и государства, об отсутствии конфликтов с англиканской Церковью и доказывали свою верность правительству и конституции (...). Они утверждали, что Церкви Англии не грозит никакая опасность со стороны нонконформистов, и надеялись, что, учитывая преданность

---

¹ Соловьева. Т. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии. // Альфа и Омега. №3 (25). 2000

² Там же

диссентеров английской конституции, правительство предоставит им политические права».¹ Умеренные диссентеры «считали своим долгом подчиняться королю во всех светских вопросах, но ту власть, которую он имеет в религиозной жизни страны как глава англиканской Церкви, они считали не только несовместимой с его полномочиями, но и противной Божественному учению Христа».² Наиболее радикальные диссентеры «решительно призывали к отделению церкви от государства».³ Самые радикальные диссентеры даже после получения гражданского равноправия стремились к универсальности, к полному равноправию всех христиан в Англии, в том числе католиков: «Диссентеры праздновали предоставление им полноправия, а их покровители виги, воодушевленные победой, не могли остановиться на достигнутом».⁴

- *притесненность* диссентеров не только в религиозной, но также и в социальной, гражданской жизни: «Большинству диссентеров законы королевства преграждали путь к карьере, связанной с получением образования в престижных учебных центрах и политической деятельностью, военной службой и т.»⁵, что приводило к тому, что диссентеры обладали своеобразным «второсортным гражданством».⁶

- *значительность роли и положения* диссентеров в английском обществе: «Они не только многочисленны, но часто представляют важные и влиятельные круги нашего общества», — писал о современниках-диссентерах англиканский священник Фрэнсис Мирветер.⁷

- *борьба диссентеров за свое равноправие* на общественном и политическом уровнях была основана на ряде диссентерских принципов или аксиом: «право и

---

¹ Соловьева. Т. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии. // Альфа и Омега. №3 (25). 2000

² Там же

³ Там же

⁴ Соловьева. Т. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии. // Альфа и Омега. №3 (25). 2000

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

долг каждого свободно рассуждать о вопросах веры, не принимая ничего в качестве должного, и свободно исповедовать свои верования», «если люди имеют право свободно и самостоятельно мыслить, то они имеют и право поступать сообразно своим суждениям и своей совести, и их долг состоит в том, чтобы поступать именно так», а также убежденность в том, что «дух преследования и наказания инакомыслящих, который так часто принимают за проявление горячей и искренней веры, ничего общего не имеет с христианским благочестием, а свидетельствует об отсутствии христианской любви и прощения, о самомнении и гордыне».¹

Исследователями прослеживаются диахронические изменения в понимании этого термина: «В середине 1970-х гг. «диссидентами» или «инакомыслящими», западная, а позже и советская печать стала называть граждан, которые, наблюдая, как внушавшая надежды хрущевская «оттепель» сменяется возвратом к прежней тоталитарной организации общества и государственной идеологии, выступая против конформизма, с утверждением суверенности личности, идеала плюрализма и свободы взглядов. Не формулируя каких-либо конкретных политических программ, они требовали соблюдения на практике Всеобщей декларации прав человека ООН, прекращения преследований за убеждения (в том числе и религиозные)».² Так, например, известный российский диссидент А.Подрабинек, в книге «Диссиденты» говорит о том, что диссидентское движение этого времени опирается на принципы соблюдения Декларации прав человека и представляет собой ненасильственное, незаконспирированное, нереволюционное, открытое противостояние «откровенному злу в образе коммунистического режима».³

---

¹ Соловьева. Т. Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии. // Альфа и Омега. №3 (25). 2000

² Митрохин Л.Н. Диссентеры. // Новая философская энциклопедия: Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. - М.: Мысль, 2001.

³ Подрабинек А.П. Диссиденты. – М.: АСТ, 2014. - С.17

Таким образом, применительно к контркультурным культуротворческим тенденциям в обществах левого тоталитаризма о второй половине XX века данные понятия не претерпели принципиального изменения, лишь тотальность религиозного догмата была заменена тотальностью догмата идеологического. Не только сами понятия, но и многие существенные характеристики стоящих за ними явлений сохранили общие черты.

Возвращаясь к вопросу об обозначении и соотношении различных контркультурных движений, стоит отметить, что если в «Философской энциклопедии» ставится знак равенства между инакомыслием и диссидентством, то в других концепциях соотношение этих и других понятий рассматривается иначе. Так, А. Даниэль, написавший ряд известных работ о диссидентстве в СССР, так определяет место понятия «диссидент» среди других смежных понятий: «Примерно в этот же период (1969-1972 гг.) возникает термин «правозащитники». (...). Определенная узость данного самоназвания не позволила применять его к более широкому спектру явлений. Бытовавшее же ранее слово «инакомыслящий», наоборот, воспринималось, как что-то чересчур расплывчатое, недостаточное, чтобы выделить «своих». Необходимо было найти нечто среднее, промежуточное. Термин «диссидент», пущенный в ход англоязычными журналистами в начале 1970-х годов», взял на себя эту функцию. Характерно, что попытки как-то перевести его на русский язык отсутствуют – нейтральная семантика, не дающая возможности толкования, оказалась кстати».¹ Таким образом, можно сказать, что в ряду понятий, связанных с протестным движением в тотальных обществах второй половины XX в., понятие инакомыслия является наиболее широким, в то время как понятие диссидентства является центральным и наиболее употребительным.

Важным является вопрос не только о многообразии понятий и разграничении терминов, обозначающих смежные явления, но и о структуре важнейшего из данных понятий – диссидентства. Анализируя сущность

---

¹ Даниэль: Диссидентство: культура, ускользающая от определений? - М.: О.Г.И., 1998. - С.122

диссидентства, А.Ю.Даниэль приходит к выводу о том, что оно является не просто движением, а совокупностью движений, разнородных и разнонаправленных по своим целям и задачам, и, соответственно, выделяет основные составляющие советского диссидентства: «национальные движения; религиозные направления; эмиграционные движения; политические движения; литераторы, художники, люди других творческих профессий, отказавшиеся соблюдать в своей работе принятые идеологические ритуалы» и др.¹ Автор подчеркивает, что к этим категориям, составляющим общее диссидентское движение, относятся и группа правозащитников, которую он определяет как «небольшую группу людей, чьи интересы сосредоточились на борьбе с нарушениями гражданских прав в СССР независимо от общественно-политических и идеологических мотиваций как правительства, так и его «оппонентов». Эти люди были активистами движения, которое принято называть «правозащитным» и которое часто смешивали (смешивают и сейчас) с диссидентством в целом».²

О структурной неоднородности диссидентства свидетельствует и вопрос о диссидентской активности, о степени конфронтации диссидентства с властью и обществом. А.Даниэль пишет о том, что в отношении активности позиции в диссидентском движении можно выделить две совсем не похожие друг на друга группы: «условно говоря, «старшие» - люди 1920 –х годов рождения, формировавшиеся в военные и послевоенные годы. И столь же условно, - «младшие», родившиеся в 1930-е гг. Зачастую именно «младшие диссиденты» вступали в прямую конфронтацию с властью раньше, чем старшие. (...). Эта группа в целом была значительно более маргинализирована, чем «старшие», имевшие как правило к середине 1960-х определенный социальный статус.³ О различной степени активности диссидентов пишет и В.А.Козлов, который,

---

¹ Даниэль: Диссидентство: культура, ускользающая от определений? - М.: О.Г.И., 1998. - С.122С.113

² Там же, С.114

³ Даниэль: Диссидентство: культура, ускользающая от определений? - М.: О.Г.И., 1998. - С.117

обсуждая предложенный А.Галичем термин «резистенс» (сопротивление), говорит о том, что поэт говорил и о «молчаливом резистансе», т.е. «о десятках и сотнях тысяч людей, составляющих фон, на котором разворачивается деятельность активных диссидентов и без которого инакомыслие просто не могло бы существовать».¹ Различная степень активности инакомыслящей интеллигенции находит продолжение в концепции С.А.Красильникова, занимающегося проблемой конформизма российской интеллигенции в XX веке. Значительное место в своей концепции исследователь отводит взаимоотношениям интеллигенции с социальной средой и властью: «мы хотели бы ввести здесь термин, применяемый в естественных дисциплинах, - «агрессивная среда». Так вот, применительно к положению интеллигенции в российском обществе XIX – XX вв. она находилась в социальной среде, часто и во многом агрессивной по отношению к ней.² Для нас же сейчас важно зафиксировать, что конформизм как мера лояльности по отношению к власти и обществу является ничем иным, как мерой самозащиты, особенно в условиях «агрессивной социальной среды».³

Агрессивность социальной среды и власти по отношению к активной инакомыслящей интеллигенции выливалось в различные по жесткости репрессивные меры: «Немногочисленные группы диссидентов развернули активную информационную деятельность, тщательно фиксируя все случаи нарушения прав граждан, постоянно информируя о них советскую и зарубежную общественность, стойко перенося обрушившуюся на них волну преследований и клеветы, не останавливаясь перед действиями, грозившими им арестами, заключением, высылкой из страны».⁴ А. Даниэль говорит о следующей парадигме репрессий: «слежка, гласные и негласные обыски, увольнение с работы или

---

¹ Козлов В. Крамола. КРАМОЛА: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 - 1982 годы. // Отечественная история. 2003. № 4. - С. 93

² Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке. // Проблемы образования, науки и культуры. № 8. 1998.

³ Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке. // Проблемы образования, науки и культуры. № 8. 1998

⁴ Митрохин Л.Н. Диссентеры. // Новая философская энциклопедия: Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт. - М.: Мысль. - 2001.

исключение из ВУЗа, вызов на допрос, арест, суд, лагерь или психиатрическая больница».¹ То обстоятельство, что для многих носителей контркультурной интенции открытое выражение своего свободомыслия в условиях репрессивного общества было невозможно, привело к становлению такого феномена тоталитарного общества как внутренняя эмиграция интеллигенции. Внутренняя эмиграция определяется С.А. Красильниковым как духовное отделение от государства, уклонение от его политической и общественной жизни, обусловленное внутренним несогласием с господствующей идеологией и заданными ею правилами, а также невозможностью это несогласие выразить.²

Говоря об общей характеристике неоднородного диссидентского движения, необходимо подчеркнуть, что, данное понятие, возникнувшее в сакральных религиозных сферах, не утратило своего сакрального характера и в условиях тоталитарного общества. Представители диссидентского движения, являясь жертвенными носителями духовных идеалов и высшей, недоступной массовому тотальному сознанию, истины, становились не только нравственными ориентирами в своем обществе, но и формировали и продолжают формировать имидж страны в мировом пространстве, становясь символами ее культуры.

Таким образом, многие из перечисленных смежных явлений и соответствующих им понятий, отражающих общую контркультурную интенцию тоталитарного общества второй половины XX века, находятся в сложных отношениях: одни отражают родовидовую зависимость понятий, другие - диахронические изменения терминологической парадигмы; многие из них теряют терминологическую точность и приобретают авторскую метафорическую образность. Многообразие понятий, отражающих контркультурные интенции, свидетельствуют о сложности, комплексности, неоднозначности феномена контркультуры в условиях тотального общества второй половине XX в.

---

¹ Даниэль: Диссидентство: культура, ускользающая от определений? - М.: 1998. - С.118

² Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке./ Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 4. № 8. 1998

Хотя все это многообразие контркультурных движений и их отношений возможно и закономерно рассматривать в качестве многообразного проявления единой протестной интенции, следует учитывать, что особенности каждого конкретного тоталитарного общества, характеризующегося временной, географической и социальной локальностью, накладывают свой отпечаток на структуру протестного движения, характер его составляющих и т.д.

Ввиду этого, говорить о сущности явления контркультуры в тотальных обществах вообще возможно только при обращении к ее предельно конкретному варианту, который требует самостоятельного описания.

Выводы

Исходя из определения культуры как сложноорганизованной, постоянно развивающейся системы, в качестве основания для ее самообновления может рассматриваться структурная неоднородность, т.е. функционирование отдельных составляющих, характеризующихся различной степенью автономности. Подсистемы культуры могут быть как всецело вовлеченными в главенствующую культурную систему, так и противопоставленными ей. Для их определения, как правило, используется понятие *субкультуры*, под которой подразумевается особая форма культурного устройства: субкультура - это «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» (П.С.Гуревич). Субкультуры не претендуют на замещение господствующей культурной системы, а могут приспосабливаться к ней. Подсистемы культуры могут приобретать отрицающий и даже революционный характер по отношению к системе культуры. Такие подсистемы определяются как *контркультуры*, важнейшей характеристикой которых является радикальность отрицания, заложенного в их сущности.

С достаточной степенью условности возможно выделить несколько основных подходов к ее пониманию контркультуры: культурфилософский, предполагающий рассмотрение контркультуры в наиболее широком контексте, позволяющем осуществить ее философское осмысление, при котором контркультура становится механизмом культурной динамики вообще; социологический, сближающий понятия контркультуры и субкультуры и определяющий контркультуру как любую из субкультур, в которой образ жизни и ценности отличаются от господствующей культуры; конкретно-исторический, отсылающий к конкретному историческому событию и субъекту контркультуры - студенческим волнениям, возникшим в середине XX века в ответ на кризис западного индустриального общества. Хотя концепция контркультуры разрабатывалась мыслителями применительно к определенной стадии развития общества, а именно - к капиталистическому индустриально развитому обществу, переходящему в стадию постиндустриализма, она представляется применимой и к другим типам общества.

В проблемном поле контркультуры находится вопрос о *сознании ее субъекта* (прежде всего, о конформистском и нонконформистском типах сознания). Исследователями традиционно подчеркивается связь контркультуры с нонконформизмом, однако убедительным представляется мнение А.Б.Есина, указывающего на принципиальные различия этих явлений: нонконформизм представляет собой более стихийное явление, возникающее без глубокого анализа проблемы; ему присущи отрицание без полного понимания смысла и акцент на внешней форме; для нонконформизма характерна меньшая роль интеллигенции.

Исходя из того, что контркультура является реакцией на репрессивность официальной культуры, ее возникновение закономерно именно в тоталитарных обществах. В связи с задачами работы уточняется понятие тоталитарного общества.

Изучение тоталитаризма и тоталитарных систем началось в 1920-х годах в связи с описанием фашистских процессов в Италии и разворачивающегося

нацистского движения в Германии, а в период «холодной войны» западные критики советской системы начали использовать термин *тоталитарный* по отношению к советскому государству. Ввиду дискуссионности данного концепта, его содержание должно быть уточнено в соотношении с понятиями нацистского и советского режимов, которые нередко подводятся под универсальный знаменатель тоталитаризма.

Достаточное распространение в науке получили представления о тоталитаризме как о «неспецифическом» явлении, в той или иной степени присущем практически всем государствам (Т.Роззак, Ф.Серс, Н.В.Михеев и др.). Многие исследователи, занимающиеся «классическим» тоталитаризмом, связывают его актуальное содержание с «новыми диктатурами», т.е. тоталитарными обществами XX века, к которым в равной степени относят нацистский (фашистский) и советский (большевистский) режимы (Х.Арендт, К.Ясперс, К.Фридрих, З.Бжезинский, Ф.А.Степун, Л.Г.Сухотина и др.). Основанием для уравнивания этих обществ является разработанная теоретиками тоталитаризма универсальная модель тоталитарного общества и концепция «тоталитарного синдрома», основными составляющими которого являются: однопартийная система, идеология, террор, монополия на средства массовой информации, монополия на оружие и централизованно управляемая экономика.

Однако далеко не все исследователи ставят знак равенства между тоталитарными обществами XX века. Показательно, что в советский период в отечественной науке термин *тоталитаризм* не являлся предметом пристального изучения применительно к собственной стране. Существенную роль в этом сыграла Вторая мировая война, с которой связаны понятия «фашизма» и «антифашизма». Так, во время Второй мировой войны усилиями пропагандистов родился миф о единстве антифашизма и демократии (Л.Гудков).

О различиях тоталитарных систем свидетельствуют их идеологические основания: идеологическим основанием нацистского режима является расовое превосходство и претензии на господство немецкого народа, территориальная и

политическая экспансия; у советской системы – первоначально идеологически-революционное, коммунистическое доминирование, позднее великодержавная экспансия и противостояние Западу. Существенно, что идеи расового превосходства и необходимости уничтожения других народов были манифестированы нацизмом, в то время как при социалистическом режиме сходные идеи существовали имплицитно, не превращаясь в форму официальной доктрины. Это создавало для значительной части населения иллюзии относительно гуманистической направленности режима, которая не переживала ввиду этого глубокого кризиса национально-культурной идентичности.

Существенной для дифференциации тоталитарных систем является различная степень единства и монолитности тоталитарного общества. Социалистические общества Восточной Европы, а также СССР явили примеры идеологически немонолитного сознания народа (имеются в виду такие явления, как диссидентство, самиздат, восстания в Венгрии, Чехословакии и др.). Подобные явления не были распространены в обществе нацистского режима по объективным причинам.

О немонолитности социалистических обществ Восточной Европы свидетельствует возможность возникновения и функционирования мощных контркультурных движений. Считаем целесообразным не ставить знака равенства между двумя тоталитарными системами и обобщенно говорить о двух основных типах тоталитарного общества XX века – правого тоталитаризма (Германия, Италия) и левого тоталитаризма (СССР, страны социалистического лагеря).

При анализе роли интеллигенции (интеллектуалов) в контркультуре тоталитарного общества, необходимо учитывать, что термин *интеллектуалы* используется в западной традиции: Б.Рассел, Р.Арон, Э.Шизл, С.М.Липсет и др. В российской науке существует распространенное мнение о том, что интеллигенция является специфически российским явлением и имеет иную природу в сравнении с западными интеллектуалами. В рамках другого подхода проводятся параллели

между данными схожими по смыслу категориями. В многочисленных российских дискуссиях об интеллигенции ее роль нередко осмысливалась в конкретно-историческом контексте и получала резкие идеологизированные оценки, однако в процессе научных споров происходило и «надисторическое», философское осмысление этого сложного концепта.

В культурфилософском контексте интеллигенция рассматривается как постоянный транслятор «сверхисторических» ценностей гуманитарного порядка, что в принципе и обеспечивает историческую преемственность ее роли в процессе развития культуры. Именно способность осмысливать, вырабатывать, создавать ценности общечеловеческого характера, находящиеся в состоянии диалога, конкуренции, отрицания и т.д. с ценностями официальной культуры, снимает конкретно-историческую оценочность и позволяет рассматривать интеллигенцию как один из ключевых концептов культурфилософского дискурса. Именно интеллигенция, способная создавать и транслировать аксиологическое ядро культуры, превращается в центральную движущую силу контркультуры.

В научной литературе идет речь о различных видах идентичности, которые не имеют однопорядковой значимости. К базовым идентичностям относятся конфессиональная или идеологическая, а также гражданская, национальная, цивилизационная принадлежность.

Для понимания механизма возникновения кризиса идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного общества автор диссертации считает целесообразным использовать понятие *национально-культурной идентичности*, предлагаемое А.И.Шендриком. Этот тип идентичности возникает тогда, когда индивид осуществляет процедуру идентификации одновременно по двум признакам: принадлежности определенной нации и государству и соответствующей культуре. Представляется, что именно национально-культурная идентичность (в структуре которой национальная идентичность соотносится, прежде всего, с государством, а соответственно и с официальной культурой) определяет проблему идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного

общества. Именно в ее рамках происходит конфликт ценностей официальной (государственной) культуры и контркультурных тенденций, основанных на ценностях антитоталитарного, надгосударственного масштаба. Механизм формирования национально-культурной идентичности, создающий противоречие между государственно-санкционированной и культурно-санкционированной ценностными системами, создает диссонанс, двойственность ценностных ориентаций одной части интеллигенции, или же толкает другую к необходимости «выбора» между официальными и альтернативными ценностями.

Решающая роль в протестных настроениях интеллигенции принадлежит творческой интеллигенции, которая особенно остро реагирует на тоталитарные интенции общества, при этом существенной становится проблема искусства, которое рассматривается как важнейшая форма выражения идентичности народа и средство преодоления его «ценностной индифферентности» (Ф.Серс). Существенно, что присущая искусству диалогичность, касающаяся базовых идентичностей, нарушается в условиях тоталитарного общества.

Неоднородность национально-культурной идентичности интеллигенции, наличие в ее рядах «ангажированной властью» и «протестной» групп, ставит вопрос о связи последней с явлением *диссидентства*. В длинном синонимическом ряду, соотносимом с контркультурным движением (свободомыслие, инакомыслие, правозащитное движение, «шестидесятники», «подписанты», «резистанс» и др.), именно понятие диссидентства является центральным. Данное понятие, возникшее в сакральных религиозных сферах, не утратило своего сакрального характера и в условиях современного тоталитарного общества. Представители диссидентского движения, являясь жертвенными носителями духовных идеалов, ценой мученических страданий противостояли тоталитарному догмату в любом типе общества. Однако ввиду того, что особенности каждого конкретного тоталитарного общества накладывают свой отпечаток на характер протестного движения, возможно говорить о сущности

явления контркультуры только при обращении к ее предельно конкретному варианту.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В ГЕРМАСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Геополитический фактор формирования контркультуры: кризис идентичности восточных немцев

Политические события, произошедшие в Германии после капитуляции Вермахта, однозначно оцениваются историками как наиболее переломные за всю новейшую историю страны. Поражение гитлеровской Германии во Второй мировой войне было не только безоговорочной капитуляцией армии, но и решением стран-победительниц о полном лишении страны суверенитета, с целью полной ликвидации национал-социализма и условий его возможного возрождения (здесь и далее перевод автора диссертации).¹

Образование самостоятельных государств, оказавшихся в сфере влияния двух противоборствующих боков – западного и советского, обусловило возникновение двух разных идентичностей: За минувшие 40 лет существования немцев в двух разных государствах в них сформировалось два разных типа поведения, два разных мировосприятия и две разные идентичности»². В советской оккупационной зоне, позднее ГДР, сложилась парадоксальная ситуация, когда к власти пришли люди, которые позиционировались в нацистской Германии как главные враги режима. Придя к власти, они стали насаждать прежде враждебную социалистическую идеологию. Таким образом, в стране произошла смена противоположных по своей идеологической базе тоталитарных систем. Показательно, что после объединения Германии в 1990 году, по общему мнению

---

¹ *Brandt, Peter. Germany after 1945: Revolution by Defeat? // Rürup, Reinhard, ed. The Problem of Revolution in Germany, 1789-1989. - Oxford, England: Berg, 2000. - P. 130*

² *Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии. - М.: РАН ИНИОН, 2012. - С. 24*

исследователей, формирование единого типа немца из жителей, проживших 40 лет в двух Германиях с различными общественно-политическими режимами, происходит очень непросто. Существование особой идентичности немцев, сформировавшейся в период «второй немецкой диктатуры», обуславливает актуальность ее сопоставления с идентичностью представителей обществ левого тоталитаризма (прежде всего, СССР): История «второй германской диктатуры» открывает гораздо больше возможностей для сопоставления с развитием послевоенного СССР, нежели броские параллели между гитлеровским и сталинским режимами»¹.

С одной стороны, тоталитарность с необходимостью приводит к формированию контркультурных культуротворческих интенций, направленных на преодоление существующих систем, преобразование общества и культуры, создание принципиально нового. Таким образом, тоталитарность, определявшая общество гитлеровской Германии, и стремление к ее преодолению стали благоприятным фактором, способствующим переходу к принципиально новой системе, обществу и эпохе.

С другой стороны, тотальная система, созданная национал-социалистами, стала своеобразным базисом для принятия восточными немцами новой социалистической тоталитарной системы. Тоталитарность общества и тотальность сознания населения, отличающаяся восприимчивостью к идеологии, уже были сформированы, что способствовало быстрой смене тоталитарных систем и принятию новой социалистической тоталитарности.

Более того, восприятие восточными немцами такой коренной смены тоталитарных систем определялось в значительной степени и чувством вины за нацистские преступления. Прежнее отношение к социалистическому лагерю, воспитанное гитлеровским режимом, подавлялось чувством вины, которое в то время всецело определяло сознание немцев. Такова и оценка состояния общества ГДР, данная К. Вольф в интервью 1990 года. По мнению писательницы, ее

---

¹ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке.- М.: «Российская политическая академия», 2002. - С. 157

поколение, воспитанное еще при фашизме, не чувствовало в себе сил проявлять сопротивление по отношению к тем людям, которые при нацистском режиме были заключены в концлагерях.¹

Именно принцип антифашизма, лежащий в основе проводимого партией (СЕПГ) идеологического курса, обеспечивал, по мнению многих исследователей (А.Ю.Ватлин, Б.С.Орлов, А.Пинкерт, М. Сабров, Ю.Хэлл и др.), легитимность существующего строя и лояльное к нему отношение значительной части населения. Как утверждает М. Сабров: «Многие интеллектуалы ГДР свидетельствовали в воспоминаниях об интенсивности их эмоциональной веры в фундаментальную инаковость, радикальную новизну социалистического эксперимента, основанного на содержащейся в антифашизме идее глобального изменения и существенно более важного, чем все идеологические заклинания партийных аппаратчиков».²

Это подтверждается и словами К.Вольф: «...активное участие в строительстве нового общества, которое представляло собой полную противоположность криминальной системе национал-социалистов, давало нам возможность избавления от чувства национальной вины» (здесь и далее перевод наш).³ Как известно, существование многопартийной системы (хотя и формальное) базировалась в ГДР на задаче создания блока антифашистских сил и создании антифашистско-демократического режима.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что переходу национал-социалистической формы тоталитарного сознания в тоталитарное социалистическое сознание способствовал целый ряд факторов: заложенность в

---

¹ *Pinkert, Anke*. Pleasures of Fear: Antifascist Myth, Holocaust, and Soft Dissidence in Christa Wolf's *Kindheitsmuster*. // *The German Quarterly*, Vol. 76, No. 1 (Winter). 2003. - P. 25

² *Сабров М.* Время и легитимность в немецких диктатурах XX века // Новое литературное обозрение №100 (6). - 2009. - С. 117

³ *Pinkert, Anke*. Pleasures of Fear: Antifascist Myth, Holocaust, and Soft Dissidence in Christa Wolf's *Kindheitsmuster*. // *The German Quarterly*, Vol. 76, No. 1 (Winter). 2003. - P. 34

любой тоталитарной системе контркультурных культуротворческих интенций, нацеленных на преодоление старого и создание нового; сформированность тотального мышления немцев в период «первой германской диктатуры»; тотальное чувство вины, определяющее переходный период от тотальности сознания в нацистской Германии к тотальности сознания общества строящегося социализма.

Как при диктатуре национал-социалистов, так и во времена диктатуры СЕПГ значительную роль в обеспечении легитимности строя и тотализации сознания играло своеобразное обращение с категорией времени, а также характер восприятия прошлого, настоящего и будущего. С приходом к власти СЕПГ кардинальный разрыв с прошлым заключался также и в принципиально изменившемся восприятии времени.

В результате проведения сравнительного анализа М. Сабров сделал вывод о том, что идеологическое обращение со временем при национал-социализме и при диктатуре СЕПГ было принципиально различным. Нацистская идеология рассматривала время циклично, в то время как социалистическое восприятие времени может быть рассмотрено как радикально линейное.

Такое отношение ко времени прослеживается в призывах к населению. В 1930-х годах Гитлер призывал «выполнить историческую миссию», достигнуть всего, к чему история «стремилась на протяжении столетий». Национальный гимн ГДР гласил: «Возрожденная из руин и обращенная к будущему».¹

В ходе сравнительного анализа М. Сабров подчеркивает, что нацисты рассматривали наступление эпохи национал-социализма как возвращение к старому порядку, т.е. как воскрешение более раннего и более совершенного положения, таким образом, будущее при национал-социализме зависело от верности прошлому. В противоположность этому, вступление в эпоху реально существующего социализма оценивалось как переход в принципиально новую

---

¹ Сабров М. Время и легитимность в немецких диктатурах XX века // Новое литературное обозрение. - №100 (6). - 2009. - С. 120

эру, сопровождаемый необратимым разрывом с прошлым. А.Ю.Ватлин пишет о том, что Восточная Германия, как когда-то Советская Россия, стала заложником массовых настроений «нового начала» и «светлого будущего». ФРГ заслужила упрек реставрации, приняв на себя ответственность за трагедию «третьего рейха», за наследие Потсдама и Веймара, чтобы на этой основе прийти к синтезу старого и нового, интеграции национальных традиций и европейской политической культуры. ГДР, напротив, заявила о себе как антитезе всей германской истории, которая закономерным образом привела к победе нацизма¹. Отказ от недавнего прошлого и национальной истории неизбежно создавал кризис исторической и национальной идентичности восточных немцев.

Для обоснования легитимности диктатуры безусловно значимым является толкование будущего. Если социалистическому миру была свойственна совершенная уверенность в «распланированном будущем», то в Третьем рейхе такая уверенность практически отсутствовала, и нацистский режим был, таким образом, режимом без будущего.

Эту ситуацию М.Сабров объясняет тем, что в картине мира Гитлера не существовало будущего за пределами его собственной жизни и проблемы будущего, планы после победы в войне не были им основательно продуманы. Даже в программных речах вождя понятие будущего растворялось в настоящем и сводилось к прошлому

В то же время поведение Сталина, а позже подражавших ему функционеров СЕПГ, характеризовалось «надличностной» верой в долгосрочную перспективу, сочетающейся с осознанием краткости жизни индивида. Конкретизация времени, присущая программным речам СЕПГ, призывающим к труду ради «светлого будущего», подчеркивает веру в спланированное будущее и прогресс. Несмотря на проблемы в экономике, энтузиазм в планировании будущего оставался неизменным, иногда лишь смещались сроки (например, вначале 1961, а затем и 1965 год объявлялся годом, когда будет достигнут жизненный уровень Западной

---

¹ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. - М.: «Российская политическая академия», - 2002. - С. 157

Германии). Социалистическая система планирования демонстрировала свою власть над будущим, но, как отмечает М. Сабров, идеология прогресса, столь сильно подчиняющая настоящее будущему, заключала в себе опасность «потери» и «изгнания» настоящего.¹

Представляется возможным сделать вывод, что принципиально иное восприятие прошлого и будущего, предложенное пришедшей к власти СЕПГ, повлияло на формирование идентичности восточных немцев. *Во-первых*, новый идеологический курс предлагал радикальный разрыв с трагическим для немецкой нации недавним прошлым, тем самым облегчая процесс преодоления чувства вины. *Во-вторых*, идеологический курс, предоставляющий населению, испытывающему чрезвычайную боль и разочарование относительно прошлого и полную дезориентацию относительно своего будущего, идеалистическую, но конкретную и спланированную цель в будущем, мог стать источником некоторой надежды и заслужить доверие. Тем более, как утверждает семиотик Ю.С. Степанов, социалистическая утопия стала первой утопией, которая высшую цель, «новый мир» связывала не с пространством (завоевание, открытие новых земель), а со временем, т.е. впервые счастье представлялось достижимым в данной конкретной стране, лишь по истечению какого-либо времени.² *В-третьих*, возврат к радикально линейному времени социалистической идеологии, после циклического времени эпохи фашизма, можно рассматривать как возврат к более характерному для немцев восприятию времени. Данный вывод подтверждается концепцией, выдвинутой философом культуры Э. Холлом, согласно которой, культуры Северной Европы являются культурами монохронного типа. Монохронным культурам свойственно линейное восприятие времени, четкое планирование, следование расписанию, боязнь зря потерять время; в этих

---

¹ Сабров М. Время и легитимность в немецких диктатурах XX века // Новое литературное обозрение. №100 (6). - 2009. - С. 131

² Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. - М.: 2001. - С. 249

культурах также ценится пунктуальность и организованность.¹ Очевидно, что немецкой культуре, особенно отличающейся педантичностью, организованностью и пунктуальностью, на протяжении долгой истории было характерно именно такое восприятие времени.

Обобщая сказанное, можно заключить, что, с одной стороны, принцип антифашизма носивший тотальный характер, а также новое отношение ко времени и национальной истории, используемое идеологией СЕПГ, способствовали формированию у населения, в том числе и у интеллигенции ГДР восприимчивости к ценностям новой, более естественной и позитивной тоталитарности, веры в ее идеологические постулаты, надежды на успех социалистического эксперимента, пришедшего на смену криминальному нацистскому режиму, а также лояльности по отношению к новому режиму. С другой стороны, утрата связи с прошлым и национальной историей осложняла процесс идентификации и неизбежно вела к возникновению кризиса национально-культурной идентичности.

Представляется возможным рассматривать специфическое географическое и политическое положение социалистического государства ГДР как один из основополагающих факторов, определивших «особый» социалистический путь Восточной Германии, характер контркультурного сознания населения страны. С одной стороны, в политическом отношении ГДР была одной из наиболее приближенных к СССР стран социалистического блока. С другой стороны, в географическом отношении Восточная Германия находилась на значительном расстоянии от своего идеологического и политического «покровителя», находясь в непосредственном соседстве с западным, капиталистическим государством ФРГ. Тот факт, что прежде единая Германия была разделена на два идеологически противоборствующих государства, и более того, на территории

---

¹ Цит. по: *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративное общение. - М.: 2004. - С.40

ГДР сохранялся союзнический анклав – Восточный Берлин, создавал чрезвычайно напряженную обстановку. Берлин стал местом столкновения двух конкурирующих политических лагерей, очагом и вместе с тем символом холодной войны, и как пишет Д.Вильямсон, события, разворачивающиеся «в разделенном городе, разделенной страны, на разделенном континенте» несколько раз могли привести к Третьей мировой войне.¹

Следует подчеркнуть, что перманентное присутствие в общем тотальном пространстве некоторой автономности, представлявшей собой инородный, враждебный элемент, сыграло существенную роль в становлении самой тоталитарной системы и контркультурных интенций, формирующихся в ней.

Напряженность, связанная с особым статусом Западного Берлина, сказывалась также и в экономической, общественной, культурной сферах жизни ГДР. Именно открытость границ между Западным и Восточным Берлином – между капиталистическим и социалистическим мирами – довела напряженность до предела и привела к возведению в 1961 году Берлинской стены. Безусловно, проницаемость границы являла собой непосредственную угрозу всему восточногерманскому социализму, мешая реализации основных общественно-политических задач. Рассматривая обстановку в Восточном Берлине, сложившуюся в связи с проблемой западного анклава, К.Росс, говорит о том, что существование «плацдарма культурного разложения» в Западном Берлине являлось существенной преградой на пути реализации ключевой задачи СЕПГ – создания «социалистического человека». Радиостанции Западного Берлина, доступные практически на всей территории ГДР, пограничные кинотеатры, показывающие американские фильмы и западные товары (книги, фильмы, музыкальные записи, модная одежда), постоянно проникающие в Восточную Германию, несмотря на конфискацию западных товаров, регулярно проводимую

---

¹ *Williamson, David.* Berlin: The Flash-Point of the Cold War. // *History Review.* – 2003. - P. 6.

таможенной службой Восточного Берлина, представляли собой значительную конкуренцию для культуры и образа жизни, насаждаемых партией.¹

Открытость границы подрывала экономическое положение ГДР, делая возможным постоянную утечку рабочей силы, в особенности специалистов. К. Росс, подчеркивает, что несмотря на наличие переселенцев из ГДР, которыми руководили политические причины, все же материальные факторы играли первостепенную роль, поскольку в отличие от Восточной Германии, испытывающей существенные экономические трудности в 1950-х годах, ФРГ в это же самое время переживала «экономическое чудо», что не могло не привлекать многих восточных немцев.² В целом, в период с 1945 по 1961 год через открытую границу Берлина, как пишет Д. Вильямсон, на Запад переселилась одна шестая всего населения ГДР.³

Немаловажным представляется тот факт, что открытость границы до 1961 года предоставляла жителям ГДР возможность самостоятельно выбрать наиболее предпочтительный государственный режим. Таким образом, возможно предположить, что большинство восточных немцев, не переселившихся на Запад до 1961 года, не переживало острого кризиса национально-культурной идентичности и испытывали доверие по отношению к социалистическому строю. Этим же объясняется более высокий уровень общественной стабильности и лояльности режиму, по сравнению с другими странами социалистического блока, как заключает исследователь оппозиционной культуры социалистического блока К. Пиетрас⁴.

---

¹ Росс К. Восточные немцы и Берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года. // Новое литературное обозрение №100 (6). 2009. – С.515

² Там же, С. 522

³ Williamson, David. Berlin: The Flash-Point of the Cold War. // History Review. 2003. - P. 7

⁴ Pietras, Karolina. East German and Polish Opposition during the Last Decade of the Cold War. // Working Paper Series of the Research Network. – Paris: Sorbonne, 1989. - P. 5

Принципиальным для ощущения относительной политической свободы был ряд важных факторов: в ГДР наблюдалась большая (в сравнении с СССР) свобода прессы, существовала (пусть даже формально) многопартийная система, долгое время была возможность уехать на запад. Ввиду этого лишь незначительное число граждан, оставшихся в стране, поднималось до политического протеста, большинство населения либо сочувствовало социалистической системе, либо приспосабливалась к ней. Этот фактор также оказал влияние на процессы идентификации и становление контркультуры в ГДР, значительная часть которой отличалась лояльностью в отношении социалистического идеала. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тотальность мышления была глубоко укоренена в восточногерманском обществе, более того, многими она была осознана и принята добровольно, что позволяет говорить о присутствии элементов тотальности во многих контркультурных интенциях ГДР, обусловивших умеренность, двойственность, неоднозначность и даже лояльность многих представителей диссидентства.

Существенной представляется информация из докладов министерства госбезопасности ГДР, в которых отмечалась следующая тенденция – чем выше образовательный уровень человека, тем более сознательно и активно его участие в нелегальной оппозиции¹. Ввиду этого наиболее выраженные протестные настроения были характерны для творческой интеллигенции, наиболее остро переживавшей кризис национально-культурной идентичности. Именно эта часть интеллигенции подвергались высылке из страны и другим видам репрессий.

Исследователи говорят и о влиянии на сознание восточных немцев, особенно на сознание молодежи, информации о западном образе жизни. В глазах партии она представлялись как оказывающая «гнусное» влияние на общество, морально и духовно отравляющая молодежь, стимулирующая ее нонконформизм, становящаяся также причиной преступности и асоциального поведения подрастающего поколения. Все это в совокупности с экономическими

---

¹ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. - М.: «Российская политическая академия», 2002. - С. 256

последствиями проницаемости границ привело к принятию решения о возведении Берлинской стены в 1961 году.¹ А.Ю.Ватлин подчеркивает, что для молодого поколения было характерно не политически мотивированное сопротивление власти, а нонконформизм, проявлявшийся в быту, вызывающем поведении, в отказе от общественной работы, тяге к неформальным объединениям, в том числе и с криминальным оттенком².

После возведения стены, несмотря на устранение возможности пересечения границы жителями страны, а также проникновения западных товаров, «тлетворное» влияние западной культуры продолжалось через вещание западного радио. С этим явлением правительство ГДР ничего кроме объявления «Бойкота вещанию НАТО» и призывов к восточным немцам взять на себя обязательство не настраивать свои приемники на западные радиостанции, как замечает К. Росс, поделаться не могло. Таким образом, исследователь заключает, что «граница, закрытая для людей, была полностью открыта для новостей, идей и различных форм развлечений».³

Неизбежность постоянного западного культурного влияния приводила к тому, что контроль над общественной и культурной сферами жизни осуществлялся, по словам М.Кесслера (исследователя истории ГДР), одновременно репрессивными и толерантными методами.⁴ Для того, чтобы нейтрализовать влияние ФРГ, властям ГДР наряду с репрессиями приходилось на

---

¹ *Росс К.* Восточные немцы и Берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года. // Новое литературное обозрение №100 (6). 2009. - С.515

² *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке.- М.: «Российская политическая академия». - 2002. - С. 256

³ *Росс К.* Восточные немцы и Берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года. // Новое литературное обозрение №100 (6). 2009. - С.526

⁴ *Kessler, Mario.* Repression and Tolerance as Methods of Rule in Communist Societies // Konrad H. Jarausch, ed. Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the Gdr. - New York: Berghahn Books. 1999. - P. 113

многое закрывать глаза. А.Ю.Ватлин пишет о том, что 4200 молодежных клубов с дискотеками и барами на территории ГДР мало чем отличались от своих старших собратьев по ту сторону границы. Советские туристы, посещавшие «братскую страну социализма», чувствовали себя почти за «железным занавесом». Оттуда попадали в СССР не только журналы с фотографиями западных звезд, первые кроссовки, джинсы и майки с рисунками, но и стереотипы альтернативной культуры и европейского образа жизни¹.

С одной стороны, возведение Берлинской стены и окончательное закрытие границы привело к ожесточению контроля над жизнедеятельностью населения, следствием чего стали многочисленные аресты, а также введение тотальной цензуры. Исследователи отмечают, что цензура в ГДР была самой жесткой, налаженной и всеохватывающей из всех стран социалистического блока, поэтому литература даже «братских государств» подвергалась в социалистической Германии повторной цензуре. По мнению С. Клотцер, причина «бесспорного лидерства ГДР в вопросах цензуры заключалась в сочетании строгой приверженности идеалам коммунизма, сталинистской непоколебимости, прусской скрупулезности и лютерано-пиетистской веры в силу печатного слова» (здесь и далее перевод мой). Особую непоколебимость восточногерманской цензуре придавала подчиненность основополагающему принципу диктатуры СЕПГ, а именно нацеленность на перевоспитание всего населения в духе антифашизма посредством литературы. Более того, как отмечает исследователь, система цензуры ГДР должна была быть предельно бдительной, поскольку главный «классовый враг» страны – ФРГ имел с ней общий язык, в то время как другие страны социалистического блока национальным языком были защищены от «идеологической порчи». ²

---

¹ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке.- М.: «Российская политическая академия». - 2002. - С. 255

² Klötzer, Sylvia. Criticism and Censorship Negotiating Cabaret Performance and Book Production // Konrad H. Jarausch, ed. Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the GDR. New York, Berghahn Books. 1999. – P.261

Министерство государственной безопасности ГДР (Штази) также как и система цензуры, признается наиболее развитой, разветвленной и многочисленной агентурой среди социалистических государств. Это факт означает, что практически вся жизнедеятельность граждан ГДР в той или иной степени контролировалась или просматривалась Штази. После обнародования материалов Министерства государственной безопасности стало известно, что некоторые видные интеллектуалы ГДР, диссиденты в некоторой степени сотрудничали со Штази, а также, что многие контркультурные тенденции и движения были известны спецслужбе ввиду наличия «диссидентов-предателей» внутри альтернативных объединений.¹

Существенной для судьбы оппозиционной культуры ГДР была принятая спецслужбой процедура высылки на Запад. По мнению исследовательницы К.Пиетрас, постоянное исчезновение из страны активных деятелей оппозиции препятствовало формированию организованного оппозиционного движения. По сравнению с Польской Народной Республикой, где репрессии осуществлялись в виде традиционного тюремного заключения, что способствовало большей сплоченности оппозиции, путь становления контркультуры в ГДР был намного труднее.²

В статье, посвященной контркультуре в ГДР, Д. Бэтрик также говорит о сложностях, связанных со становлением и поддержанием организованной оппозиции в Восточной Германии, вызванных незначительными размерами страны по сравнению с мощностью ее спецслужб.³

С другой стороны, в отношении руководства ГДР к западным, и к внутренним оппозиционным проявлениям и тенденциям наблюдалась

---

¹ *Hell, Julia*. Loyal Dissidents and Stasi Poets: Sascha Anderson, Christa Wolf, and the Incomplete Project of GDR Research. // *German Politics and Society*. (20.4). 2002. - P. 88

² *Pietras, Karolina*. East German and Polish Opposition during the Last Decade of the Cold War. // Working Paper Series of the Research Network. – Paris: Sorbonne, 1989. - P. 8

³ *Bathrick, David*. The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // *New German Critique*, No. 15. 1978. – P. 8

своеобразная, порой неожиданная толерантность. Как отмечает исследователь культуры ГДР Э.Ларки, правительство страны находилось в парадоксальном положении: «Для сохранения и подтверждения своей легитимности как главенствующей силы в культурном процессе руководству страны приходилось легализовывать или примиряться с теми явлениями, которые оно изначально стремилось отрицать». Причина такого парадоксального положения заключается в том, что чрезвычайное признание в обществе многих контркультурных явлений, подрывало авторитет партии, их не одобряющей.¹

Так, например, по свидетельству очевидца этой парадоксальной культурной ситуации, музыканта из ГДР, Г.Зоммера, партия, преследуя собственные интересы, в том числе и чисто экономические, в 1980-х годах признала, идеологически оправдала и поддерживала ранее безусловно отрицаемый ею джаз.²

Геополитическая ситуация, сложившаяся в ГДР, обусловила напряженные поиски того пути, который позволял бы, не нарушая идейного единства стран послевоенного социализма, выйти за рамки навязываемой в качестве образца советской модели, сохраняя при этом определенное «равновесие» в умонастроениях населения.

Поиски равновесия вынуждали руководство в зависимости от конкретной ситуации маневрировать в рамках жесткой репрессивности и определенной либерализации. Это обстоятельство привело к тому, что в настоящее время, когда с момента объединения прошло уже больше двух десятилетий, бывшие граждане ГДР по-разному оценивают свое прошлое. Так, Б.С.Орлов, исследующий проблемы идентичности в современной объединенной Германии, пишет о том,

---

¹ *Larkey, Edward. Contested Spaces: GDR Rock between western Influence and Party Control. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy. Music and Politics in East Germany. American Institute for Contemporary German Studies. 2000. - P. 44*

² *Sommer, Günter . Jazz in a Socialist State? Living with a Paradox. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. American Institute for Contemporary German Studies. 2000. - P. 23*

что: одни видят этот период как негативный отрезок общей германской истории, когда на месте национал-социализма усилиями советских оккупационных властей был устроен политический режим такого же тоталитарного типа, но в новой идеологической упаковке. Другие рассматривают его как социальное государство, открывающее возможность для трудящегося населения получать образование, приобщаться к культуре, участвовать в устройении справедливого общества, в соответствии с марксистскими установками¹.

Таким образом, геополитическая ситуация, сложившаяся в ГДР, находящейся на границе «двух миров» и выполнявшей роль «форпоста» тоталитарного общества строящегося социализма, обусловило особую политическую, идеологическую и социальную напряженность, оказало существенное влияние на культурную жизнь страны, на процессы идентификации и формирование контркультурного сознания немцев, определив тем самым и своеобразие контркультуры. Именно геополитическая ситуация во многом определила, как репрессивность, так и «защитительную» толерантность властных структур по отношению к оппозиционным движениям, обусловив уникальность процессов идентификации и, соответственно, ряда контркультурных явлений в ГДР.

2.2. Протестантская церковь в контркультуре ГДР.

По словам Б.В.Маркова, культура включает в себя иммунные системы, обеспечивающие защиту от опасных воздействий чужого, символические

---

¹ Орлов Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии. - М.: РАН ИНИОН, 2012. - С. 24

средства самовосхваления общества, поддерживающие идентичность¹. Выполняя такую иммунную, защитную функцию, контркультура в системе тоталитарного общества объединяет его прогрессивную часть в структурно сложный совокупный процесс, который становится основным механизмом развития культуры. Одной из основных особенностей контркультуры в ГДР, отражающей ее совокупную сложность, которая представляется особенно уникальной в рамках социалистического общества, заключается в масштабной поддержке, которую оказывала ему Евангелическая церковь Восточной Германии.

Тот факт, что многие представители Евангелической церкви остались в ГДР и состояли в достаточно налаженных отношениях с руководством страны, после объединения Германии вызвал значительные дискуссии и обвинения в адрес восточногерманской церкви. Наиболее вопиющим представлялось решение, принятое церковью Восточной Германии в 1969 году, отделиться от Западной Евангелической церкви и стать «церковью при социализме», которая не выступала ни «за», ни «против» государства, но находилась в нем в некоторой солидарности. При этом церковь действительно оставалась в рамках социалистического общества и не уходила во «внутреннюю эмиграцию».²

По мнению Д.Мендта, пастора восточногерманской евангелической церкви, обвинения в адрес «церкви при социализме» основывались на убеждении, что настоящий христианин не может жить при коммунистическом режиме. Однако представитель восточногерманской церкви утверждает, что истинный христианин мог обнаружить свою миссию и в ГДР. Те церковные деятели, которые остались в Восточной Германии, как он пишет, считали, что у Бога есть для них специальное поручение в этой стране, поскольку, по их мнению, могущество Бога распространяется на все страны, и нет такой страны, в которой бы религия не имела силы к преобразованию души человеческой. Чувство собственной

---

¹ *Б.В.Марков*. Символическая защита: тотальность и тоталитаризм// Нева: 2011. № 6. - С. 124

² *Burgess, John P.* The East German Church and the End of Communism. - New York: Oxford University Press, 1997. - P. 47

ответственности за происходящее в стране, стремление сделать ГДР более гуманным государством и вера в возможность таких преобразований руководила восточногерманской церковью. Опираясь на Евангелие, церковь призывала население к служению на благо страны, к ответственности за судьбу страны и к заботе о ней. Вопреки убежденности Западной церкви в том, что христианство и социализм несовместимы, Восточная церковь возлагала надежду на социализм, считая, что при благоприятных условиях он может представлять собой достойную альтернативу рыночной экономике.¹

Такое отношение церкви к социалистическому строю было вызвано в свою очередь и весьма нетрадиционным для социалистического блока отношением к этому институту. Если еще в 1950-х годах, как пишет Дж.Бургесс, государство стремилось дискредитировать церковь, подвергая служителей арестам, обыскам, обвиняя в шпионаже, то вскоре отошло от крайних мер и лишь оказывало некоторое давление на население, стремясь убедить его отказаться от христианства. Однако уже с 1960-х годов отношения церкви и государства стали существенно налаживаться, государство пошло на многие уступки церкви, в целом проводя политику невмешательства в церковные дела.²

Таким образом, руководство ГДР не только отошло от марксистского отрицания существования христианства, но наделило церковь независимостью, определив ее как единственный институт, не подвергающийся прямому контролю партии.³

---

¹ *Mendt, Dietrich*. The East German Church and the Stasi. //

<http://helios.augustana.edu/~ew/des/illustrated-articles/pamphlet.html>

² *Burgess, John P.* The East German Church and the End of Communism. - New York: Oxford University Press, 1997.

³ *Althausen, Johannes*. The Churches in The GDR between Accommodation and Resistance.

http://www.georgefox.edu/academics/undergrad/departments/soc-swk/ree/ARTICLES_PREVIOUS.html

Как подчеркивает К.Пиетрас, в ГДР действительно соблюдалась конституция 1949 года, которая предоставляла церкви множество прав и свобод и согласно которой немецкая протестантская церковь впервые в своей истории была отделена и стала независимой от государства. Такая политика по отношению к церкви привела к тому, что она стала самой влиятельной и крупной (кроме партии) организацией в стране. Причину такой мягкости по отношению к церкви исследовательница видит также и в том, что нестабильное в экономическом отношении, а также в отношении своей авторитетности государство нуждалось в таком влиятельном «партнере», обладающем многими ресурсами, признание и поддержка которого могли быть государству очень выгодными.¹

Свободное, независимое пространство церкви, как пишет Дж.Бургесс, привлекало восточных немцев. Только церковное пространство теперь могло создать атмосферу свободы, искренности и взаимоприязни. Люди стремились в это пространство не из религиозных побуждений, а чтобы приобщиться к свободному и глубокому чувству товарищества, принять участие в свободной дискуссии. Оппозиционные проявления и движения также обращались к церкви за покровительством. При поддержке церкви оппозиционные объединения и отдельные индивиды стремились создавать альтернативное сообщество в ее рамках, организовывать обсуждения спорных политических и социальных вопросов, а также призывать к борьбе за изменение социальных и политических реалий. Примечательно, что в этот период наблюдался значительный упадок традиционной религиозной жизни, и ГДР была одной из самых секуляризованных стран. Таким образом, за счет покровительства оппозиции восточногерманская церковь обрела политическую роль, которая в этот период в истории превосходила ее традиционно религиозную миссию. С одной стороны,

---

¹ *Pietras, Karolina. East German and Polish Opposition during the Last Decade of the Cold War. // Working Paper Series of the Research Network. – Paris: Sorbonne, 1989. - P. 5*

такая ситуация, как пишет исследователь, приводила к некоторому конфликту. Многие деятели оппозиции, обращающиеся к церкви за покровительством, лишь использовали свободное пространство церкви, не проявляя никакого интереса к религиозной составляющей, которая во многом руководила институтом церкви в его покровительстве оппозиции. Церковь считала, что порой ее покровительством злоупотребляют. С другой стороны, в ситуации упадка интереса к религии, оппозиция помогала церкви обнаружить новую сферу своей деятельности. Таким образом, заключает Дж.Бургесс, поддержка церкви и оппозиции во многом была взаимной.¹

Важные факты, свидетельствующие об уникальности роли протестантской церкви в контркультуре ГДР приводятся в книге А.Ю.Ватлина «Германия в XX веке». Автор пишет о том, что протестантская церковь в ГДР заявила о себе как о прибежище не только для христиан, но и для всех гонимых. Под ее патронажем в ГДР развернулось независимое от власти пацифистское движение, охватившее в основном студенческую молодежь. Оно выдвигало претензии к руководству ГДР, которое ввело в 1978 г. в старших классах школ начальную военную подготовку в качестве обязательного предмета. При этом в воззрениях пацифистов преобладала религиозно-этическая аргументация, лозунгом движения стало библейское изречение «перекуем мечи на орала»².

В период сворачивания «железного занавеса», за которым последовала массовая эмиграция из ГДР, оставшаяся в стране часть диссидентских групп, стала выходить из подполья. Обращение оппозиционных сил за общественной поддержкой, по словам А.Ю.Ватлина, на сей раз нашло массовый отклик по всей стране. Политический протест стал при этом выбираться из кухонь и пивных на улицы и площади восточногерманских городов. Наибольшую известность получили «понеделничные» молитвы-демонстрации в Лейпциге, которые

---

¹ *Burgess, John P.* The East German Church and the End of Communism. - New York: Oxford University Press, 1997.

² *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. - М.: «Российская политическая академия», 2002. - С. 257

нередко завершались столкновениями с полицией. Под покровительством церковных приходов стали появляться ростки альтернативной власти на местах, священники брали на себя роль посредников между полицией и демонстрантами, чтобы не допустить эскалации насилия. А.Ю.Ватлин приводит слова последнего лидера СЕПГ Э. Кренца, который позже сказал, что «мы отдали на откуп церкви то, что должно было стать исконно партийным делом»¹.

В целом, роль церкви в оппозиционном движении ГДР сложно переоценить. Для большинства оппозиционных деятелей культуры, не готовых идти на какой-либо компромисс с государством, деятельность в рамках свободного церковного пространства была единственной возможностью самореализации. Писатели, чьи работы были запрещены, проводили чтения; в рамках церкви также проводились запрещенные выставки, и выступали артисты, которые в своей деятельности выходили за рамки идеологически дозволенного. Зачастую церковь выступала в защиту запрещенных или преследуемых деятелей культуры, как подчеркивает П.Симсон, несмотря на то, что государство периодически налагало на нее штрафы и всячески осуждало за «прикрытие» подобных лиц.²

Поскольку все граждане ГДР обладали правом свободного посещения церкви, то в сложившейся ситуации они обладали и правом приобщения к оппозиционной культуре, что было бы немислимо без существования такого свободного института.

По мнению И.Авдеевой, церковь не только покровительствовала контркультуре, но более того, «играла организующую и координирующую роль в оппозиции, ее инфраструктура широко использовалась для проведения массовых мероприятий и для обеспечения связи оппозиционными группами как внутри

---

¹ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. - М.: «Российская политическая академия», 2002. - С. 261

² Simpson, Patricia A. Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // *Performing Arts Journal*, Vol. 11, No.1. 1988. - P. 39-45

ГДР, так и с ФРГ, для печатания и распространения самиздата и пропагандистских материалов». Такие инициативы церкви превратили этот институт, по мнению исследователя, в одну из главных движущих сил мирной революции в ГДР.¹

Таким образом, существенная роль церкви в контркультурном движении ГДР (которая во многом была обусловлена тотальным чувством вины, проникающим даже в самые автономные сферы) обусловила его специфику и создала уникальную ситуацию, в которой церковь выступала в качестве поддержки общей контркультурной интенции, способствуя распространению и относительной легализации различных форм диссидентства.

Многочисленные факты, приводимые в работах немецких исследователей (Д.Батрик, Д.Биндер, А.Гордон, Дж.Зайпс, П.Кайзер, К. Петцольд, П.Симпсон, Т. Хорник и др.), посвященных творчеству различных представителей оппозиционной культуры ГДР, делают очевидной выдающуюся роль церкви в развитии оппозиционного движения.

2.3. Ведущие стратегии контркультуры в ГДР («лояльная» и «непримиримая» оппозиция).

В рамках специфической социокультурной, политической и идеологической атмосферы Восточной Германии контркультура, выполнявшая общую иммунную антитоталитарную функцию, объединила в сложный совокупный процесс не сходные по ценностным ориентациям социальные группы, в разной степени противостоящие официальным ценностям социалистической культуры ГДР. Поскольку, по многим причинам, рассмотренным ранее, многие деятели оппозиционной культуры ГДР были склонны к проявлению лояльности, а политика государства по отношению к оппозиции характеризовалась как жесткой

---

¹ *Авдеева И.В.* Роль оппозиции в процессах демократизации (на примере Восточной Германии): автореф. дис... канд. ист. наук./ И.В. Авдеева – М.: 1998. - С. 15

репрессивностью, так и неожиданной толерантностью, то в рамках контркультуры ГДР закономерно рассматривать всю совокупность оппозиционных проявлений в их неоднородности.

Как отмечает И.Авдеева, существует множество различных классификаций оппозиционной культуры, но наиболее полной и в то же время хорошо применимой к культуре ГДР, исследователь считает классификацию, разработанную А.Цыганковым. По степени терпимости оппозиции по отношению к деятельности государства он выделал лояльную, умеренную и непримиримую оппозиции.¹

В связи со сложностью взаимоотношения оппозиции и государства в ГДР, неоднозначностью статуса некоторых оппозиционных деятелей культуры, представляется целесообразным условно выделить в оппозиции ГДР две группы, объединив лояльную и умеренную оппозицию под общим обозначением «лояльная», а также «непримиримую» оппозицию.

К представителям лояльной и умеренной оппозиции относятся в первую очередь деятели культуры старшего поколения. Причины, способствующие формированию лояльности у деятелей культуры, были рассмотрены ранее, но следует подчеркнуть, что основополагающей причиной лояльности старшего поколения диссидентов, принципиально отличающих их сознание от сознания младшего поколения диссидентов ГДР, является опыт фашизма. Показательно, что, несмотря на то, что в структуре диссидентства СССР исследователями также было выделено поколение «отцов», или поколение фронтовиков, основания этого выделения имеют несколько иной характер: умеренность старшего поколения диссидентов СССР объясняется исследователями их военным прошлым, испытанием ужасов войны, которые были привнесены фашизмом извне, от которого они защищали родину и, соответственно, собственную тоталитарную

---

¹ Авдеева И.В. Роль оппозиции в процессах демократизации (на примере Восточной Германии): автореф. дис... канд. ист. наук./ И.В. Авдеева – М.: 1998. - С.17

систему. Ввиду этого, умеренность старшего поколения советских диссидентов объяснялась их отношением, в том числе, и к властным структурам, противостоявшим фашизму. По отношению к поколению «отцов» термин «лояльная оппозиция» не использовался, так как в СССР не было условий для существования такого рода оппозиции, а отражающим реальное положение дел можно считать термин «умеренное диссидентство».

Память о преступлениях фашистской Германии вселяла в лояльных диссидентов ГДР доверие к социалистическому режиму и оправдывала их некоторую сговорчивость и готовность пойти на компромисс с властными структурами ради того, чтобы своим оппозиционным творчеством способствовать гуманизации социалистического общества. Лояльные диссиденты были, по рассмотренным ранее причинным, убежденными марксистами, коммунистами и искренне верили в возможность успеха социалистического эксперимента. Успех, по их мнению, был возможен, при том условии, если бы партийное руководство посредством демократизации стремилось в своей деятельности к социалистическому идеалу. Они боролись посредством своего творчества с закостенелостью системы, которая, невзирая на свои постулаты, была еще крайне далека от идеалистической цели.

Легализованность лояльной оппозиции объясняется тем, что такого рода оппозиция необходима и самому режиму. Как заключает И.Авдеева, легализованность оппозиции (хотя бы частичная) снижает уровень напряженности в обществе и предотвращает возможность развертывания конфликта, приводящего к деструктивным последствиям.¹

Как пишет А.Пинкерт, характеризуя взаимовыгодные отношения государства и лояльного диссидента: «диссидент нуждается в государстве, чтобы

---

¹ Авдеева И.В. Роль оппозиции в процессах демократизации (на примере Восточной Германии): автореф. дис... канд. ист. наук./ И.В. Авдеева – М.: 1998. - С.18

указывать на его ошибки, а государство нуждается в них, чтобы узнать немного правды о себе».¹

К условно выделенной группе лояльной и умеренной оппозиции относятся преимущественно писатели, потому что именно для них, в стране, где «всепроникающее» Штази не позволяло создать организованного самиздата, терпимость со стороны государства была наиболее важна.²

В надежде на публикацию своих работ диссиденты искали разнообразные ниши и способы реализовать себя в завуалированном протесте, не вызывая при этом излишнего подозрения.

Однако даже в данной группе не было стабильности относительно терпимости и лояльности по отношению к режиму. Во многом, поворотным моментом в отношениях лояльных диссидентов и государства стал 1965 год, когда на XXI пленарной сессии ЦК СЕПГ руководство подвергло многих деятелей различных сфер культуры ожесточенной критике, а затем трагические события так называемой Пражской весны. После этих событий большинство лояльных диссидентов утратило веру в то, что партийный курс СЕПГ когда-нибудь действительно будет соответствовать социалистическим идеалам. Данный период хронологически совпал с концом «хрущевской оттепели», известной «травлей» деятелей культуры и искусства, окончательной утратой надежд на демократические изменения у всех поколений инакомыслящих в СССР.

К представителям непримиримой оппозиции ГДР относятся в первую очередь деятели культуры андеграунда младшего поколения, а также те представители старшего поколения, которые отличались особой принципиальностью и бескомпромиссностью. В силу специфики репрессивных

---

¹ *Pinkert, Anke. Pleasures of Fear: Antifascist Myth, Holocaust, and Soft Dissidence in Christa Wolf's Kindheitsmuster. // The German Quarterly, Vol. 76, No. 1 (Winter). 2003. - P. 34*

² *Bathrick, David. The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // New German Critique, No. 15 (Autumn). 1978. - P. 8*

мер властей ГДР большинство представителей данной оппозиционной группы были подвержены высылке на Запад, или, спасаясь от репрессий, должны были действовать в своем, очень узком кругу, не стремясь к обнародованию своей деятельности, поскольку, как утверждает С. Клотцер, согласно законам цензуры, чем меньше была сфера влияния и распространения того или иного явления культуры, тем большей свободой оно располагало.¹

Не разделяя чувства вины за прошлое фашистской Германии, младшее поколение деятелей андеграунда не питало к социалистическому строю лояльных чувств, основанных на антифашизме, и не воспринимало социализм как режим, который способен наилучшим образом преодолеть наследие национал-социализма. Давая оценку политическим реалиям ГДР, они не исходили из сопоставления настоящего с трагическим прошлым, которого они не испытали на себе, а исходили лишь из собственного опыта жизни в социалистическом государстве, а также из сопоставления ее с жизнью западных немцев. Безусловно, уровень и качество жизни в ГДР (значительно отличающиеся от условий жизни в ФРГ), ограниченность свобод и закрытость границ провоцировали негодование среди молодежи, которая стремясь к свободе самовыражения, искала либо покровительства церкви, либо других способов реализации андеграундной деятельности.

Как заключает И.Прохорова, анализируя специфику оппозиционных проявлений: «закрытое общество вынуждает социально активных людей искать новые и адаптировать к своим целям уже имеющиеся пространства и официальные институции, а также создавать альтернативные структуры для инновационной художественной деятельности».²

---

¹ Klötzer, Sylvia. Criticism and Censorship Negotiating Cabaret Performance and Book Production // Konrad H. Jarausch, ed. Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the Gdr. New York: Berghahn Books, 1999. - P. 248

² Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. // Новое литературное обозрение №100 (6). 2009. - С. 10

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в целом обе группы представителей контркультуры руководствовались схожими мотивами – на основе общечеловеческой антитоталитарной интенции противостоять режиму, с целью его демократизации и гуманизации. Во главе обеих стратегий находилась творческая интеллигенция, оказавшаяся в ситуации поиска своей национально-культурной идентичности и выражавшая их в продукте своей деятельности – литературе и искусстве. Роль творческой интеллигенции было столь существенной потому, что именно литература и искусство являются сферой выражения и экспликации ценностей мировоззренческого уровня. В поисках национально-культурной идентичности творческая интеллигенция шла разными путями, первый из которых позволял обрести национально-культурную идентичность путем сложного внутреннего диалога, стремлением найти возможности гуманизации существующего строя и не предполагал демонтажа базовых социалистических ценностей, которые продолжали составлять позитивную основу национально-культурной идентичности лояльной части оппозиции. В основе другого пути лежало неприятие базовых ценностей общества, обуславливающих негативную национально-культурную идентичность непримиримого крыла оппозиции. Формирование позитивной идентичности для них предполагало отмену базовых ценностей социалистического общества и, соответственно, изменение типа общества. Таким образом, основания разделения оппозиции на разные группы коренятся, прежде всего, в отношении к базовым ценностям социализма, в глубине кризиса национально-культурной идентичности, а также в степени лояльности, свойственной различным поколениям, принципиальности отдельных личностей, нацеленности творчества на публичность, характере восприятия творчества (как самоценности или как средства политической борьбы) и др.

Выводы

Проблемы идентификации в ГДР были обусловлены рядом факторов исторического характера. Во-первых, тоталитарность общества ГДР пришла на смену открыто репрессивной и незавуалированной нацисткой тоталитарности и потому на ее фоне воспринималась как более мягкая форма. Смена же характера тоталитарности в СССР представляла собой замену репрессивной, но все же завуалированной политике сталинского периода на менее репрессивную форму «хрущевской оттепели» (следует отметить, что идеи антисталинизма были широко распространены в СССР, но не имели столь тотального характера, как идеи антифашизма в ГДР), т.е. в СССР произошла не столь резкая смена тоталитарных систем, поскольку их репрессивность всегда была завуалирована. Именно незавуалированная форма репрессивности нацистской системы обусловила позитивное восприятие «новой тоталитарности» в ГДР и создало условия для проникновения его элементов во все контркультурные автономии, вплоть до диссидентского движения. Во-вторых, агрессивная тоталитарность нацистского общества была направлена не только вовнутрь страны, но и вовне, что обусловило возникновение *тотального чувства вины*, которое разделялось всем обществом, включая его автономные структуры, и тем самым идейно связывало различные контркультурные движения.

Географическое положение ГДР, находящейся на границе «двух миров» и выполнявшей роль «форпоста» тоталитарного общества строящегося социализма, обусловило особую политическую, идеологическую и социальную напряженность. Проницаемость границы представляла непосредственную угрозу всему восточногерманскому социализму и являлась существенной преградой на пути реализации ключевой задачи СЕПГ – создания «социалистического человека». Существенную дестабилизирующую роль играли радиостанции Западного Берлина, пограничные кинотеатры, демонстрирующие американские фильмы, западные товары (книги, фильмы, музыкальные записи, модная одежда), проникающие в Восточную Германию. Возникшая напряженность привела к

возведению в 1961 году Берлинской стены, после чего вещание западного радио не прекратилось. Неизбежность постоянного западного культурного влияния приводила к тому, что контроль над общественной и культурной сферами жизни в ГДР осуществлялся одновременно репрессивными и толерантными методами. С одной стороны, возведение Берлинской стены и окончательное закрытие границы привело к ожесточению борьбы с инакомыслием и введению тотальной цензуры. С другой стороны, в отношении руководства ГДР к западным и к внутренним оппозиционным проявлениям наблюдалась своеобразная толерантность (отношение к джазу, року и др.). Таким образом, геополитическая ситуация во многом определила, как репрессивность, так и «защитительную» толерантность властных структур по отношению к оппозиционным движениям, обусловив уникальность ряда контркультурных явлений в ГДР.

Существенную роль в формировании и существовании контркультуры ГДР сыграла Восточногерманская Евангелическая церковь. По свидетельству многих немецких исследователей (Д.Батрика, Д.Биндера, А.Гордона, Дж.Зайпса, П. Кайзера, К. Петцольда, П.Симпсона, Т.Хорника и других), Евангелическая церковь Восточной Германии, отделившаяся в 1969 году от Западной Евангелической церкви и ставшая «церковью при социализме», осталась в рамках социалистического общества и не ушла во «внутреннюю эмиграцию». Такая позиция церкви ГДР, вопреки убежденности Западной церкви в том, что христианство и социализм несовместимы, была обусловлена чувством собственной ответственности за происходящее в стране и стремлением сделать ГДР более гуманным государством. В свою очередь, руководство ГДР наделило церковь независимостью, определив ее как единственный институт, не подвергающийся прямому контролю партии. Церковь предоставляла свое свободное, независимое пространство для политических дискуссий, проведения оппозиционных массовых мероприятий. В периоды открытых противостояний священники брали на себя роль посредников между полицией и демонстрантами. В результате восточногерманская церковь стала самой влиятельной и крупной

(кроме партии) организацией в стране, при этом она обрела значительную политическую роль, которая в этот период истории превосходила ее традиционную религиозную миссию. Таким образом, в ГДР возникла специфическая ситуация, в которой церковь выступала в качестве поддержки общей контркультурной интенции, способствовала распространению и относительной легализации различных форм диссидентства, что, в конечном счете, превратило ее в одну из главных движущих и организующих сил совокупного контркультурного процесса.

В структуре контркультурного движения в ГДР четко выделяются две тенденции: «лояльная» и «непримиримая». Обе группы представителей контркультуры руководствовались схожими мотивами – на основе антитоталитарной интенции противостоять режиму с целью его гуманизации; центром обеих групп преимущественно являлась творческая интеллигенция, оказавшаяся в ситуации кризиса национально-культурной идентичности. «Лояльная» оппозиция стремилась обрести позитивную национально-культурную идентичность путем гуманизации существующего строя, которая не предполагала демонтажа базовых ценностей социализма, в то время как «непримиримое» крыло отрицало базовые ценности социалистического общества, которые составляли основу негативной идентичности его представителей.

Лояльно настроенная часть инакомыслящей творческой интеллигенции ГДР (к которой, в первую очередь, относятся писатели старшего поколения, сознание которых формировалось под влиянием пережитого «опыта фашизма» и глубокого «чувства вины») не может быть однозначно приравнена к поколению фронтовиков или «поколению отцов» в структуре диссидентского движения СССР, умеренность которых была обусловлена испытанием ужасов фашизма, от которого они защищали Родину и, соответственно, собственную тоталитарную систему, противостоящую фашизму.

Основным критерием выделения непримиримой оппозиции служит степень ее противостояния тоталитарности общества, доходящая до отрицания базовых

ценностей социализма. При этом она характеризуется уникальной особенностью, выражающейся в том, что многие ее представители продолжали оставаться на марксистских позициях.

ГЛАВА III

«ЛОЯЛЬНОЕ» ДИССИДЕНТСТВО В ГДР

3. 1. Выбор «среднего пути».

Различные стратегии лояльной оппозиции прослеживаются, прежде всего, на судьбах творческой интеллигенции, воплощавшей в своем творчестве базовые ценности культуры. Как отмечает И.Г.Яковенко, явленный в искусстве образ Вселенной изоморфен породившей его культуре, ее идеологии, психологии, системе ценностей, выступая наиболее ярким и полным воплощением культуры. Таким образом, искусство выступает как один из основных механизмов сохранения осмысленной, идеологически зафиксированной самоидентичности¹.

Именно искусство, по мнению исследователей, является тем пространством, где особенно ярко и убедительно разворачивается спор о мировоззренческих ценностях, поскольку диалогичность – это одно из основных условий его существования. Каждая эпоха создает арсенал авторских, художественных интерпретаций мира, ввиду чего можно говорить о том, что «диалог по поводу базовых идентичностей, разворачивающийся в пространстве национальных образов и национальных смыслов» ведется постоянно². В диалоге о базовых идентичностях восточных немцев самым ярким и значимым «голосом» обладала Криста Вольф, которая являла собой и пример «внутреннего диалога», обусловившего драматизм ее творческого пути.

Являясь ведущей представительницей «лояльного» диссидентства», Криста Вольф не только была широко известна за пределами страны, но и имела определенный авторитет у партийного руководства ГДР. Такое положение известной писательницы было обусловлено совмещением ею нескольких

---

¹ Яковенко И.Г. Искусство и базовые идентичности.// Искусство и цивилизационная идентичность. - М.: Наука, 2007. - С. 412-413

² Там же, С. 416

различных «путей», возможных для творческой личности в условиях тоталитарного государства. Противоречивость ее творческого пути привела к парадоксальной ситуации, когда после объединения Германии писательница оказалась в центре литературно-политических дискуссий, в которых она одновременно рассматривалась как возможный кандидат на Нобелевскую премию по литературе и повергалась в ожесточенной критике. Различные «пути» К. Вольф складываются в особый единый путь, который можно проследить, используя исследования общей культурной атмосферы Восточной Германии и творчества самой писательницы.

К.Вольф принадлежала к кругу творческой интеллигенции ГДР, представители которой не вписывались, как отмечает исследователь ее творчества К.Шофер, в западную классификацию художников коммунистических стран, предполагающую только две категории – официальные деятели культуры и диссиденты¹(здесь и далее перевод автора).

Отношения писательницы с режимом были противоречивыми и непостоянными. Будучи убежденной марксистской (как и большинство «лояльных диссидентов»), К.Вольф, несмотря на возрастающее недовольство политикой партии, так и не пришла к полному и открытому отрицанию режима. По мнению исследователей, она разделяла убеждение многих представителей западной интеллигенции, а также некоторых ее соотечественников, что капитализм является наибольшим злом в истории, и что любая социальная система, ему противостоящая, заслуживает одобрения², однако она мечтала о социалистическом будущем, отличном от того, к которому шло партийное руководство³.

Привлекательность идеи социалистического общества для К.Вольф обуславливалась не только своей противопоставленностью капиталистическому

---

¹ *Schoefer, Christine*. The Attack of Christa Wolf. // *The Nation*. 22 Oct. 1990. - P. 446.

² *Hollander, Paul*. Iron Curtain Lady. 3 (2007) // <http://city-journal.org>

³ *Hell, Julia*. Loyal Dissidents and Stasi Poets: Sascha Anderson, Christa Wolf, and the Incomplete Project of GDR Research. // *German Politics and Society* 20.4. 2002. - P. 86.

режиму, но также и нацистскому прошлому (которое переживалось крайне тяжело большинством представителей «лояльного диссидентства»). По свидетельству П.Холландера, это обстоятельство объясняет то, что даже после крушения режима и полного в нем разочарования, она не обнаружила в капиталистическом обществе достойной ему альтернативы и сохранила веру в социалистическую утопию¹.

Приверженность идеалам социализма выражалась также и в том, что вплоть до лета 1989 года писательница состояла в СЕПГ. С 1963 по 1967 год она являлась кандидатом в ЦК партии. Более того, как отмечают исследователи, после раскрытия архивов Министерства государственной безопасности выяснилось, что с 1959 по 1962 год, в самом начале своей творческой деятельности, К.Вольф была неофициальным информатором Штази².

Однако после XI пленарной сессии ЦК СЕПГ взаимоотношения К.Вольф и партийного руководства существенно изменились (здесь существенную роль сыграла высылка из страны барда В.Бирманна, против которой выступила оппозиционная интеллигенция ГДР). Явно проявившаяся оппозиционная тенденция в ее произведениях этого периода повлекла за собой более критичное отношение партии к ее творчеству, а также установку за ней слежки Штази, продолжавшуюся до падения режима СЕПГ³.

Вера К.Вольф в идеалы социализма приводила ее к созданию произведений утопического характера, в которых она стремилась к преобразованию старого и созданию лучшего мира. Вера К.Вольф в утопию, а также ее стремление содействию этой утопии посредством своего литературного творчества связана с приверженностью писательницы неомарксистской «философии надежды» Эрнста Блоха. Э.Блох, вернувшись в ГДР после эмиграции, преподавал в Лейпцигском

---

¹ Hollander, Paul. *Iron Curtain Lady*. 3 (2007) // <http://city-journal.org>

² *Postl, Gertrude*. *The Silencing of a Voice: Christa Wolf, Cassandra, and the German Unification*.// *Differences* 5.2 – 1993. - P. 93.

³ *Hell, Julia*. *Loyal Dissidents and Stasi Poets: Sascha Anderson, Christa Wolf, and the Incomplete Project of GDR Research*. // *German Politics and Society* 20.4, 2002. - P. 82-93.

университете, где приобрел чрезвычайную известность в ГДР. Именно в процессе своего обучения в этом университете у Э.Блоха, К.Вольф впитала его «философию надежды». В дальнейшем герои многих произведений писательницы придавались бесконечным романтическим мечтаниям о том, как бы все могло и должно быть. Э. Блох, характеризуя подобное состояние, называл его направленной в будущее «вперед-мечтой». Способность предаваться «вперед-мечтам», согласно Э.Блоху, необходимо для того, чтобы воспринимать вещи не такими, как они есть, просто смиряясь с ними, а так, чтобы взломать их»¹.

Многие исследователи (К.Шофер, Г.Постл, К.Павер, С.Брокманн, С.Фриден и другие) применительно к положению балансирования между верой в социалистический идеал и критикой политики партии, занимаемому К.Вольф, использовали метафору «третьего пути». Проблема «третьего пути», который стремилась обнаружить и на который стремилась вступить писательница, последовательно раскрывается в ее творчестве.

Анализ произведений К.Вольф, а также критической и культурологической литературы позволил выделить несколько значимых этапов в ее творчестве и жизненных исканиях, свидетельствующих о сложности и противоречивости поиска и становления особого «третьего пути».

«Расколотое небо» (1963) – первая значительная работа К.Вольф, принеся ей мгновенную славу, была воспринята однозначно положительно в ФРГ, однако на родине писательницы заставила некоторых критиков усомниться в ее лояльности по отношению к социалистическому государству. Неоднозначность оценки первого произведения К.Вольф уже свидетельствовала о ее вступлении на «третий путь».

В романе «Размышления о Кристе Т.» (1968) – первом критическом романе К.Вольф, написанном после XXI пленарной сессии ЦК СЕПГ, проблематика

---

¹ Блох Э. Тюбенгенское введение в философию. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 1997. – С. 124.

«третьего пути» получила дальнейшее раскрытие. Главная героиня романа Криста Т., незаурядная по своим творческим способностям и душевным качествам женщина, изображена в качестве аутсайдера, человека, неспособного к интеграции в социалистическое общество. К.Вольф в данном романе вместе со своим персонажем размышляет о властных структурах закрытого общества, которые не заинтересованы в потребностях и самореализации людей и, по мнению исследователей романа, ставят под сомнение гуманность самого общества¹.

Неудивительно, что подобные темы, затронутые в романе, навлекли на писательницу критику со стороны партийного руководства на шестой конференции писателей ГДР в 1969 году, вследствие чего доверие к ней было существенно подорвано. К.Вольф было крайне тяжело добиться публикации романа, и, как свидетельствует исследователь К.Павер, несмотря на то, что издательство пошло на этот шаг, после выхода книги оно публичным заявлением в газете отказалось от нее².

Лояльное диссидентство Кристи Вольф по-новому раскрылось в романе «Образы детства» (1976), а именно в рамках антифашистского дискурса. Не ставя под вопрос официальный антифашистский дискурс социалистического режима как таковой и написав антифашистский по своей направленности роман, писательница переосмыслила проводимую партией политику памяти, а также устанавливаемые партией рамки антифашистских произведений. В беседе, посвященной данному роману, К.Вольф говорит: «Меня слегка раздражает, что наши книги о том времени изобилуют героями, которые быстро перековываются, которые еще при фашизме приходят к вполне серьезным и правильным выводам – политическим и человеческим... мой опыт был иным. По своему опыту я знаю, что прошло очень много времени, прежде чем появились первые крохотные

---

¹ Гугнин А. Через иллюзии к реальностям: заметки о творчестве Кристи Вольф. // Вольф К. От первого лица. Художественная публицистика. - М.: Прогресс, 1991. - С.8

² Paver, Chloe. Narrative and Fantasy in the Post-War German Novel: A Study of Novels by Johnson, Frisch, Wolf, Becker, and Grass. - Oxford: Oxford University, 1999. - P.84

ростки понимания, а уж более глубокие перемены наступили еще позднее. Я считаю, сказать об этом надо»¹.

К.Вольф была убеждена в том, что именно полная и правдивая оценка национал-социалистического прошлого будет способствовать более сознательному социалистическому настоящему и послужит руководством к действиям, направленным на формирование будущего. Как пишет А. Пинкерт, о «провале» существовавших в то время форм антифашистского дискурса свидетельствовало все возрастающее безразличие восточных немцев к проблеме нацистского прошлого, и в особенности Холокоста². Именно это безразличие, по словам самой Кристины Вольф, сподвигло ее на написание данного романа.

Проблема Холокоста занимала особое место в антифашистском дискурсе ГДР. Политика, проводимая партией, была направлена на включение евреев, жертв Холокоста в более общую группу жертв фашизма, что отводило этой проблематике лишь периферийное положение в общем антифашистском дискурсе. Такая позиция находила свое отражение и в международной политике Восточной Германии. Начиная с 1950-х годов и вплоть до своего краха, ГДР не имела дипломатических отношений с Израилем и была союзником арабских стран. Лишь к 1970-м годам, как свидетельствует А.Пинкерт, в то время, когда внешняя политика ГДР характеризовалась резким антисионизмом, в культурной политике по отношению к Холокосту стали происходить некоторые изменения. У писателей и режиссеров появилось больше возможностей для переосмысления опыта Холокоста в своих произведениях³. Подобные тенденции, и в особенности роман К.Вольф «Образы детства» указывали на уязвимость и во многом несостоятельность антифашистской политики СЕПГ.

---

¹ *Вольф К.* Образы опыта. // Вольф К. От первого лица. Художественная публицистика. - М.: 1991. - С. 292.

² *Pinkert, Anke.* Pleasures of Fear: Antifascist Myth, Holocaust, and Soft Dissidence in Christa Wolf's *Kindheitsmuster*. // *The German Quarterly*, Vol. 76, No. 1 (Winter), 2003. - P. 26.

³ Там же, P. 28

К.Вольф разделяла мнение Т.Адорно, что такие глубокие психологические причины как индивидуальная и социальная холодность, неспособность к сочувствию и солидарности обусловили возможность Холокоста. Именно к переосмыслению и преодолению этих причин писательница стремилась в своем романе. Только правдивое рассмотрение нацистского прошлого и причин антисемитизма необходимо было для благополучия современного общества.

Совмещая и перемежая в своем романе различные временные пласты (фашистского детства и социалистической зрелости), К.Вольф пытается найти ответ на вопрос: «Каким образом мы стали такими, какие мы есть сейчас?». Автобиографичность романа К.Вольф отражала господствующие в то время на Западе тенденции в литературе, но чуждые тем, которые санкционировала СЕПГ. Партия побуждала писателей, затрагивающих проблематику чувства вины, занимать позицию сторонних наблюдателей по отношению к проблеме исторической вины, испытываемой кем-то другим. К.Вольф, рассматривая данную проблематику на своем собственном примере и опыте, стремилась побудить читателя к осознанию личной вины и способствовать большей сознательности общества. Выход за рамки предписываемого антифашистского жанра и формирование своей собственной эстетической установки также явились причиной официальной критики творчества писательницы.

В лекциях, прочитанных К.Вольф во Франкфуртском университете в 1982 году, критика современности носила общий характер, т.е. была направлена на всеобщую одержимость материальным и техническим прогрессом, глобальное наращивание вооружения, бессилие личности перед лицом социальных и политических механизмов, однако относилась и непосредственно к ГДР. Рассматривая капитализм как особенно деструктивное проявление патриархальных структур, писательница признает, что социализм также не лишен доминирующего патриархального мышления. Распространение ядерного вооружения рассматривается К.Вольф в качестве самого опасного проявления патриархальных структур современности. Для писательницы несомненным

является то, что страны социалистического блока в равной степени вовлечены в ужасающую гонку вооружений. Такие обвинения в адрес страны, с момента своего основания позиционировавшей себя как подчеркнуто мирное государство, и противопоставлявшей себя в этом Западу, как заключает П.Гравес, было особенно опасно, и поэтому было воспринято крайне болезненно¹.

В повести «Кассандра» (1983) К.Вольф уходит от изображения современной действительности, опасного ввиду существования тотальной цензуры, однако через обращение к мифологическому сюжету она затрагивает актуальную в современном обществе проблематику. Повесть о троянской царевне, жрице, предсказавшей гибель Трои во время греко-римской войны, пророчествам которой никто не поверил, задумана, по словам самой писательницы, как предостережение для современников². Кассандра и сама Криста Вольф, находятся в поисках «третьего пути», поскольку не могут вступить ни на один из двух существующих «путей». В поисках альтернативы и в попытках дистанцировать себя от царского дворца Кассандра стремится за границы города, в горы и пещеры, где располагается альтернативное патриархальному миру, преимущественно женское поселение, строящее свое существование исходя из принципов мира и сотрудничества, в противоположность разрушающим, враждебным и воинственным принципам, господствующим вокруг царского двора. Разорвав связь с царским двором, в силу своего высокого происхождения Кассандра не может стать полноправным членом альтернативного сообщества. Как заключает Г.Постл, в постоянном движении от одной противоположности к другой Кассандра занимает промежуточное, третье положение. Положение самой К.Вольф очень близко положению, изображаемой ею героини; поиск «третьего пути» в результате которого писательница приходит к некоторому промежуточному положению или «лояльному» диссидентству связан со знанием

---

¹ *Graves, Peter.* Christa Wolf's "Kassandra": The Censoring of the GDR Edition. // *Modern Language Review*, Vol. 81, No. 4 (Oct.), 1986. - P. 948

² *Рудницкий М.* Тревожная проза Кристи Вольф. // *Вольф К. Избранное.* - М.: 1988. - С. 20.

горькой правды, в которую окружающие не хотят верить, в сочетании с верой и стремлением к утопии¹.

Самой спорной и обсуждаемой работой К.Вольф, носящей наиболее открыто оппозиционный характер, стала работа «Что остается?», написанная еще в 1979 году, но опубликованная более десяти лет спустя – в 1990 году.

В этой повести К.Вольф описывает период конца 1970-х годов, когда она находилась уже в открытой оппозиции к партийному руководству СЕПГ. Описывая установленную за ней слежку Штази, писательница критикует свой собственный страх, а также свое привилегированное положение, мешающее ей преодолеть этот страх. Ее неспособность обрести мужество и тот особый язык, в поисках которого она находится уже долгое время, приводит к угрызениям совести. Как отмечает С.Брокманн, голос сознания самой писательницы обвиняет ее в надменной вере в то, что она может одновременно быть привилегированным, уважаемым, обладающим силой и властью, членом общества ГДР, и свободным, независимым человеком. Это фаустовская сделка, в которой знание и силы могут быть получены лишь в обмен на душу, в то время как в ГДР роль дьявола выполняла Штази. Обе противоположные стороны, государство и оппозиция, считают возможными лишь два пути – «за» или «против», однако К.Вольф находится в неустанном поиске «третьего пути», в поисках особого языка, который, как заключает С.Брокманн, позволит ей встать на этот путь².

Между двумя возможными путями, между двумя «маскулинными» способами использования языка (используемыми с одной стороны оппозицией ГДР и Западом, а с другой стороны руководством ГДР и Штази) К.Вольф выбирает третий Язык оппозиции понимается К.Вольф как язык бинарных оппозиций, предполагающий лишь абсолютный моральный выбор. К.Вольф не может принять такой строго ограниченный язык, поскольку, как заключает

---

¹ *Postl, Gertrude*. The Silencing of a Voice: Christa Wolf, Cassandra, and the German Unification.// *Differences* 5.2 – 1993. - P. 92-115.

² *Brockmann, Stephen*. Preservation and Change in Christa Wolf's *Was bleibt*. // *The German Quarterly*, Vol. 67, No. 1, Modern Austrian and (Erstwhile) GDR Literature. 1994. - P. 79

С.Брокманн, она не обладает достаточными основаниями для абсолютного морального обвинения или оправдания. Ее мир – это не черно-белый, а серый мир. Она далека от однозначной ненависти по отношению к своим врагам, даже к следящим за ней работникам Штази, пытаясь их понять, она стремится вступить с ними в диалог. К.Вольф ставит перед собой задачу найти такой язык, который бы выражал одновременно способность и неспособность говорить, своеобразный «женский» язык, отвергающий бинарные оппозиции и таким образом неспособный к ненависти¹. Именно такой язык, по мнению писательницы, мог бы способствовать выходу с того тупикового положения, к которому пришло общество ГДР и весь западный мир, посредством узкого, одностороннего «патриархального» мышления и языка.

К.Вольф опубликовала повесть не в 1979 году, когда она была написана и могла произвести фурор, окончательно лишив писательницу ее привилегированного положения. Представляется, что именно такая запоздалая публикация является выражением и развитием той проблематики и тех противоречий, о которых пишет К.Вольф. Отказавшись от публикации повести еще при диктатуре СЕПГ, она так и не смогла окончательно преодолеть свой страх и пожертвовать своим привилегированным положением. Однако этот отказ от публикации повести является выражением стремления к «третьему пути», к особому «женскому» языку, находящемуся в промежуточном положении, отказывающемуся от категорических суждений и окончательного выбора, от разделения мира на черное и белое, на друзей и врагов. Публикация такой работы в 1979 году, безусловно, лишила бы писательницу возможности следовать «третьему пути», окончательно определив ее в категорию непримиримой оппозиции, мышление которой писательница также считала односторонним и патриархальным.

---

¹ *Brockmann, Stephen*. Preservation and Change in Christa Wolf's *Was bleibt*. // *The German Quarterly*, Vol. 67, No. 1, Modern Austrian and (Erstwhile) GDR Literature. 1994. - P. 79

Обвинения К.Вольф в трусости и оппортунизме, выдвинутые уже в объединенной Германии, и приведшие к так называемому «литературному спору» (*Literaturstreit*) между писателями двух бывших Германий, по мнению К.Шофер, была следствием недопонимания особой позиции, философии К.Вольф¹. Находясь в Западной Германии, она не смогла бы написать такие произведения, поскольку творчество в рамках системы тотальной цензуры и контроля мысли требует от личности особенных усилий, создает особые возможности, пространства и парадигмы жизни, несмотря на притеснения. Исследователь Г. Постл также заключает, что вменяемые писательнице в вину оппортунизм, чрезмерная лояльность и отсутствие собственной однозначной позиции сводились на самом деле к осмысленно занимаемой ей позиции неопределенности, к промежуточной позиции, между двумя возможными противоположностями, к «третьему пути» Кристины Вольф².

Представляется важным отметить, что жизненный и творческий путь К.Вольф наиболее полно, ярко, драматически и в целом символично отражает особый путь всей лояльной оппозиции ГДР, ставшей в настоящее время символом уже несуществующей страны.

3.2. «Ниши» творческой свободы

Представители «лояльной» контркультуры, в особенности писатели и драматурги, как уже было сказано выше, в стремлении совместить публикацию своих произведений с потребностью высказать в них обеспокоенность действительностью в обществе реально существующего социализма, искали ниши для выражения своей позиции и различные способы завуалированного протеста.

Одной из подобных ниш для представителей «лояльной» оппозиции ГДР было обращение к культурному наследию немецкого романтизма, получившее

---

¹ *Schoefer, Christine*. The Attack of Christa Wolf. // *The Nation* 22 Oct. – 1990. - P. 446-451.

² *Postl, Gertrude*. The Silencing of a Voice: Christa Wolf, Cassandra, and the German Unification.// *Differences* 5.2 – 1993. - P. 92-115

название «романтической волны» и проявившееся в обращении к романтическим тематикам, в переосмыслении мотивов произведений эпохи романтизма, использовании художественных методов романтизма, а также, как отмечает И.Гладков, в интересе к жизни и судьбам немецких романтиков.¹

Использование романтических тематик в качестве способа выражения завуалированного протеста было возможно по нескольким причинам.

До 1970-х годов в ГДР восприятие Романтизма определялось эстетикой реализма Д.Лукача, венгерского литературного критика, имевшего значительное влияние в ГДР. Его эстетика отвергала романтическую традицию как субъективистскую, иррациональную и реакционную. Лишь к началу 1970-х годов началась переоценка Романтизма писателями и историками литературы ГДР. Исследователи Р.Саир и М.Лови рассматривают это явление в рамках общей тенденции возрастающей критики официальной идеологии со стороны деятелей культуры.²

В условиях все возрастающих критических настроений, подрывающих легитимность режима, в некоторых вопросах партия была вынуждена идти на уступки деятелям культуры. В стремлении сохранить доверие традиционно «лояльной» оппозиции СЕПГ пересмотрела свое отношение к исторической эпохе, к которой значительно возрос интерес среди деятелей культуры.

Тот факт, что романтики с одной стороны, интересовались, вдохновлялись и связывали большие надежды с Великой Французской революцией, которая избавила Францию от многовекового феодального уклада, а с другой стороны, осуждали последовавшую за революцией якобинскую диктатуру, позволил партии сформировать в целом положительное отношение к эпохе Романтизма. Так понимаемая политическая позиция романтиков, во многом созвучная

---

¹ Гладков И.В. Проблематика и поэтика творчества Кристофа Хайна: автореф. дис. ... канд. филол. Наук/ И.В. Гладков – М.: - 2002.- С. 18

² Sayre, Robert and Löwy Michael. Romanticism as a Feminist Vision: The Quest of Christa Wolf // New German Critique, No. 64, Germany: East, West, and Other (Winter), 1995. - P. 118

социалистической интерпретации событий той эпохи, позволила партии безобидную, не подрывающую ее легитимность, уступку.

Однако такая «благоприятная» социалистическая трактовка эпохи Романтизма представляется односторонней. При такой трактовке упускаются из вида такие определяющие особенности мышления и мироощущения той эпохи, как трагичность, ощущение обманутых надежд, желание уйти от разочаровывающей реальности в мир грез, ускользающая надежда да светлое будущее. Так, например, А.Гугнин во вступительной статье к сборнику повестей и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма «Встреча», выпущенному в СССР в 1983 году, не обращает особого внимания на эти особенности эпохи Романтизма, объясняя заинтересованность писателей ГДР этой эпохой. Напротив, исследователь делает акцент лишь на интересовавший писателей ГДР разрыв между мыслью и делом. Этот разрыв, как отмечает А.Гугнин, был характерен для немецкой идеалистической мысли, а также обнаруживался в жизни самих романтиков, не содействовавших реализации демократических идеалов на практике. Особенно выделяется романтик Георг Форстер, который один из немногих сохранил верность революционно-демократическим идеалам и принял участие в революционной борьбе.¹

Обращение представителей «лояльной» оппозиции ГДР к эпохе Романтизма вызвано, как пишет А.Гугнин, поисками своих духовных предтеч и является продолжением раздумий об актуальных проблемах современности.² Однако причины обращения к романтическим проблематикам представляются несколько иначе. Писатели и драматурги «лояльной» оппозиционной культуры ГДР, также как и немецкие романтики, верили в идеалы, провозглашаемые их эпохами, однако для представителей обеих эпох было характерно разочарование,

---

¹ Гугнин А. Встреча через столетия. // Рудницкий М. – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма. - М.: 1983. - С. 8

² Там же, С.14

вызванное разрывом между этими идеалами и способами их воплощения в реальности. Этот трагический разрыв приводил к ускользанию веры восточных немцев и романтиков в возможную реализацию этих идеалов и в будущем.

Перечисленные выше параллельные настроения эпох объясняются тем, что и немецкие романтики и диссиденты ГДР являлись представителями контркультурных движений, являвшихся реакциями на современные им господствующие или официальные культуры. Как контркультурное мышление, так и контркультурное творчество обнаруживает сходства вне зависимости от эпох или современного им типа господствующих культур, содержащих в себе элементы тоталитарности и порождающих контркультурную реакцию.

Обращение к исторической эпохе Романтизма дало диссидентам ГДР возможность завуалировано рассуждать о крайне актуальных проблемах общества реально существующего социализма – разрыве между социалистическими идеалами и политикой СЕПГ, утрате будущих перспектив, сложных взаимоотношениях художника и государства, а также роли творческой личности в кризисный период. В то же время, в силу своего в целом положительного отношения к эпохе Романтизма, партийное руководство допускало к публикации подобные произведения лояльных диссидентов ГДР.

Как отмечает К.Вольф в интервью с Дж.Клаузен, рассмотрение таких проблем на материале современности было бы не только слишком натуралистично и банально, но главное, невозможно с идеологической точки зрения.¹

В повести «Нет места. Нигде» (1979) фигуры Генриха фон Клейста и Каролины фон Гюндероде использовались К.Вольф для размышления о собственных проблемах, с которыми она как творческая личность столкнулась в обществе доминирующего патриархального мышления. В 1970-х годах Криста и Герхард Вольф (после заявления протеста против выселения из страны барда

---

¹ Гугнин А. Встреча через столетия. // Рудницкий М. – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма. - М.: 1983. - С. 89

В.Бирманна) в числе прочих деятелей культуры были осуждены как «враги социализма» и подвергнуты некоторым институциональным санкциям.¹ По словам самой К.Вольф, эти события приводят к тому, что она, как и многие другие деятели культуры, становится аутсайдером в обществе. Обращение к судьбам романтиков, таких как Клейст и Гюндероде, - попытка разобраться в ситуации вытеснения интеллигенции на периферию общества. Ведь именно романтики наиболее глубоко и трагично осмыслили ситуацию, в которой художники становятся ненужными и бесполезными для общества.²

Название, выбранное писательницей для повести о судьбах «предшественников» диссидентов ГДР – «Нет места. Нигде», отсылает к размышлениям о роли социальной утопии (дословный перевод слова «утопия» - «место, которого нет») и объясняется самой писательницей следующим образом: «На собственном опыте я вижу, что альтернативные формы обществ, в которых мы живем, рушатся одна за другой, и что все меньше и меньше остается реальных альтернатив» (перевод мой).³ Такие слова писательницы связаны, прежде всего, с тем, что к концу 1970-х годов становится очевидным, что без принципиального изменения партийного курса социалистическое общество ГДР, воспринимаемое как реальная альтернатива как нацизму, так и капитализму, неминуемо потерпит крах.

Однако несмотря на трагичность судеб немецких романтиков, К.Вольф видит в Романтизме сохраняющуюся надежду. Ее увлекает ранний, прогрессивный романтизм, который заключался, по мнению писательницы, в

---

¹ Sayre, Robert and Löwy Michael. Romanticism as a Feminist Vision: The Quest of Christa Wolf // *New German Critique*, No. 64, Germany: East, West, and Other (Winter), 1995. - P. 119

² Clausen, Jeanette. Culture Is What You Experience: An Interview with Christa Wolf. // *New German Critique*, No. 27, Women Writers and Critics (Autumn), 1982. - P. 90

³ Clausen, Jeanette. Culture Is What You Experience: An Interview with Christa Wolf. // *New German Critique*, No. 27, Women Writers and Critics (Autumn), 1982. - P.93

смелом социальном эксперименте – в жизни в группах единомышленников на периферии общества, вытеснявшего и отвергавшего их.¹

Некоторую надежду сохраняет и сама К.Вольф, в чем вновь проявляется ее приверженность «философии надежды» Э.Блоха. Эту надежду она вкладывает в слова своей предшественницы Каролины фон Гюндероде, обращенной к Клейсту, усомнившемуся в целесообразности сохранения какой-либо надежды: «Если мы потеряем надежду, наши опасения сбудутся наверняка».² Представляется, что попытка К.Вольф обнаружить особый «третий путь» и вступить на него, также была прогрессивным, позволяющим сохранять надежду экспериментом, осуществление которого всем обществом ГДР могло бы спасти его от краха.

Герхард Вольф, также попавший в положение аутсайдера в 1970-х годах, и более того, исключенный из партии после несогласия с решением о судьбе В.Бирманна, обратился к наследию немецкого Романтизма в произведении «Бедный Гельдерлин» (1972). Трагическая фигура Фридриха Гельдерлина, республиканца, продолжавшего верить в идеалы Великой Французской революции, когда сама революционная Франция уже постепенно отходила от этих идеалов, по мнению исследователя оппозиционных тенденций в ГДР К.Лидер, является центральной для переосмысления Романтизма писателями ГДР. Сквозь призму жизни и переживаний своего великого предшественника Г.Вольф поднимает остро актуальные проблемы личности в условиях подавления.³

Писатель рассматривает особенности поведения личности в условиях гнета и подавления обществом и системой, отличающимся не только неоднозначностью, неосознанностью, не контролируемостью, но порой и

---

¹ *Clausen, Jeanette. Culture Is What You Experience: An Interview with Christa Wolf. // New German Critique, No. 27, Women Writers and Critics (Autumn), 1982. -P. 94*

² *Вольф К. Нет места. Нигде. // Рудницкий М. – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма. - М.: 1983. - С. 327*

³ *Leeder, Karen. Breaking Boundaries: A New Generation of Poets in the GDR. - Oxford: Oxford University, 1996. - P. 183*

безумием, вызванным глубоким отчаянием. На примере судьбы Гельдерлина Г.Вольф делает неутешительный вывод, о том, что творческая личность ради преодоления своего положения аутсайдера и обретения в обществе какой-либо значимости должна пожертвовать своей свободой. Несмотря на то что, как он пишет, «это почти уже за пределами человеческих сил – видеть кругом неприкрытую грязь и сохранять при этом душевное здоровье»¹, Г.Вольф пытается не отчаиваться и сохранять надежду, вкладывая такую же настроенность в слова Гельдерлина: «Никогда, пребывая в несчастье, (не допускай), ... чтоб в словах было только несчастье ...».²

Однако стоит отметить, что Г.Вольф предупреждает об опасности мечтаний, что созвучно с мнением М.Саброва, писавшего об обращении со временем при диктатуре СЕПГ. Жизнь ради будущей утопии, ради будущего счастья чревата, по мнению исследователя, утратой настоящего.³ Также об этой проблеме пишет Г.Вольф: «Мечтать, вечно только мечтать; но ведь это самоуничтожение... Тогда было будущее. Теперь будет прошлое. Но где же настоящее?».⁴

К наследию романтика Э.Т.А.Гофмана многие писатели ГДР также обращаются в своем творчестве. Писательница более старшего поколения Анна Зегерс, первая (еще в 1937 году) в открытой переписке с Д.Лукачем попыталась противостоять его эстетике реализма, отвергавшей Романтизм, а в рассказе «Встреча в пути» (1972) поднимает вопрос о художественном методе Гофмана, высоко оценивая его романтическую сатиру.

---

¹ *Вольф Г.* Бедный Гельдерлин. // *Рудницкий М.* – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури Натиска и Романтизма. - М.: 1983. - С. 193

² Там же, С. 175

³ *Сабров М.* Время и легитимность в немецких диктатурах XX века // Новое литературное обозрение №100 (6).- 2009. - С. 132

⁴ *Вольф Г.* Бедный Гельдерлин. // *Рудницкий М.* – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури, Натиска и Романтизма. - М.: 1983. - С. 194

Франц Фюман ряд статей посвятил проблеме раскрытия специфике художественного, сатирического таланта Э.Т.А.Гофмана, с помощью которого романтик особым образом осваивал действительность, раскрывая ее сущностные уродливо-фантастические черты.

В сборнике рассказов «Унтер-ден-Линден» К.Вольф (1974) обращается за вдохновением, как пишет Б.Харди, к способам освоения реальности Э.Т.А. Гофмана. Ее обращение к стилю Гофмана вызвано, прежде всего, стремлением отразить смежность двух миров – реального и фантастического, что предоставляет писательнице способ описания современной действительности и индивидуальной психики с совершенно новой точки зрения. К.Вольф использует иронию, сатиру и гротеск, характерные для стиля ее романтического предшественника, для того, чтобы обнажить противоречия действительности ГДР и пробудить критическое отношение общественности к этим противоречиям. По мнению Б.Харди, эти приемы используются писательницей для того, чтобы подчеркнуть «разложение» самого общества, к которому она принадлежит.¹

Романтические рецепции и использование иронии также можно проследить в литературных текстах К.Хайна. Как отмечает И.Гладков, К.Хайн считался, и сам себя считал писателем-хроникером. Его повествование отличалось документальной точностью и краткостью, даже, на первый взгляд, беспристрастной сухостью. По словам самого писателя, он многое почерпнул из художественной традиции прошлого, и в частности у романтика Генриха фон Клейста. Творчество Клейста, так же как и творчество его последователя, отличалось лаконичностью, меткостью, точным и реалистичным представлением действительности, но в то же время было «опутано иронией, которая чувствовалась между строк». Также, по мнению исследователя, манера письма К.Хайна, его «беспристрастное и скупое повествование» свидетельствовало об

---

¹ *Hardy B. Romanticism and Realism: Christa Wolf's "Unter den Linden" // Neue Ansichten: the Reception of Romanticism in the Literature of GDR / H.Gaskill, K.McPherson, A.Barker. Amsterdam: 1990. - P. 79*

аналитическом, критическом и, безусловно, ироническом взгляде писателя на мир.¹

Примером сочетания иронии с повествованием в творчестве Хайна, в котором практически излагаются лишь факты, может служить рассказ «Новый, более счастливый Кольхаас», который как своим названием, так и сюжетом перекликается с новеллой Клейста «Михаэль Кольхаас». В рассказе Хайна безудержное стремление главного героя к справедливости оборачивается трагедией. Посвятив всю свою жизнь борьбе за недоплаченные ему 40 франков, он, в конце концов, их получает, но при этом теряет все: уважение и любовь, семью и близких друзей. Показывая трагическую, но в то же время не лишенную иронии судьбу одного человека Хайн, по мнению И.Гладкова, пытается синтезировать и анализировать целый ряд неразрешенных проблем немецкого общества. Писатель говорит о том, что ущемление достоинства и прав даже одного, самого обычного человека бывает достаточным для того, чтобы разрушить баланс, поставить с ног на голову весь мир, поскольку стремление добиться справедливости может превратиться в самоцель, утратившую какую-либо моральную ценность.²

Представляется необходимым подчеркнуть, что хотя к переосмыслению культурного наследия Романтизма обращались очень многие деятели культуры ГДР, в данной работе не представляется целесообразным анализировать творчество каждого из них ввиду того, что именно в творческих исканиях рассмотренных нами деятелей культуры наиболее полно и последовательно прослеживается связь с идеями Романтизма и именно их творческий путь наиболее ярко демонстрирует влияние Романтизма на культуру ГДР вообще, в том числе и на оппозиционную культуру ГДР.

---

¹ *Гладков И.В.* Проблематика и поэтика творчества Кристофа Хайна: автореф. дис. ... канд. филол. Наук/ И.В. Гладков – М.: 2002. - С. 18

² Там же

Сказанное выше позволяет заключить, что «романтическая волна» была одним из наиболее позитивных явлений в культуре ГДР, не только давая возможность писателям Восточной Германии поднять в своем творчестве актуальные проблемы ГДР, но и способствуя реабилитации и возрождению культурного наследия немецкого Романтизма.

Обращение к культурному наследию немецкого Романтизма было не единственной нишей, которую находили представители «лояльной» оппозиции в поисках способов высказывания оппозиционно-критических мнений. Так, например, оппозиционные писатели и драматурги ГДР обращались в своих произведениях к характерной для официальной социалистической культуры производственной тематике, далеко выходя за рамки социалистического производственного жанра.

В пьесе «Шлотель или в чем смысл?» (*Schlotel oder Was solls?*) (1975), действие которой разворачивается на заводе и в рабочей бытовой среде, К.Хайн выходит за рамки социалистического жанра производственной драмы, поднимая серьезные проблемы современного социалистического общества, в котором на практике существует огромный разрыв между словом и делом, между рабочим и правящим классом, между утопически настроенными интеллектуалами и безразлично пассивной рабочей средой.¹

Ф.Браун, поэт, прозаик и драматург, также принадлежащий к числу «лояльных» диссидентов ГДР, в пьесе «Тинка» (1975), в основе которой лежит производственный конфликт, обращается к проблемам личности, сохраняющей собственное достоинство и отказывающейся от превращения в «пешку» в командных, недемократических условиях работы.² Таким образом, производственная тематика и реализм повествования позволили драматургу

---

¹ *McKnight, Philip*. Understanding Christoph Hein. University of South Carolina Press, 1995.- P. 139

² *Гугнин А.* Творчество Фолькера Брауна. // Браун Ф. Избранное. - М.: 1991. - С. 14

смягчить злободневность пьесы, затрагивающей острые проблемы современности.¹

Х.Мюллер, один из самых известных деятелей культуры ГДР, последователь Б.Брехта и единственный причисляемый критиками к искусству постмодернизма диссидент ГДР, в своей драматургии обратился к переработке производственного романа Ф.Гладкова «Цемент». Несмотря на то, что материалом для постмодернистской переработки стал классический роман социалистического реализма, пьеса «Цемент», открыто указывающая не только на проблемы социалистического общества как такового, но и непосредственно на актуальные проблемы ГДР, стала самой спорной с идеологической точки зрения постановкой театра «Берлинер Ансамбль» в сезоне 1973-74 годов.² Как заключает В.Колязин, говоря о творчестве Х.Мюллера, многие смыслы, становящиеся очевидными теперь, не были заметны тогда, скрываясь под маской производственной тематики.³

3.3. Популярная молодежная музыка

Особое репрессивно-толерантное отношение властных структур ГДР к контркультурным проявлениям, основанное на диалектическом принципе поддержания легитимности режима, ярко проявилось в сфере популярной музыки – рока и джаза.

---

¹ *Wallace, Ian.* Volker Braun: Forschungsbericht. Amsterdam: 1986. - P. 48-50

² *Huettich, H.* Theater in the Planned Society: Contemporary Drama in the German Democratic Republic. - University of North Carolina Press, 1978. - P. 152

³ *Колязин В.Ф.* Драматургическая поэтика Хайнера Мюллера – между реализмом и постмодернизмом. // Германия XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм / ред.-сост. Колязин В.Ф. -М.: 2008. - С.468

По мнению многих исследователей культуры ГДР (П.Викке, Э.Ларки, О.Лайтнер и др.), рок-музыка внесла существенный вклад в подъем общественного движения в 1989 году, что впоследствии привело к падению Берлинской стены и крушению режима СЕПГ. Представляется существенным рассмотреть, каким образом контркультурное и подавляемое музыкальное течение смогло приобрести значительную общественную и политическую силу, что способствовало подрыву легитимности режима.

Взаимоотношения рок-музыки и государства были очень непостоянными, развиваясь в различных направлениях на протяжении всей истории ГДР. Несколько раз партийное руководство принимало решительные меры по институционализации и деполитизации рока, однако эти стремления не принесли серьезных результатов и рок-музыка раз за разом «ускользала» из-под государственного контроля. Историю этих взаимоотношений представляется возможным отсчитывать от XXI пленарной сессии ЦК СЕПГ, состоявшейся в 1965 году, когда резкой критике была подвергнута партийная молодежная организация, не сумевшая решительно и последовательно противостоять западному влиянию, проникающему в ГДР посредством рок-музыки, которая никоим образом не соответствовала целям социалистического общества.¹

По мнению П.Викке, исследователя музыкальной культуры ГДР, самым беспрецедентным в этой критике был тот факт, что рок-музыка, традиционно не рассматриваемая как культурное явление, имеющее особую политическую значимость, «заслужила» такое повышенное к себе внимание и резкую критику со стороны партийного руководства. Причина такой обеспокоенности партии этим музыкальным течением заключалась в том, что публичность этого оппозиционного явления могла достигаться простейшими способами без какого-либо участия институтов и организаций, контролируемых партией, а следовательно, вне поля влияния и контроля партии. Как заключает

---

¹ *Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. - Boston: South End Press, 1992. - P. 82*

исследователь, в условиях тотальной цензуры все виды искусства в своей реализации, не нуждающиеся в связи с государственным бюрократическим аппаратом, приобретали значительный политический статус, в особенности, если они привлекали широкую аудиторию.¹ Именно этим определялась значимость популярной музыки, принципиально отличающейся от высоко искусства, имевшего в качестве своей аудитории лишь небольшую прослойку интеллигенции, а также легко контролируемого, поскольку зависело от государственных институтов, нуждаясь в выставочных залах, издательствах, концертных залах и оркестрах. Рок-музыканты в свою очередь для привлечения широкой аудитории молодежи нуждались лишь в гитарах, барабанных установках и усилителях.

Тотальность цензуры и тоталитарность общества имеет целью всеобъемлющее влияние и всеобщий охват. Если в тоталитарном обществе какие-то отдельные его элементы выходят из-под всеобщего контроля, они таким образом приобретают контркультурный статус, бросая вызов тоталитарности общества.

После прихода к власти Э.Хоннекера, который будучи еще членом политбюро, лично подвергал нападкам рок-музыку, произошли существенные изменения по отношению к ее статусу. Поскольку представители власти на местах теряли контроль над все возрастающим количеством рок-групп, своим откровенно оппозиционным положением угрожающих легитимности режима, было принято решение признать рок в качестве «молодежной танцевальной музыки», утвердив ее, таким образом, легитимной формой молодежной культуры.² Данное решение было принято для включения рок-музыки в сферу тотального контроля.

---

¹ *Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. - Boston: South End Press, 1992. - P. 82*

² Там же, P. 83

Последовавшее за этим предоставление рок-музыкантам площадок для занятия музыкой, основывалось на стремлении институционализировать рок, а вовсе не на признании прав молодежи на самоопределение, что в свою очередь привело к возрастающей критической направленности рока. Рок-музыка стала способствовать привлечению внимания молодежи к политическим проблемам: бюрократии, коррупции, двойным моральным стандартам. Возрастающая оппозиционность рока, как отмечает П. Викке, привела к усилению наблюдения за деятельностью рок-групп и их слушателей, воплотившегося в волне арестов, исходящих из философии «кто не за нас, тот против нас», что в конечном итоге привело к массовой высылке и переселению музыкантов на Запад.

Усилившаяся напряженность вокруг рок-музыки привела, как отмечает исследователь, к организации масштабной и дорогостоящей системы, нацеленной на поддержание деятельности рок-групп, таким образом деполитизирующая их. Была создана система «вопиющей зависимости» музыкантов от государства во многих существенных ресурсах и услугах. Очевидно, что такая зависимость от государства в практических вопросах привела к большей консервативности и сдержанности рок-музыкантов в вопросах политики.¹ Музыканты были поставлены в положение вынужденного принятия тотальности.

В целях идеологического контроля над популярной музыкой были введены редакционные коллегии (Lektorate) при радиостанциях, телевидении и звукозаписывающих компаниях. Основной задачей редакционных коллегий являлся контроль над текстами песен, которые должны были носить оптимистичный, созидательный характер, высказывать положительную точку зрения относительно социалистического общества.²

---

¹ *Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. Boston: South End Press, 1992. - P. 85*

² *Larkey, Edward. Contested Spaces: GDR Rock between western Influence and Party Control. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. - American Institute for Contemporary German Studies. 2000. - P. 47*

Однако, несмотря на такую связывающую руки зависимость, музыканты вновь стали ускользать из-под контроля государства и влияния тотального контроля. Эти тенденции стали проявляться в развитии завуалированного политического дискурса текстов песен, использующего метафоричный язык. Социальные проблемы, как отмечает Э.Ларки, выражались посредством метафор личностных взаимоотношений или в образах природы. Так, например, группа Karat использовала символику мостов, которые предстоит перейти, а группа Lift пела о стремлении на Юг (не на Запад), где жизнь была более приятной.¹

Аудитория, ценящая в рок-музыке ее оппозиционный компонент гораздо выше, чем саму музыку, хорошо улавливала зашифрованный в метафорах политический смысл, а зачастую, как подчеркивает исследователь, и вовсе видела в музыке больше оппозиционности, чем стремились в нее вложить сами музыканты. Несмотря на то, что такое отношение к музыке зачастую вредила ее развитию, таким наиболее известным группам, как Pankow, City или Silly, приходилось, основываясь на этих импульсах, постепенно принуждать власть к уступкам.²

Оказав поддержку рок-музыке в целях ее деполитизации и таким образом узаконив ее, государство поставило себя в крайне противоречивое положение. Несмотря на то, что по прошествии некоторого времени политический компонент вернулся в тексты песен, государство не могло отменять выступления популярных групп, не рискуя собственной легитимностью, поскольку само государство было отчасти причастно к их популярности. Так, например, открытая критика государственной лицемерной «политики поддержания мира», которую высказала группа Pankow на фестивале в 1987 году, продемонстрировала

---

¹ Larkey, Edward. Contested Spaces: GDR Rock between western Influence and Party Control. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. - American Institute for Contemporary German Studies. 2000. – P. 49

² Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. Boston: South End Press, 1992. - P. 85

беспомощность государства в противодействии оппозиционным взглядам рок-музыкантов и их освобождения от оков тоталитарности. Партийная критика, обрушивавшаяся на группу в прессе, лишь способствовала ее популяризации.

Экономический фактор, как отмечают исследователи, также способствовал независимости рок-музыкантов. Хроническая потребность ГДР в твердой валюте вынуждала партийное руководство разрешать и даже отчасти способствовать подписанию контрактов восточногерманских групп с западными звукозаписывающими компаниями, поскольку около 75% дохода от этих контрактов шло в государственный бюджет ГДР. Как отмечает Э.Ларки, такие группы как City, Pankow, Silly, Puhdys, Karat не только записывали свои пластинки на Западе, но также выступали на западных площадках, пользовались там популярностью и имели значительное число западных фанатов.¹

Невозможность контроля за текстами песен, записываемых на Западе, приводила к тому, что цензуре ГДР также приходилось отказываться от их «переработки», чтобы проникающие в ГДР западные записи, существенно отличающиеся от местных, наглядно не продемонстрировали применение государством цензуры.² Таким образом, тоталитарное общество, в котором сам факт его тоталитарности официально не признавался, было вынуждено приспособливаться к контркультуре, чтобы сохранять собственный статус в завуалированной форме.

Предпосылки, приведшие к тому, что рок-музыка смогла внести свой вклад в общественный подъем, а впоследствии и в падение Берлинской стены, видятся исследователям следующим образом. Состоявшаяся еще в 1972 году государственная инициатива по организации всех рок-музыкантов под протекцией Комитета эстрадных искусств и стремившаяся оказать на них

---

¹ *Larkey, Edward.* GDR Rock Goes West; Finding a Voice in the West German Market. // *German Politics and Society* 23.4, 2005. - P.51

² *Wicke, Peter.* Rock Music and Political Change in East Germany. // *Garofalo, Reebee, ed.* *Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements.* Boston: South End Press, 1992. - P. 88

дисциплинирующее партийное воздействие, в конечном счете предоставила рок-музыкантам необходимые структуры для организации своих оппозиционных усилий. Кроме того, отсутствие в средствах массовой информации ГДР плацдарма для политических дискуссий привело к тому, что они стали проводиться на площадках, отведенных под рок-выступления, что, безусловно, еще более повышало политический статус рока. Более того, нацеленность аудитории на политическое прочтение даже завуалированных смыслов, предоставляла рок музыкантам возможность политического управления толпой.¹

Такой политический статус рок-музыкантов привел к появлению у них в 1989 году потребности в непосредственном политическом действии. Был составлен текст декларации, под которой изначально подписалось около 100 влиятельных и популярных рок-музыкантов, а затем более 1,500 музыкантов различных направлений. Следует подчеркнуть, что текст декларации, включавший резкую критику некоторых острых политических и социальных проблем, демонстрировал все же «лояльную» оппозиционность работавших в ГДР музыкантов. В тексте подчеркивалось стремление сохранить социализм и создать условия для его дальнейшего существования, а вовсе не искоренить его; также отмечалось желание музыкантов жить именно в этой, социалистической стране и способствовать ее демократизации. Несмотря на стремление музыкантов способствовать социалистическому будущему, данная декларация, безусловно, была расценена как преступление против государства.²

Публичное чтение декларации на концертах привело к задержанию и арестам, как музыкантов, так и зрителей, к беспорядкам на улице, что явилось неотъемлемой частью общественного подъема 1989 года.

---

¹ *Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. Boston: South End Press, 1992. - P. 89*

² *Wicke, Peter. Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements. Boston: South End Press, 1992. - P. 91*

Как отмечает О.Лайтнер, произошедшие в 1989 – 1990-х годах изменения, не согласовывались с настроениями музыкантов и их слушателей, которые ставили целью способствовать политическим и культурным изменениям в рамках существующих структур социализма. Это объясняется прежде всего тем, что оппозиционно настроенные рок-музыканты, как и интеллигенция ГДР, также принадлежащая к «лояльным» диссидентам, критически оценивая капитализм, со страхом и скептицизмом предвкушали жизнь и творческую деятельность в объединенной Германии.¹

Аналогичные процессы репрессивного и толерантного характера наблюдались в сфере джазовой музыки. Также как и рок, джаз изначально был подвергнут острой критике и испытывал серьезное давление со стороны властных структур; государство пыталось институционализировать джаз с целью вытеснения его оппозиционного компонента, но в конечном итоге было вынуждено смириться с его оппозиционным существованием и даже легализовать его, чтобы не подвергнуть сомнению собственную легитимность и не обнаружить тоталитарность общества.

В ГДР, также как и в СССР с начала 1950-х годов была развернута кампания, открыто направленная против джаза. Однако через некоторое время стали высказываться мнения, заключающиеся в стремлении принять и легализовать джазовую музыку. Самым открытым сторонником легализации джаза был Регинальд Рудольф. Будучи членом СЕГП, стремясь оставаться в рамках социалистической идеологии, и в то же время, пытаясь склонить партию к легализации джаза, он основывал свою аргументацию на различении «истинного» джаза (такого как диксиленд и блюз) и коммерческого джаза, производство которого музыкальной индустрией США якобы являлось составной частью

---

¹ *Leitner, Olaf. Rock Music in the Gdr: an Epitaph. // Sabrina Petra Ramet, ed. Rocking the State: Rock Music and Politics in Eastern Europe and Russia. Boulder, CO: Westvi, 1994 - P. 36*

империалистической стратегии по подготовке Западной Германии к войне (к этой категории он относил свинг и бибоп).¹

Классифицируя «истинный» джаз как категорию народной музыки социалистических стран, Рудольф утверждал, что именно «истинный» джаз сможет противостоять опасным воздействиям коммерческого джаза в Восточной Германии и во всем мире, который угрожал единству немецкой национальной культуры, ставил под сомнение истинные гендерные роли, приводил к неподобающему поведению фанатов и исполнителей на концертах и в целом сравнивался с порнографией. Примечательно, что Рудольф в аргументации в пользу джаза интерпретировал джаз преимущественно как танцевальную музыку, в противоположность позиции сторонников этой музыки в ФРГ.²

Тот факт, что в своей пропагандистской деятельности Р.Рудольф оставался в рамках официальной культурной доктрины ГДР, позволил ему отвоевать пространство для джаза в Восточной Германии. В 1953 году, когда партийное руководство стремилось восстановить доверие граждан после Берлинского восстания, Р. Рудольф и его друг Х.Лукасц получили разрешение на выпуск программы на радио, посвященной традиционным формам джаза. В это же время по всей территории ГДР появилось множество неформальных джаз-клубов, многие из которых были организованы на базе местных представительств Союза Свободной Немецкой Молодежи (ССНМ).

В дальнейшем в попытках расширения сферы допустимого в джазе Р.Рудольф стал говорить о необходимости научного изучения также и коммерческого джаза, который он сам прежде резко осуждал. Как заключает исследователь У. Пойгер, в репрессивной тоталитарной системе изучение

---

¹ *Poiger, Uta G. Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany. Berkeley, CA: University of California Press, 2000. - P.151*

² *Poiger, Uta G. Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany. Berkeley, CA: University of California Press, 2000. – P.153*

осуждаемых и отвергаемых культурных форм на самом деле может быть одним из немногих способов их потребления.¹

Путаницу в своей аргументации, возникшую вследствие пересмотра отношения к коммерческому джазу, а также постоянные контакты с представителями западного джаза Р.Рудольф объяснял общими задачами совместной борьбы Востока и Запада с «американизацией». По вполне очевидным причинам властные структуры стали сомневаться в соответствии позиции человека, предлагавшего бороться с «американизацией» социалистической идеологии посредством американской музыки. С этого момента на Р.Рудольфа обрушилась критика. Противники Р.Рудольфа, являющиеся противниками любых форм джаза, отвергали его разделение на «истинный» и «неистинный», утверждая, что все существующие формы этого музыкального течения являются неприемлемыми формами «империалистической танцевальной музыки США». Противники джаза использовали аргументы самого Р.Рудольфа, адресуя всему джазу те же самые обвинения, которые ранее касались лишь коммерческого джаза.²

Чрезвычайно важным для дальнейшего развития взаимоотношений джаз-музыкантов с властными структурами представляется тот факт, что в идеологическом отношении ситуация относительно джаза создалась крайне запутанная и неопределенная, что привело к появлению еще большего количества джаз-клубов по всей ГДР. В этих условиях Р.Рудольф, отойдя от непосредственной пропагандистской деятельности, занялся организацией концертов при содействии Восточногерманской Протестантской церкви. Заручившись поддержкой церкви, он решился на выдвижение требований о большей свободе для искусства, однако его оппозиционная деятельность, ставшая открытой и резкой, привела к тому, что он был обвинен в использовании джаза

---

¹ *Poiger, Uta G. Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany.* Berkeley, CA: University of California Press, 2000. - P.155

² Там же, - P. 159

для прикрытия политических преступлений и приговорен к двум годам заключения.¹

После первой Биттерфельдской конференции в 1958 году, на которой были пересмотрены принципы соцреализма, наступило время тотального государственного контроля над сферой культуры и принципиальным образом изменилось отношение к джазовой музыке. Единственной сохранившейся возможностью для исполнения и прослушивания джазовой музыки были тайные сборы на квартирах или в церковном пространстве. Идеи безграничной свободы передавались по радио с Запада; ежедневно поклонники джаза на Востоке слушали «Час джаза», передаваемый по радиостанции «Голос Америки». Однако в дальнейшем у джаз-музыкантов ГДР вновь появилась возможность собираться и выступать в клубе «Grosse Melodie» в Восточном Берлине, который, как выяснилось после раскрытия архивов Штази, контролировался спецслужбами.²

Как утверждает Г.Зоммер, сами музыканты, также как и их слушатели, расценивали основополагающий революционный принцип джазовой музыки как протест против государственной власти. Как отмечает джаз-музыкант из бывшей ГДР, принцип свободы, привлекающий публику к джазу, заключался в самом способе обращения музыканта с инструментом: «Взрывная энергия свободной импровизации находилась в остром конфликте с правящей в сфере культуры бюрократией». У СЕПГ этот принцип, безусловно, вызывал обеспокоенность, тем более, что независимые концерты джазовой музыки, собирая аудиторию, состоящую из совершенно разных людей, объединенных лишь общей

---

¹ *Poiger, Uta G. Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany.* Berkeley, CA: University of California Press, 2000. -P.161

² *Sommer, Günter . Jazz in a Socialist State? Living with a Paradox. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany.* American Institute for Contemporary German Studies, 2000. - P. 22

обеспокоенностью, вызванной партийным контролем культурной политики.¹ Следует отметить, что импровизация, творческая индивидуальная интерпретация безусловно противоречит принципу тоталитарности, поэтому искусство, прибегающее к такой методологии, непременно бросает вызов тотальности мышления.

Период с 1968 по 1978 год был, по мнению музыканта и исследователя, самым продуктивным в истории джаза в ГДР, поскольку музыканты могли, находясь на периферии культурной жизни, заниматься музыкой, пользуясь относительной независимостью, ввиду того, что у партийного руководства «до периферии просто не доходили руки», а основные усилия цензуры были устремлены в «сферу слова и образа». Относительная независимость музыкантов способствовала становлению особой формы джаза ГДР, отличающейся импровизированной переработкой средневековых немецких баллад (Э.-Л. Петровски, К.Бауэр, У. Гумперт, Г.Зоммер). Ситуация с особым джазом из ГДР была в точности такой же как и с роком – популярность этой музыки на Западе использовалась партийным руководством для пополнения государственного бюджета.²

Также в 1970-х годах в принятой в таких сложных случаях диалектической манере джаз был идеологически оправдан, без предпринимаемого ранее сложного и запутанного разделения его на «истинный» и коммерческий. Джаз был представлен как музыка прогрессивного американского пролетариата, угнетаемого белой буржуазией. По-видимому, как утверждает Г.Зоммер, функционеры культуры не отдавали себе отчета в том, что саксофоны, трубы и

---

¹ *Sommer, Günter . Jazz in a Socialist State? Living with a Paradox. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. American Institute for Contemporary German Studies, 2000. – P. 23 Там же, P. 23*

² Там же

барабаны оставались в действительности инструментами, используемыми музыкантами ГДР для подрыва позиции партии.¹

Представляется, что в сложившейся ситуации правительству было проще идеологически оправдать джаз, чем пытаться искоренить течение в музыке, которое на протяжении истории ГДР имело сложный и противоречивый статус, неофициальное существование или же наоборот публичное изгнание которого могли бы привлечь повышенное внимание общественности и способствовать подрыву доверия к политике СЕПГ и обнаружению ее тоталитарности.

Выводы

Примером стратегии «лояльной» оппозиции в ГДР является творчество ведущей представительницы «лояльного» диссидентства Кристи Вольф. Преодолевая ограниченность принятой на западе классификации художников коммунистических стран, предполагающую только две категории – «официальные деятели культуры» и «диссиденты», писательница пыталась преодолеть язык «бинарных оппозиций» и совместить несколько различных «путей», возможных для творческой личности в условиях тоталитарного общества. Вера в идеалы социализма и приверженность неомарксистской «философии надежды» Э.Блоха приводили К.Вольф к созданию произведений утопического характера, в которых она мечтала о преобразовании «старого мира». Многие исследователи творчества К.Вольф (К.Шофер, Г.Постл, К. Павер, С. Брокманн, С. Фриден и другие) применительно к ее балансированию между верой в социалистический идеал и критикой политики партии, использовали метафору «третьего пути». Проблема «третьего», среднего пути последовательно раскрывается в ее известных произведениях («Расколотое небо» 1963, «Размышления о Кристе Т.» 1968, «Образы детства» 1976, «Кассандра» 1983,

---

¹ *Sommer, Günter . Jazz in a Socialist State? Living with a Paradox. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. American Institute for Contemporary German Studies, 2000. – с. 25*

«Что остается?» 1990 и др.), в которых писательница использует выразительные, нередко иносказательные художественные средства для воплощения мучительных поисков нравственного оправдания тоталитарных интенций общества и собственного «примирения» с ними. Эти внутренние поиски были направлены на обретение позитивной национально-культурной идентичности в условиях тоталитарного общества и нередко подвергались критике со стороны «непримиримой» оппозиции. Только политическая «перестройка» в СССР, повлияла на окончательный «выбор» писательницы в пользу принципиального неприятия ценностей тоталитарного социалистического общества.

Другая стратегия «лояльной» оппозиции проявлялась в формировании различных «ниш», где и происходила декларация и фиксация контркультурных установок. Одной из подобных «ниш» для выражения собственной творческой позиции и завуалированного протеста (прежде всего, для писателей и драматургов) было обращение к культурному наследию немецкого романтизма. Оно получило название «романтической волны» и проявлялось в обращении к романтическим тематикам, в переосмыслении мотивов произведений эпохи романтизма, использовании художественных методов романтизма, а также в интересе к судьбам немецких романтиков (Э.Т.А.Гофмана, Г. фон Клейста и других). Возникновение «романтической волны» было обусловлено рядом причин. Во-первых, вдохновенность романтиков Великой Французской революцией, их осуждение последовавшей якобинской диктатуры, было созвучно социалистической интерпретации событий той эпохи и позволило партии сформировать в целом положительное отношение к эпохе Романтизма. Во-вторых, такая «благоприятная» социалистическая трактовка эпохи Романтизма, позволяла писателям ГДР опираться на такие определяющие особенности мышления и мироощущения той эпохи, как трагичность, ощущение обманутых надежд, желание уйти от разочаровывающей реальности в мир грез. Именно возможность раздумий об актуальных проблемах современности создает параллелизм настроения двух эпох и позволяет рассуждать писателям ГДР

(К.Вольф, Г.Вольфу, Ф.Фюману, К.Хайну и другим) о разрыве между социалистическими идеалами и политикой СЕПГ, о взаимоотношениях художника и государства, о роли творческой личности в кризисный период. «Романтическая волна» была одним из наиболее позитивных явлений в культуре ГДР, поскольку не только давала возможность писателям завуалированно поднимать актуальные проблемы, но и способствовала реабилитации культурного наследия немецкого Романтизма.

Другой «нишей» для выражения завуалированного протеста явилось использование производственной тематики, характерной для официальной социалистической культуры. К.Хайн, Ф. Браун, Х.Мюллер в своих пьесах выходили за рамки социалистического жанра производственной драмы и поднимали острые нравственные проблемы общества.

По мнению многих исследователей культуры ГДР (П.Викке, Э.Ларки, О.Лайтнер и других), рок-музыка и джаз внесли существенный вклад в подъем общественного движения в ГДР. Отношения государства и музыкантов были очень непостоянными: от институционализации и деполитизации популярной музыки до чрезвычайно жесткого идеологического контроля (Lectorate). В текстах песен рок-музыкантов активно развивался завуалированный, метафорический политический дискурс, который аудитория ценила выше, чем саму музыку. Поклонники джаза и сами музыканты расценивали основополагающий принцип безграничной свободы джазовой музыки как протест против государственной власти. В условиях тотальной цензуры все виды искусства, привлекавшие широкую аудиторию, до которых у цензуры (усилия которой были направлены в сферу «слова и образа») не всегда «доходили руки», приобретали значительный политический статус. Именно этим определялась значимость популярной музыки, принципиально отличающейся от высоко искусства, имевшего в качестве своей аудитории лишь небольшую прослойку интеллигенции. Поскольку в условиях тоталитарного общества любая художественная импровизация, творческая индивидуальная интерпретация, противоречит принципу тотальности мышления,

она способствует пробуждению антитоталитарного ценностного сознания и способствует активизации процессов национально-культурной идентификации. Именно лояльное диссидентство ГДР относится к уникальным явлениям контркультуры.

ГЛАВА IV

«НЕПРИМИРИМАЯ» КОНТРАКУЛЬТУРА

4.1. «Непримиримые» представители контркультуры и ФРГ

Условное разделение контркультурных явлений в ГДР на лояльные и непримиримые, которое было предложено во второй главе, основано на ряде критериев. При выделении непримиримой контркультуры из всей совокупности оппозиционных проявлений в культуре ГДР необходимо учитывать приверженность марксистской идеологии и социалистическим идеалам большинства представителей интеллигенции этой страны, присутствие у них элементов тотальности мышления и прежде всего у представителей старшего поколения. Таким образом, необходимо учитывать, что хотя критериями для отделения непримиримой оппозиции от лояльной могут служить политические идеалы отдельных представителей оппозиции, их принципиальность во взаимоотношениях с партийным руководством и отношение к конкретным проявлениям политики партии, многие из них, находясь в жесткой оппозиции к властным структурам, стояли на марксистских позициях.

Если к представителям лояльной оппозиции относятся, прежде всего, писатели и драматурги, шедшие на контакт с СЕПГ с целью получить возможность публикации на родине, то к непримиримой оппозиции можно отнести представителей особых сфер культуры и искусства (например, бардов, художников и др.), которые могли оставаться принципиальными во взаимоотношениях с режимом, поскольку могли в той или иной степени реализовывать свое творчество независимо от одобрения партийного руководства, находясь вне тоталитарных структур.

У непримиримой оппозиции в ГДР, несмотря на тоталитарность общества, деятельность Штази и жесточайшую цензуру, было несколько «путей»

осуществления своего призвания, выражения оппозиционных умонастроений и сохранения своей принципиальности.

В силу особой геополитической ситуации, а также из-за используемых в ГДР репрессивных методов, многие представители непримиримой контркультуры оказались добровольно или вынужденно связанными с ФРГ. К таким представителям контркультуры относились наиболее известные, яркие деятели, являвшиеся ее лидерами и оказывавшие наибольшее влияние на общество.

Другой формой существования и функционирования непримиримой оппозиции было сотрудничество с Восточногерманской протестантской церковью, оказывающей серьезную поддержку оппозиционной культуре и стремящейся тем самым способствовать демократизации режима СЕПГ.

Однако принципиальную независимость и непримиримость имели возможность сохранять те представители оппозиции, которые осуществляли лишь андеграундную деятельность, и, оставаясь таким образом в тени, за рамками тоталитарных структур, не стремились привлечь к своему творчеству широкую аудиторию. Такие андеграундные явления в культуре хотя и не могли остаться незамеченными Штази, обычно не искоренялись в силу незначительности своего влияния на массы.

Лидерами непримиримой контркультуры ГДР, по мнению многих исследователей оппозиционной культуры этой страны (Батрик Д., Зайпс Дж., Хэлл Ю. и другие), являлись поэт и бард Вольф Бирман, химик Роберт Хавеман, а также философ, политический деятель и эко-социалист Рудольф Бахро. Таким образом, к наиболее активным деятелям оппозиции относились не только представители творческой и научной интеллигенции, являвшиеся оппозиционной силой, действующей извне партийного аппарата, но также и партийный деятель, представитель оппозиционной тенденции, идущей изнутри системы.

Вольф Бирман, родившийся в 1939 году, происходил из семьи, подвергшейся политическим преследованиям при национал-социалистах. Его отец, еврей и член Коммунистического сопротивления был арестован в 1939 году

и убит в Освенциме. В 1953 году Вольф Бирман принял решение стать гражданином ГДР в силу своей приверженности коммунистическим идеалам. В Восточном Берлине он изучал философию, экономику и математику, одновременно работая помощником директора и получая первоначальное музыкально-театральное образование в труппе «Берлинер ансамбль» (Berliner Ensemble), где он испытал влияние Б.Брехта и автора музыки к его спектаклям Х.Эйслера.¹

Как отмечает Р.Ждагалов в статье, посвященной авторской песне, существовавшей в условиях социалистического государства, именно Х.Эйслер, являясь одним из ведущих модернистских композиторов первой половины XX века и значимым представителем международной музыкально-политической субкультуры авторской песни, оказал огромное влияние на поэтов с гитарой 1960-х годов, а Вольф Бирман всегда называл его своим учителем.²

К началу 1960-х годов Вольф Бирман стал приобретать известность поэта и исполнителя баллад, и уже в 1962 году из-за его критики государственной политики СЕПГ запретила его публичные выступления в ГДР, однако этот запрет был снят уже в июне 1963 года. В 1964 ему было разрешено совершить тур по Западной Германии, где он исполнял свои баллады и политические песни и был провозглашен ведущим молодым поэтом ГДР. После своего возвращения в Восточный Берлин он продолжил выступления и, несмотря на то, что его работы были запрещены к печати в ГДР, они передавались «из уст в уста» по всей Восточной Германии. Следует отметить, что при этом все его произведения были опубликованы в ФРГ.

---

¹ Bathrick, David. Documentation: Facts about Wolf Biermann. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P. 9

² Джагалов Р. Авторская песня как жанровая лаборатория «социализма с человеческим лицом». Национальные версии и международный контекст. // Новое литературное обозрение №100 (6), 2009. - С. 168

В 1965 году бард был вновь атакован СЕПГ за то, что он не придерживался культурной политики страны. Ему запретили выступать в ГДР, а также совершать концертные туры за границу. Такой полный запрет на осуществление профессиональной деятельности назывался «запретом на профессию» (Berufsverbot) и являлся характерным для ГДР методом борьбы с диссидентами. Таким образом тоталитарность вытесняла неугодных диссидентов из общества, а также ограждала свою «целевую аудиторию», а именно - широкую общественность от тлетворного влияния вольнодумцев.

Официальными причинами кампании, проводимой СЕПГ против В.Бирмана, послужили его так называемые «зверские и легкомысленные» нападки на партию, «на которую он тем самым обрушивал жестокую клевету и порочил ее репутацию». Стихи Бирмана, согласно обвинениям партии, основывались на анархистских и жалких буржуазных позициях, противоречащих социализму.¹

После многочисленных попыток выступить с концертами в ГДР и официальных просьб о разрешении выступить за границей, В.Бирман в ноябре 1976 года получил разрешение совершить тур по Западной Германии. После первого же концерта 16 ноября 1976 года ему было вручено уведомление об экспатриации. СЕПГ использовала это публичное выступление в качестве официального основания для лишения его гражданства и запрета въезда на территорию ГДР. К подобным методам борьбы с контркультурными проявлениями тоталитарное государство прибегало в тех случаях, когда изгнание за пределы общества с целью его очищения, было намного легче, чем подчинение ему контркультурных элементов.

Как уже отмечалось выше, экспатриация В.Бирмана в 1976 году, вызвавшая волны протеста, которые повлекли за собой ожесточение культурной политики

---

¹ Bathrick, David. Documentation: Facts about Wolf Biermann. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.9

СЕПГ, стала переломным событием в истории оппозиционного движения ГДР, как лояльного, так и непримиримого.

В передовой статье редакционной коллегии журнала *New German Critique* 1977 года был сделан вывод о том, что высылка из страны В.Бирмана была попыткой партии сдержать волнения и растущие ожидания, связанные с Хельсинскими соглашениями 1975 года и Берлинской конференцией коммунистических партий 1976 года. Призыв коммунистических партий Европы к расширению прав и свобод был созвучен взглядам оппозиции ГДР, которые наиболее резко и открыто высказывал именно В.Бирман. Таким образом, то, что в условиях нестабильности именно он подвергся атаке СЕПГ, не стало неожиданностью. Неожиданной, по мнению редакционной коллегии журнала, стала ожесточенная реакция общественности на эти действия СЕПГ.¹

Письмо, адресованное ЦК СЕПГ 17 ноября 1976 и выражающее протест против незаконной экспатриации В.Бирмана, было подписано ведущими деятелями культуры и представителями оппозиционной интеллигенции, как лояльной, так и непримиримой. Примечательным представляется тот факт, что многие из поддержавших В.Бирмана в данной ситуации, ранее дистанцировались от его резкой политической позиции, и «публично критиковали подрывные и анархистские тенденции его творчества».² Таким образом, авторы статьи приходят к выводу, что поддержка В.Бирмана была обусловлена не идеологической близостью с певцом, а являлась скорее возможностью для самоопределения оппозиционной интеллигенции.³ Степень несогласия В.Бирмана и поддержавшей его интеллигенции с установками социалистического государства могла быть различной, но самоопределение оппозиционной

---

¹ Bathrick, David. Editorial: Wolf Biermann's Lyric I. // *New German Critique*, No. 10 (Winter), 1977. - P. 3

² Там же, P.4

³ Там же, P.4

интеллигенции заключалось в осознании ее контркультурного единства в борьбе с тоталитарностью.

Громкое дело Вольфа Бирмана продемонстрировало представителям лояльной и непримиримой оппозиционной культуры, что между социалистическими идеалами и социалистической реальностью произошел глубокий разрыв, и окончательно противопоставило их режиму СЕПГ.

Опасность Вольфа Бирмана как феномена оппозиционной культуры для режима СЕПГ заключалась не только в его открытой и резкой критике ее политики. Особенно опасными представлялись те основания, на которых, он выстраивал свою критику. Несмотря на то, что в официальном обвинении идеологические позиции барда характеризовались как «жалкие и буржуазные», они в действительности были истинно марксистскими.

Критикуя политику СЕПГ, В.Бирман использовал те же основания, которые использовала партия для легитимизации своего авторитарного режима. Как отметил Дж.Зайпс, «Бирман использует методы и идеи как радикального крыла коммунистического движения (Роза Люксембург), так и его ортодоксального крыла (Ленин, демократический централизм), чтобы разоблачить репрессивную сущность программ, проводимых бюрократической элитой, которые лишь казались социалистическими» (здесь и далее перевод мой).¹

Собственную идеологическую позицию и позицию контркультуры ГДР в целом Вольф Бирман в эксклюзивном интервью для американских читателей охарактеризовал следующим образом: «Все больше и больше людей в ГДР делают то, что делал Лютер с Библией: они воспринимают идеологию марксизма в чистом виде, идеологию, которая предписывается им и вбивается в них молотком ежедневно. Это означает, что они деидеологизируют марксизм и настаивают на стремлении к изначальным проекциям и реальным возможностям

---

¹ *Zipes, Jack. Review: Wolf Biermann's Double Allegiance and Double Bind. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.191*

социалистического развития» (здесь и далее перевод автора диссертации).¹ В этом высказывании В.Бирмана четко прослеживается определение позиции диссидентства ГДР и его сакральной исторической роли.

Далее, проводя параллели с Реформацией, В.Бирман приходит к выводу о причинах необходимости именно такой критики режима: «...наша критика социальных условий может быть только левой, коммунистической критикой. Буржуазная критика этой же ситуации была бы регрессивной критикой, которая стремилась бы повернуть вспять колесо истории (...), оппозиция более болезненная, более опасная, более жестокая, чем какая-либо буржуазная оппозиция, потому что она действует изнутри». Бирман говорил о существовании и другой, «регрессивной» оппозиции в ГДР, однако она, по его мнению, уже не играла никакой существенной роли и не имела шансов на успех.²

Не только содержательный и идеологический аспекты явились причинными такого болезненного восприятия партийным руководством его творчества, но также, по мнению исследователей, и его эстетические принципы. Эти принципы напоминали дискурс, используемый режимом для идеологического мифотворчества, а ритмы, образы, интонации и даже синтаксис его поэзии словно бросают вызов языковым структурам, лежащим в основе официальной марксистской эстетики.³

Сама специфика жанра авторской песни в некоторой степени усиливала угрозу режиму, которую содержал в себе феномен Вольфа Бирмана. В статье, посвященной авторской песне в условиях социализма, Р.Джагалов приходит к выводу о том, что ее исполнение в условиях тоталитарного общества «способствовало созданию критически настроенной и демократически

---

¹*Hoernigk, Thomas. Zipes, Jack. Two Interviews with Wolf Biermann. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.25*

²*Hoernigk, Thomas. Zipes, Jack. Two Interviews with Wolf Biermann. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.25*

³*Bathrick, David. Editorial: Wolf Biermann's Lyric I. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.5*

организованной публики, которую Юрген Хабермас считал неотъемлемой частью публичной сферы». Автор рассматривает роль авторской песни в качестве «катализатора возникновения изоморфных и критически настроенных типов аудитории в радикально отличающихся национальных контекстах 1960-х годов».¹

Более того, в условиях жесточайшей цензуры особенности устного исполнения авторской песни, его легкость и изменчивость, давали песенникам значительно большую свободу, нежели авторам печатных текстов, и наделяли авторскую песню способностью к эксперименту. Так, Р.Джагалов, пишет, что «импровизированная, устная форма обеспечивала авторской песне чрезвычайно гибкий коммуникативный код, связывающий аудиторию и исполнителей, - ухватить его цензура не могла ... она могла лишь контролировать его, ограничивая тому или иному автору доступ к массмедиа».²

В противоположность В.Бирману, в оппозиционной культуре ГДР были также и деятели, которые, несмотря на свою приверженность коммунизму, отличались аполитичностью и держались от политики вообще и особенно от политических скандалов как можно дальше. Таким был, например, Райнер Кунце, писатель, которого Д.Биндер, посвятивший ему статью, назвал «тихим диссидентом».

Вольф Бирман как-то назвал Райнера Кунце «мой друг, однако не мой товарищ». Объяснение такой формулировки, как представляется, заключается в том, что другом ему Р.Кунце являлся в силу своих человеческих качеств и идейных убеждений, однако товарищем (в политическом значении этого слова) он не мог быть политически активному В.Бирману, поскольку отказывался участвовать в идеологической борьбе и агитации, отказывался даже высказываться о политике. С такой же страстностью, с какой В.Бирман включался

---

¹ Джагалов Р. Авторская песня как жанровая лаборатория «социализма с человеческим лицом». Национальные версии и международный контекст. // Новое литературное обозрение №100 (6), 2009. - С. 169

² Там же, С.172

в политику, Р.Кунце дистанцировался от нее. Он пресекал любые попытки сравнения его с Солженицыным в силу различия судеб, взглядов, но главное, отношения к политике.¹

В отличие от Р.Кунце, который отрицал всякую возможность сравнений с Солженицыным, В.Бирман проводил некоторые параллели в своих взглядах и взглядах Солженицына и более того, называл его своим врагом. Он говорил, что мысли Солженицына, высказанные им в его произведениях, являются правильными, но ложными оказываются выводы, к которым он приходит, становясь, таким образом, реакционером. В одном из интервью он сказал следующее: «творчество моего друга Кунце и моего врага Солженицына является недостаточным».² Недостаточным, таким образом, представлялось ему и «тихое» и «реакционное» проявление диссидентства.

В 1968 году вслед за событиями Пражской весны Райнер Кунце вышел из партии, после чего СЕПГ периодически проводила направленные против него кампании. Долгое время партия оказывала на него давление, добиваясь того, чтобы он добровольно эмигрировал. Вначале он отказывался от эмиграции и заявлял протесты Э.Хонекеру, однако в 1977 году он, не выдержав постоянного давления, наконец подал прошение на лишение гражданства и разрешение уехать из страны.

До эмиграции в ФРГ преследование Р.Кунце не было тотальным, его периодически выпускали из страны для чтения лекций и проведения литературных концертов. Ему даже было разрешено опубликовать на Западе два сборника поэзии. Несмотря на все это и определенную аполитичность писателя, его основное творчество было официально запрещено в ГДР.

---

¹ *Binder, David. The Quiet Dissident: East Germany's Reiner Kunze. // The Wilson Quarterly, Vol. 1, No. 4 (Summer), 1977. - P.159*

² *Hoernigk, Thomas. Zipes, Jack. Two Interviews with Wolf Biermann. // New German Critique, No. 10 (Winter), 1977. - P.19*

«Тихим диссидентом» Р.Кунце был не только в силу своей аполитичности, но также в силу того, что он написал очень немного произведений. Как пишет о нем Д.Биндер, он не тратил слова впустую, и ценность его слов заключалась, в том числе, в их малочисленности и четкости.

Сборник прозаических миниатюр «Удивительные годы» (*Die wunderbaren Jahre*), опубликованный в ФРГ в 1976 году, имел огромный литературный успех и стал бестселлером на Западе. Именно это произведение вызвало наиболее ожесточенную критику со стороны СЕПГ. Иронические наброски и анекдоты, описывающие повседневную жизнь в ГДР, раскрывали положение человека в социалистическом обществе, дух тоталитарного общества, противопоставляя, как пишет Д.Биндер, «социальный реализм социалистическому реализму». Отвечая на нападки за такое критическое видение жизни в обществе реально существующего социализма, он говорил: «Я не враг Республики, я враг вранья».¹

К деятелям непримиримой оппозиции, подвергавшимся серьезным преследованиям со стороны режима, относился также представитель научного сообщества – Роберт Хавеман. Подвергаясь преследованиям со стороны национал-социалистов за свои коммунистические взгляды, Р.Хавеман был арестован и находился с 1943 по 1945 год в тюрьме вместе с Э.Хонекером. После освобождения он активно работал в Коммунистической партии (позднее СЕПГ), занимал профессорскую позицию в Университете им. Гумбольдта в Восточном Берлине, принимал активное участие в вопросах культуры и был одним из основателей Культурбунда ГДР, таким образом, являясь всецело вовлеченным в тоталитарные структуры. Однако уже к 1956 году его откровенные высказывания относительно государственной политики, по мнению Дж.Зайпса, превратили его в лидера оппозиции ГДР.

В 1963 году он начал читать в Университете им. Гумбольдта цикл противоречивых лекций посвященных рассмотрению связи марксизма и науки,

---

¹ *Binder, David. The Quiet Dissident: East Germany's Reiner Kunze. // The Wilson Quarterly, Vol. 1, No. 4 (Summer), 1977. - P.160*

которые были позднее опубликованы на Западе под названием «Диалектика без догмы» («*Dialektik ohne Dogma*»). После этого он был уволен из Академии наук и Университета, а также исключен из партии, ему запретили вести лекции и проводить какого-либо рода публичные беседы, его работы (которые печатались исключительно на Западе) были запрещены в ГДР, а сам Р.Хавеман был под постоянным надзором. После того, как он опротестовал экспатриацию В.Бирмана, ученый был помещен под строгий домашний арест.¹ Несмотря на ожесточенную критику политику СЕПГ, режим которой он сопоставлял с режимом национал-социалистов, Хавеман оставался, как и В.Бирман, убежденным марксистом.²

Значительность угрозы, которую заключала в себе фигура Р.Хавемана для авторитета СЕПГ, можно объяснить двумя основными факторами: его приверженностью марксизму и его положением в обществе. Его критика режима правящей партии была, как и у В.Бирмана, марксистской критикой, и как утверждает специалист по немецкой культуре Д.Батрик, его навыки использования фундаментальных текстов марксистской идеологии для легитимизации своей позиции ничуть не уступали навыкам партийного руководства; он разоблачал тоталитарность тем же языком, которым партия ее выстраивала и насаждала в обществе. Более того, работа в Университете им. Гумбольдта, общение со студентами и активное участие в вопросах культуры, делало его авторитетной и уважаемой фигурой не только в узком кругу специалистов в области естественных наук, но также среди критически настроенной интеллигенции, в обществе в целом.³

---

¹ *Hammer, Jean-Pierre*. Interview with Robert Havemann. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn), 1978. - P.37

² *Rodden, John*. *Dialectics, Dogmas, and Dissent: Stories from East German Victims of Human Rights Abuse*. The Pennsylvania State University Press, 2010. - P.140

³ *Bathrick, David*. The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn), 1978. - P.12

Опубликованный на Западе цикл лекций «Диалектика без догмы» (1964) был завершением теоретического проекта, который начался еще в 1952 году с его статьи, рассматривающей «Диалектику природы» Энгельса, и с его решительного неприятия критики физики Эйнштейна партийным идеологом Виктором Стерном. Первоначальной задачей, которую ставил перед собой Р.Хавеман, было освобождение эмпирических наук от возрастающего давления и вторжения в них тотальности и догматизма марксизма-ленинизма. Кампания против «буржуазного Эйнштейнизма», начатая еще в 1948 году, ознаменовала усиление идеологического вмешательства государства в науку. Поэтому, как отмечает Д.Батрик, защита физики Эйнштейна, предпринятая Р.Хавеманом, была в первую очередь направлена на отстаивание независимости науки, которая в числе прочих явлений культуры была втянута в кампанию против «космополитизма» как политики идеологического сосуществования, которая наиболее ожесточенно проводилась именно в ГДР.¹

Роберт Хавеман высмеивал «софистику, идеализм и волюнтаризм партийных идеологов, которым не хватало компетенции даже понять физику Эйнштейна, не говоря о том, чтобы оспаривать ее», основываясь на одном из первоисточников коммунистической идеологии – «Диалектике природы» Энгельса.² Таким образом, Р.Хавеман становится автором первой систематической и марксистской критики догматизма и тоталитарности в ГДР, пытаясь найти «третий путь», пролегающий между сталинизмом и западным капитализмом.³

Однако наиболее опасным оппозиционером для существующего режима был партийный чиновник Рудольф Бахро, который был арестован как шпион за

---

¹ Bathrick, David. The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn), 1978. - P.11

² Там же, P.12

³ Rodden, John. *Dialectics, Dogmas, and Dissent: Stories from East German Victims of Human Rights Abuse*. The Pennsylvania State University Press, 2010. - P.143

публикацию в 1977 году на Западе работы «Альтернатива: критика реально существующего социализма», ставшей очередным бестселлером. Также как В.Бирман и Р.Хавеман, Р.Бахро был коммунистом, противостоящим тоталитарности и не желавшим покидать ГДР, а стремившимся остаться в «лучшей Германии» и бороться за изменения.¹

Р.Бахро был убежден в том, что система советского типа, которая является моделью для ГДР и других стран Восточной Европы, представляет собой характерный тип социальной формации, которая не является ни капитализмом, ни социализмом. Пытаясь вернуться к исконному марксизму, он основывает свой критический анализ «реально существующего социализма» на особой концепции разделения труда в социуме и на его утверждении в коммунистических государствах Европы.²

Именно его теория разделения труда, а также теория сознательности, по мнению Д.Батрика, превращает его критический анализ в стратегию социальных изменений. Р.Бахро подчеркивает, что интеллектуальный труд является центральным как для сохранения системы, так и для ее трансформации. Более того, его концепция сознательности рассматривает эстетику и культуру в качестве центральных категорий для формирования социальной теории. Как заключает Д.Батрик, «Р.Бахро представляется оппозиционером, который пытается соединить в тотальной теории общества сферы культуры и науки», чему соответствовала и его деятельность как политика, с самого начала своей карьеры крайне вовлеченного в вопросы культуры и образования.³

Для Р.Бахро, так и для других политически активных представителей непримиримой оппозиционной культуры, по словам Х.Моузли, публикации на

---

¹ *Mosley, Hugh. The New Communist Opposition: Rudolf Bahro's Critique of the 'Really Existing Socialism'. // New German Critique, No. 15 (Autumn), 1978. - P.27*

² *Mosley, Hugh. The New Communist Opposition: Rudolf Bahro's Critique of the 'Really Existing Socialism'. // New German Critique, No. 15 (Autumn), 1978. - P.29*

³ *Bathrick, David. The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // New German Critique, No. 15 (Autumn), 1978. - P.21*

Западе означали в первую очередь получение доступа к аудитории в Восточной Германии, для которой эти работы и предназначались. Выступления на Западном телевидении служили той же цели, поскольку в ГДР у многих существовала возможность получения доступа к трансляциям из ФРГ.¹

Таким образом, деятели непримиримой оппозиции, несмотря на «запреты на профессию», аресты и депатриацию из ГДР, оставались представителями контркультуры ГДР, даже если они не имели возможности обнародования своего творчества и своих идей в самой Восточной Германии. Их пути обретения национально-культурной идентичности пролегали через художественную интерпретацию, научное и философское осмысление и переосмысление идеологии и базовых ценностей социалистического общества; именно их творчество и деятельность, сознательно направленные на выработку гуманистических ценностей, в наибольшей степени угрожали базовым ценностям существующей социалистической тоталитарной системы.

4.2. «Непримиримая» контркультура под покровительством Восточногерманской протестантской церкви

Как уже отмечалось выше, одной из наиболее характерных особенностей оппозиционной культуры ГДР являлось ее сотрудничество с Восточногерманской протестантской церковью. К деятелям контркультуры, которые обращались за поддержкой к церкви, относились ее наиболее непримиримые представители, не желающие оставаться в подполье и стремящиеся к обнародованию своего творчества.

С Восточногерманской протестантской церковью был связан и Вольф Бирман, который пытался таким образом преодолеть «запрет на профессию». В сентябре 1976 года, после более одиннадцати лет, в течение которых ему было

---

¹ *Mosley, Hugh. The New Communist Opposition: Rudolf Bahro's Critique of the 'Really Existing Socialism'. // New German Critique, No. 15 (Autumn), 1978. - P.28*

запрещено выступать публично в ГДР, В.Бирман выступил в переполненной церкви берлинского района Пренцлау. Количество слушателей, собравшихся в свободном и независимом от тотальности пространстве церкви, чтобы услышать его песни и стихи, а главное - поддержка, выраженная их автору, продемонстрировали правящей партии значительность его фигуры для оппозиционной культуры. Это событие, в числе прочих, привело к решению СЕПГ о необходимости экспатриации барда, которая произошла спустя два месяца после концерта в церкви.¹

В 1980-х годах общая картина оппозиционной культуры в ГДР значительно изменилась. После скандала, разгоревшегося вокруг экспатриации В.Бирмана и других видных деятелей оппозиции, старшее поколение оппозиционной интеллигенции ушло с авансцены сопротивления. По мнению П.Симсон, наиболее яркими представителями оппозиционной культуры ГДР 1980-х годов были Штефан Кравчик и Фрея Клиер, организовавшие единственную в ГДР свободную театральную группу.²

Ф.Клиер работала в Дрездене профессиональной актрисой и режиссером и в 1984 году получила государственную премию как лучший и самый многообещающий молодой режиссер. Однако ее постановка «Оптимистической трагедии», пьесы о борьбе анархистов и большевиков после Русской революции, ускорила ее попадание в немилость режима. Будучи верной тексту пьесы, как пишет П.Симсон, она завершила постановку на двусмысленной, а не на социалистически самоутверждающей ноте. Партия закрыла постановку после двух исполнений, и запретила Ф.Клиер дальнейшее выступление на сцене, после чего ее больше ни разу не приглашали на роль режиссера.

---

¹ *Zipes, Jack*. Review: Wolf Biermann's Double Allegiance and Double Bind. // *New German Critique*, No. 10 (Winter), 1977. - P.10

² *Simpson, Patricia A*. Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // *Performing Arts Journal*, Vol. 11, No.1. 1988. - P.39

Таким образом, представляется неудивительным, что она стала сотрудничать с Ш.Кравчиком, единственным исполнителем, имевшим в это время «запрет на профессию». Он был бардом в традиции Вольфа Бирмана, и, как отмечает П.Симсон, после эмиграции которого, Ш.Кравчик стал культовой фигурой для тех, кто еще хотел слышать правду. Он ушел из партии в 1985 году, после ожесточенной критики со стороны СЕПГ за цитирование Розы Люксембург на своем концерте.¹

Запреты на осуществление профессиональной деятельности, разделяемые обоими художниками, подвигли их к созданию одной из наиболее динамичных форм независимого перформанса в Восточной Германии. Несмотря на запреты, около восьмидесяти тысяч зрителей стали свидетелями их выступлений в церквях по всей стране. Отчасти их стратегия, как пишет исследователь, заключалась в «сношении стены, которую государство выстраивает между населением и их культурой», поскольку, по мнению художников, зачастую официальный театр не соответствует повседневной жизни ГДР. В попытке выстроить новые отношения солидарности между перформансом и публикой, Ф.Клиер, как социолог-любитель, нелегально распространяла буклеты и вопросники, узнавая у своей потенциальной аудитории о наиболее острых социальных проблемах. Именно на результатах этих опросов она основывала свое творчество. Так, например, «Паспорта, пароли», одна из наиболее известных совместных работ Клиер и Кравчика, обращена к проблемам окружающей среды, жестокого обращения с пожилыми людьми, а также ограничения по передвижению и выезда из страны. «Паспорта, пароли» демонстрируют, по мнению П.Симсон, те средства, с помощью которых художники свободной театральной группы соединяют воедино

---

¹ *Simpson, Patricia A. Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // Performing Arts Journal, Vol. 11, No.1. 1988. - P.39*

эстетику и политический радикализм, напрямую обращаясь к коллективному сознанию своей аудитории.¹

П.Симсон, ставшая очевидцем исполнения свободной театральной группой «Паспорта, пароли» в церкви Сиона в Пренцлауэр Берге (районе в Восточном Берлине, ставшем центром любого рода несанкционированных мероприятий), отметила переполненность церковного помещения публикой, весьма разнородной по своему составу. Выступление состояло из нескольких пародий, каждая из которых касалась одной из актуальных социальных проблем. Переодеваясь и перевоплощаясь, Клиер и Кравчик изображали то молодых пионеров, то пожилых пенсионеров с мизерными пенсиями, то молодую пару, пытающуюся получить визу на выезд из страны, которым отказывают без каких-либо объяснений. Также с помощью аудиовизуальных презентаций они обращались к проблемам американского присутствия в Никарагуа, советского – в Афганистане, тотальной вездесущности и всезнания Штази.

Во время дискуссии, проведенной после выступления, как пишет Р.Симсон, чувствовался очень оживленный отклик публики. Некоторые зрители были взволнованны, даже расстроены пародиями, которые напоминали им их собственный опыт. У некоторых зрителей на глазах появлялись слезы. Такая сильная реакция публики, по мнению исследователя, объясняется тем, насколько редко восточные немцы могли видеть такой независимый театр.² Более того, свободный театр пародируя тотальность, которой было проникнуто общество, открывал зрителям глаза на эту тотальность, обнажая и выпячивая ее.

Во времена гласности и перестройки восточные немцы надеялись на некоторую либерализацию в вопросах свободы слова, однако нежелание государства отвечать этим ожиданиям было очевидным. Вместо либерализации

---

¹ *Simpson, Patricia A. Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // Performing Arts Journal, Vol. 11, No.1. 1988. - P.40*

² *Simpson, Patricia A. Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // Performing Arts Journal, Vol. 11, No.1, 1988. - P.42*

государство в этот период пошло наперекор проводимой ранее собственной политике невмешательства и дела церкви и стало принимать меры против оппозиционных тенденций, поддерживаемых церковью. Вначале государство стало регулярно налагать штрафы на церковь за покровительство свободной театральной группе Клиер и Кравчика в размере от 500 до 1000 марок. Затем, летом 1987 года Кравчик был арестован по дороге на демонстрацию, проводимую в память Розы Люксембург и Карла Либкнехта, за табличку, которая опротестовывала его «запрет на профессию». Ф.Клиер в поддержку Ш.Кравчика и других арестованных в связи с той демонстрацией сделала видеозапись с обращением к Западу бойкотировать все Восточногерманские культурные мероприятия до тех пор, пока заключенных не выпустят из тюрьмы. За такие подозрительные связи с Западом Ф.Клиер арестовали и обвинили в шпионаже.

Кравчик и Клиер отказались от предложения правительства беспрепятственно покинуть страну и уехать на Запад, напротив, они настаивали на своем праве продолжать жить и работать в ГДР. Однако при отказе эмигрировать на Запад, как пишет Р.Симсон, им обоим грозило пожизненное заключение. В ответ на такие репрессивные меры активисты оппозиционного движения провели беспрецедентные акции протеста по всей Восточной Европе: например, на одном из писем были подписи из семнадцати городов пяти стран. Обществом диссидентов Восточного Берлина была организована голодовка; письма, требующие освобождения художников, приходили из самых разных организаций, таких, например, как «Инициатива за мир и права человека» и «Панки церкви Спасителя». Письмо с выражением протеста партийному руководству пришло от пятнадцати восточногерманских художников, проживающих на Западе, среди которых были и В.Бирман, С.Кирш и Р.Кунце.

Оппозиционная и альтернативная культура находили прибежище не только в церквях Восточного Берлина. Значительным центром культуры, выходящей за рамки дозволенного, был также Дрезден. Так, например андеграундный проект художника Биргера Йерша, основателя мейл-арта в ГДР, нуждался в помощи

церкви, поскольку испытывал необходимость в открытом выставочном пространстве. Данный проект пост-искусства заключался в пересылке друг другу по почте авторских, разработанных художниками почтовых открыток, содержащих оппозиционные лозунги, относящиеся к проблемам культуры и искусства. Около восьмидесяти художников, как пишут П.Кайзер и К.Петцольд, регулярно участвовали в проектах мейл-арта, однако главной проблемой оставалось обнаружение результатов этого проекта пост-искусства.¹

В поддержку этого андеграундного искусства выступил пастор дрезденской церкви Кристоф Воннебергер, разрешивший в феврале 1981 года провести в церкви первую выставку пацифистского проекта мейл-арта. После первой же выставки завязалось длительное сотрудничество пастора и художников мейл-арта. Так, например, первая выставка Б.Йерша участвовала в туре (в качестве переездной церковной выставки) по четырем городам. В числе прочих, экспозиции мейл-арта побывали в Церкви Креста (Kreuzkirche) в Дрездене, в Церкви св. Николая (Nikolaikirche) в Лейпциге, а также в Магдебургском кафедральном соборе.

Как пишут исследователи, занимающиеся дрезденской альтернативной культурой, феномен «Мейл-арта в Церкви» был единственным в своем роде во всем Восточном блоке, поскольку ГДР являлась единственной социалистической страной, не допускавшей выставки пост-искусства в общественных местах.²

«Подпольная сцена», как ее называет исследователь А.Тиелеманн, дрезденского церковного пространства, стала также прибежищем для «Апокалипсического общества» - скульптурной полимерной группы, состоящей из двенадцати фигур в полный рост, выполненной скульптором Хартмутом

---

¹ *Kaiser, Paul. Petzold, Claudia. Mysterien des Postweges. Mail art in Dresden. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efa-Verlag, Dresden: 2010. - P.228*

² *Kaiser, Paul. Petzold, Claudia. Mysterien des Postweges. Mail art in Dresden. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efa-Verlag, Dresden: 2010. - P.232*

Бонком. Скульптор, работавший в стиле, как он сам его охарактеризовал, «пост-поп-арта», в 1979 году прибегнул к крайней мере, каковой являлась для большинства оппозиционных художников ГДР подача заявления на выезд из страны, и в 1982 году переехал в ФРГ. После подачи заявления в 1979-1980 он создал свою самую скандальную скульптурную группу, которая стала громким завершением длительного и продуктивного периода его творчества как альтернативного художника ГДР, которую А.Тиелеманн охарактеризовал как своеобразное «крещендо» в его творчестве.¹

Таким образом, представляется неудивительным, что такая работа вплоть до отъезда Х.Бонка на Запад не могла быть нигде выставленной кроме как в дрезденской Церкви Примирения (Versöhnungskirche) перед самым его отъездом в 1982 году. Примечательно, что впервые эта скульптурная группа была выставлена в ГДР в общественном месте в сентябре 2010 года в рамках проекта «Без нас!» (Ohne uns!), посвященного альтернативной культуре и искусству Дрездена до и после 1989 года.²

Помимо локальных выставок и мероприятий, проходивших в отдельных церквях, восточногерманские церкви также организовывали совместные «церковные фестивали», проходившие по всей стране. Организованные по инициативе берлинского священника Райнера Эппельмана, так называемые «блюзовые мессы» в Церкви Доброго Самаритянина (Samariterkirche), предназначенные специально для молодых людей и включающие в себя дискуссии, исполнение различной музыки, чтение поэзии, стали первым из подобных мероприятий. Следуя примеру Р.Эппельмана, в ноябре 1980 года церкви организовали проведение ежегодного мероприятия, получившего название «неделя мира». Проводимые ежегодно в ноябре «недели мира» помимо служб и

---

¹ *Thielemann, Andreas*. Crescendo vor der Ausreise. Die Polyestergruppen von Hartmut Bonk. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. EfaU-Verlag, Dresden, 2010. - P.297

² Там же, P.306

дискуссий включали в себя «фестивали мира», а впоследствии трех – четырехдневные «церковные фестивали» (Kirchentage), состоящие из выставок скульптуры и живописи, концертов (не только оркестровой музыки, но также популярной музыки и рок-музыки), дискуссий, драматических представлений.

Упомянутая выше церковь Сиона в Пренцлауэр Берге стала одним из центров революционных событий осени 1989 года. В сентябре 1986 года в подвале церкви общество берлинских диссидентов открыло библиотеку, посвященную проблемам окружающей среды, в которой проводились дискуссии и лекции, а также выпускался собственный подпольный журнал библиотеки. Примечательно, что печатный станок в этой подвальной библиотеке превратился в единственную независимую типографию в ГДР.

Беспрецедентное вторжение Штази на территорию церкви в ноябре 1987 года с попыткой закрыть библиотеку и конфисковать все подпольные журналы и печатное оборудование, как пишет А.Гордон, поставило церковь в позицию окончательной и бесповоротной оппозиции к режиму СЕПГ. Вокруг событий этой ноябрьской ночи (25 ноября) разгорелся международный скандал, в котором коммунистическая диктатура СЕПГ потерпела поражение, после которого так и не смогла окончательно оправиться.

4.3. Андеграундные проекты

Андеграундная деятельность непримиримой оппозиции ГДР, не зависящая ни от церкви, ни от государства, имела ряд характерных особенностей.

Проекты контркультуры, носившие подпольный характер и осуществляющиеся через различные андеграундные средства, были немасштабными и непродолжительными. Жесточайшая тотальная цензура в ГДР, а также всепроникающее Штази не позволяли андеграундным проектам привлекать к себе большую аудиторию и распространять влияние на большие социальные и территориальные пространства. Привлечение внимания населения к подобным проектам обращало на них и внимание спецслужб, что в свою очередь

приводило к ожесточению контроля, репрессиям и сворачиванию таких проектов. Необходимость в конспирации и осторожных действиях объясняла непродолжительность и непостоянство андеграундных проявлений контркультуры. Некоторые андеграундные деятели оппозиции впоследствии были связаны с церковью, прибегая к ее покровительству. Такой шаг объяснялся либо необходимостью в обнародовании своего творчества, либо в защите от репрессивных мер государства. Тоталитарность общества не давала деятелям контркультуры возможности действовать самостоятельно, без поддержки располагающих достаточными ресурсами институтов.

К отличительным особенностям андеграунда в ГДР относится проникновение в него Штази, которое приняло в нем своеобразное участие. Министерство государственной безопасности ГДР внедряло своих агентов в наиболее крупные из проектов оппозиции, или вербовало отдельных их представителей. Таким образом, отчасти поддерживая подпольные проекты и организации, Штази получало полную информацию обо всех деятелях андеграундной культуры. Оставляя небольшое пространство для независимой оппозиции, государство снижало уровень напряженности в среде интеллигенции, а полученную информацию могло использовать для защиты собственных интересов. Поскольку государство не могло полностью уничтожить попытки диссидентства выйти из-под влияния тоталитарности, оно само внедрялось в контркультурное пространство, чтобы контролировать и нейтрализовывать его.

К таким андеграундным проектам относилась художественная газета или журнал «Und», издаваемый в Дрездене с 1982 по 1984 год. Самиздатовский проект «Und» был организован Лотаром Фидлером, который в то время был инициатором многих музыкальных, импровизационных групп и театральных проектов. Как пишет К.Мишель, «Und» был задуман как средство коммуникации, медиум в сфере искусств, лишенный какого-либо скрытого субъективного характера, представляющий собой некий «поводырь» в сфере живописи, музыки и литературы. Данный медиум был общественно ориентированным, он был призван

выйти за пределы творческих кругов, привлечь более широкую аудиторию к вопросам культуры. Также он не был исключительно дрезденским проектом, т.е., несмотря на то, что издавался в Дрездене, он был межрегиональным и привлекал к участию в публикациях авторов со всей ГДР.¹

Несмотря на то, что данный проект не имел политического характера и не был задуман как некий политический сигнал, его существование, по словам К.Мишель, имело значительную политическую важность. С момента своего основания и до последнего дня существования журнал привлекал внимание властей не содержанием отдельных номеров или именами публикуемых авторов, а тем, что был проектом, организованным независимо от властных структур, вне тоталитарных структур, а потому представляющимся подозрительным.²

Как заключает автор статьи, посвященной данному андеграундному проекту, возникновение «Und» имело свои предпосылки. Во-первых, появление «Und» было связано с активным развитием восточноевропейского самиздата (СССР, Польша, Чехия) в 1980-х годах, несмотря на то, что данной проект нельзя в полной мере причислять к этому культурному феномену. Во-вторых, в сфере оппозиционной культуры ГДР его появление было своеобразным ответом потерпевшему неудачу самиздатовскому проекту «Akademie-Anthologie», который был закрыт незадолго до выхода первого номера «Und».

В 1982 году Франц Фюман, Саша Андерсен и Уве Кольбе начинают заниматься сбором текстов и привлечением авторов. В ходе организации была создана некая «литературная сеть», посредством которой распространялась информация о проекте, привлекались к сотрудничеству различные авторы, и происходил обмен текстами. Привлечение новых авторов происходило

---

¹ *Michael, Klaus*. “Fortgänge warden geschleunigt”. Lothar Fiedler and die Dresdner Künstlerzeitschrift “und” (1982-1984). // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efa-Verlag, Dresden, 2010. - P.173

² Там же, P.174

посредством личных контактов художников, посредством дружеских связей или с помощью приглашения от организаторов проекта.

Предполагалось, что «Und» будет выходить каждые четыре-шесть недель и станет источником информации в сфере альтернативного искусства, форумом для эксперимента, средством поиска единомышленников. При этом он должен был стать проектом, в котором произойдет изжитие всех эстетических, стилистических и иных ограничений.

Содержание первого номера журнала, вышедшего в начале 1982 года, включало программное заявление проекта, содержащее его концепцию; тексты М.Боценхарда (певца и панк-рок музыканта); работы Ф.Пальма, в которых ощущалось влияние сюрреализма, слов-ассоциаций и Андре Бретона; стихи и тексты Л.Фидлера, направленные против вооружения и милитаризации, что в контексте ГДР 1980-х годов было актуально; а также рассказы У.Хюбнера.¹

С выходом последующих номеров, в которых стали появляться тексты Габриель Кахольд (Слотцер), журнал приобретает явный политический характер. Габриель Кахольд была одной из важнейших активистов независимого искусства и литературы в Тюрингии. После участия в протесте против экспатриации Вольфа Бирманна, она была приговорена к тюремному заключению. После освобождения она открыла в 1980 году галерею альтернативного искусства и Эрфурте, которая просуществовала лишь год (была закрыта Штази уже в 1981 году), но успела прославиться в сфере оппозиционной культуры ГДР и стать местом сбора андеграундных деятелей и творцов.

Учитывая ее взаимоотношения с властью, Г.Кахольд, безусловно, было запрещено публиковаться, а журнал «Und» принял ее к себе и напечатал ее статью об обстоятельствах и подробностях ее заключения, носившую название «Присутствовать и не молчать».

---

¹ *Michael, Klaus.* “Fortgänge warden geschleunigt”. Lothar Fiedler and die Dresdner Künstlerzeitschrift “und” (1982-1984). // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. EfaU-Verlag, Dresden, 2010. - P.175

Летом 1982 года, после выхода второго номера, С.Андерсон, работавший на Штази, два первых выпуска и анкеты на всех авторов, принимавших участие в этом проекте, передает Министерству Государственной Безопасности ГДР. Всего агентов Штази, связанных с этим проектом было трое – С.Андерсон, С.Науман и М.Ринке.

В 1982 году С.Науман получает от Штази квартиру, в которой вплоть до 1989 года проводились чтения, выставки, дискуссии и которая стала местом сбора деятелей андеграундной культуры. Этот шаг был проявлением новой стратегии обращения Штази с оппозиционными и андеграундными деятелями культуры и искусства. Посредством концентрации в определенном месте (как в этой квартире) можно было держать их всех под контролем. Эта стратегия привела к изменению роли агентов Штази, которые из сторонних наблюдателей превратились в активно внедряющихся в центр оппозиционной культуры псевдо-деятелей этой культуры.¹

Выход пятого номера “Und” был поводом для проведения дискуссий и обсуждения результатов проекта в квартире С.Наумана. Позднее подобные встречи проходили регулярно, наблюдения за которыми велось агентами. В результате деятельности агентов, с 1982 года Штази было известно обо всех деятелях альтернативной культуры, а с 1983 года начались их вызовы, аресты, высылки и отъезды на Запад. Это и было сигналом, что дни «Und» сочтены, и действительно в мае 1984 года Л.Фидлер прекратил работу над этим проектом.²

Подобным образом существовала берлинская газета «Entweder-Oder», издаваемая Уве Варнке.

Агент Штази и одновременно активный деятель оппозиционной и альтернативной культуры Саша Андерсон также был связан с берлинским

---

¹ *Michael, Klaus*. “Fortgänge warden geschleunigt”. Lothar Fiedler and die Dresdner Künstlerzeitschrift “und” (1982-1984). // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efa-Verlag, Dresden, 2010. - P.182

² Там же, P.184

районом Пренцлауэр Берг, центром контркультуры или «второй культуры», как ее называли. Агент С.Андерсон был не только активным участником контркультуры ГДР, но во многом и ее организатором. Таким образом, Пренцлауэр Берг был центром андеграунда, в самый центр которого было внедрено Штази.

Философия деятелей этой независимой сферы культуры (зависимость которой от Штази была неизвестна ее представителям) заключалась, как считает Ю.Хэлл, в обрыве всех связей с официальной и тоталитарной культурой ГДР, официальными авторами и художниками, официальной эстетикой. В качестве собственной эстетики им представлялась некая «автономная эстетика, практика деконструкции языка и значения, которая бы подрывала систему, разрушая ее господствующий дискурс».¹ Андеграундные авторы и художники Пренцлауэр Берга, как пишет Ю.Хэлл, «вновь открыли авангард, основываясь на Делезе, Фуко и Лакане».²

К сфере культурного и художественного «непримиримого» андеграунда относился также феномен мейл-арта в ГДР, до того момента, когда ему была оказана поддержка со стороны церкви для обнародования проектов.

Для художников мейл-арта Биргера Йерша, Юргена Готтшалка, Стеффана и Мартины Герш, а также для Йоахима Станге такая форма искусства, возникшая еще в 1960-х годах в Америке, предоставляла возможность по крайней мере отчасти вырваться из тех рамок, которые накладывало на культуру и творчество тоталитарное общество и режим ГДР. Неписанные «правила игры» и одновременно философия гильдии мэйл-арта, как сообщают П.Кайзер и К.Пецольд, заключались в трех лозунгах: «Нет судей!», «Нет возврата!», «Нет оплаты!». Отсутствие судей подчеркивало независимость проектов мейл-арта, которые не зависели от тотальности и цензуры, отсутствие оплаты – практически бесплатное осуществление данных проектов, а отсутствие возврата – надежду на то, что

---

¹ *Hell, Julia*. Loyal Dissidents and Stasi Poets: Sascha Anderson, Christa Wolf, and the Incomplete Project of GDR Research. // *German Politics and Society* 20.4, 2002. - P.89

² Там же, P.90

почтовые отправления мейл-арта не будут вскрыты спецслужбами и дойдут до своих адресатов.¹

Принцип осуществления мейл-арт проектов был прост: с помощью приглашений, разосланных по почте, к участию в проекте, посвященном некоторой теме, приглашались художники мэйл-арта с самостоятельно разработанными открытками, которые были оформлены как коллажи из текста, фотографий, картинок и штампов самодельными печатями, и в которых содержалось некое интернациональное послание. Выбор темы посланий был открытый, язык мейл-арт коммуникации – английский. Организатору проекта в ответ на приглашения к участию возвращалось обычно от 80 до 300 оформленных открыток, в зависимости от охвата и кругов приглашенных, а также от резонанса, который имела предоставленная тема. На организаторе проекта лежала ответственность за организацию выставки полученных открыток, так называемого мейл-арт шоу, которая была бы полностью свободна от цензуры.

«Мэйл арт – это способ визуальной коммуникации с мудрыми и сравнительно простыми приемами» – так определяет этот жанр Лутц Вольраб, один из восточногерманских протагонистов пост-искусства, которое в 1970-х годах развилось до интернационально известного художественного движения. Активисты пост-искусства, как пишут авторы статьи, посвященной этому феномену, хотели противопоставить мэйл-арт коммерчески доминированному художественному производству как некоммерческая альтернатива прямой коммуникации между художниками.²

Практика почтовых отправок с художественными посланиями, относящимися к вопросам культуры, общества и политики, создавал для художников мэйл-арта своеобразные «ворота в мир», поскольку в этих проектах

---

¹ *Kaiser, Paul. Petzold, Claudia. Mysterien des Postweges. Mail art in Dresden. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. EfaU-Verlag, Dresden, 2010. - P.230*

² Там же

участвовали также и художники с Запада. Большинство отправлений мейл-арта поначалу проходило почтовый контроль, а также контроль на границе, поскольку Штази вскрывало только часть писем. Однако позднее, после того как Министерство Государственной Безопасности узнав об этом феномене объявило восточногерманскую мэйл-арт сцену своей главной стратегической задачей, данное средство художественной коммуникации было значительно затруднено.

В полной мере «воротами в мир» для художников мейл-арта из ГДР стал андеграундный проект Биргера Йерша «Коллективные коллажи». Данный проект понимался организатором как творчество некоего «Свободного коллажного коллектива» или международная сеть независимых художников, работающих над совместными проектами. Б.Йерш со своими коллегами из ГДР отправляли знакомым художникам на Запад начатые коллажи, содержащие приглашение и призыв внести в коллаж некоторую свою доработку, сфотографировать его с целью фиксации процесса его создания, и отправить какому-нибудь своему знакомому в другую страну. Если коллаж, по мнению очередного его доработчика был уже готов, то его нужно было отправить обратно в ГДР, организатору проекта Б.Йершу. «Следуя принципу бродяг – «цель в пути» - коллажи достигали таких мест, куда мне самому дорога была закрыта», писал Б.Йерш о результатах своих проектов.¹

Таким образом, различные андеграундные проекты, не получая широкого обнародования, формировали протестное сознание определенной части населения ГДР. Андеграундная журналистика, литература и искусство, с одной стороны, формировали оценочное отношение к официально декларируемым ценностям, стимулируя их негативное восприятие, с другой стороны, придерживаясь ценностей антитоталитарного, гуманистического характера, способствовали обретению позитивной национально-культурной идентичности определенной части населения ГДР.

---

¹ *Jesch, Birger. Freie Collagen Kollektive. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. EfaU-Verlag, Dresden, 2010. - P.239*

Здесь уместно привести позицию французского философа Филиппа Серса, считающего, что поскольку тоталитаризм кроется в человеческой природе и каждый человек может оказаться в глубине души склонным к тоталитаризму, единственным средством его преодоления является преодоление оценочной индифферентности, поскольку именно она является союзницей тоталитаризма¹. На наш взгляд, именно преодоление оценочной индифферентности и активизации оценочной активности, которые стимулирует деятельность творческой интеллигенции, в том числе и авторов и участников андеграундных проектов, способствовало активизации процессов формирования национально-культурной идентичности.

После объединения Германии, многие исследователи, находящиеся в поисках общей немецкой идентичности говорят о возобладании в сознании современных немцев самых общих европейских ценностей, о прагматизме нации, как основном признаке «немецкости»², о сужении гуманитарной составляющей немецкой культуры, которое характерно для многих устойчивых стран, живущих размеренной жизнью и не ставящих перед собой вопросы вселенского бытия^{3,4}. Именно ценностно ориентированная часть интеллигенции, переживавшая и творчески осмысливавшая сложный внутренний диалог фундаментальных гуманистических антитоталитарных и социалистических ценностей, который до сих пор не завершен, стала символом и последним «реликтом» значительной эпохи в культуре Германии.

---

¹ Серс Ф. Тоталитаризм и авангард. В преддверии запредельного.- М.: Университетская книга, 2012. - С. 314-315

² Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии// Орлов Б., Тиммерманн Х. Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 252-262

³ Шульце, Х. Краткая история германии. – М., 2004. – С.215

⁴ Орлов, Б.С. Проблемы идентичности в современной Германии / Б.С. Орлов. – М.: РАН ИНИОН, 2012. – С.57

Выводы

Многие представители «непримиримой» контркультуры ГДР оказались добровольно или вынужденно связанными с ФРГ. К таким представителям контркультуры относились наиболее известные, яркие творческие деятели, являвшиеся ее лидерами и оказывавшие наибольшее влияние на общество. Идейнными лидерами непримиримой контркультуры являлись поэт и бард В.Бирман, химик Р.Хаверман, философ и политический деятель Р. Бахро. В.Бирман, имевший возможность выезжать с гастролями в ФРГ, из-за критики политики СЕПГ подвергся в 1965 году «запрету на профессию» (Berufsverbot), характерному для ГДР методу борьбы с диссидентами, а затем был экспатрирован в Западную Германию в 1976 году. В условиях жесточайшей цензуры особенности устного исполнения авторской песни, его легкость и изменчивость, давали исполнителям значительно большую свободу, нежели авторам печатных текстов. Высылка В.Бирмана продемонстрировала представителям контркультуры, что между социалистическими идеалами и социалистической действительностью произошел глубокий разрыв, и стала возможностью для самоопределения оппозиционной интеллигенции, часть которой перешла из группы «лояльных» в группу «непримиримых».

Наиболее опасным оппозиционером для существующего режима был философ и партийный чиновник Р.Бахро, который был арестован как шпион за публикацию в 1977 году на Западе работы «Альтернатива: критика реально существующего социализма». Также как и В.Бирман, Р.Бахро был коммунистом, противостоящим тоталитаризму ГДР, не желавшим покидать страну. Для него публикации на западе означали в первую очередь получение доступа к аудитории в Восточной Германии, для которой эти работы и предназначались. Таким образом, деятели непримиримой оппозиции, несмотря на «запреты на профессию», аресты и экспатриацию из ГДР, оставались представителями ее контркультуры, даже если не имели возможности обнародовать свои идеи в Восточной Германии.

Альтернативные неофициальные художники ГДР в своих арт-акциях использовали различные формы взаимодействия с Восточногерманской протестантской церковью. Яркими представителями независимого перформанса были Ш.Кравчик и Ф.Клиер, попавшие под «запрет на профессию» и организовавшие единственную в ГДР свободную театральную группу, которая провела многочисленные театральные представления (самый известный проект «Паспорта, пароли») в помещениях церкви по всей стране. Нуждался в поддержке церкви и андеграундный проект художника Б.Иекрша, основателя мейл-арта в ГДР. Его проект пост-искусства заключался в пересылке друг другу по почте авторских, разработанных художниками почтовых открыток, содержащих оппозиционные лозунги. Феномен «Мейл-арта в церкви» был единственным в своем роде во всем Восточном блоке. «Подпольная сцена» церковного пространства стала местом проведения известных «четырехдневных церковных фестивалей» (Kirchentage), состоящих из выставок скульптуры и живописи, концертов, дискуссий, драматических представлений.

Принципиальную независимость и непримиримость имели возможность сохранять те представители оппозиции, которые осуществляли *андеграундную деятельность*, и, оставаясь таким образом в тени, не стремились привлекать к своему творчеству широкую аудиторию. Андеграундные явления, хотя и не могли остаться незамеченными Штази, обычно не искоренялись в силу незначительности их влияния на массы. Необходимость в конспирации и осторожных действиях объясняла непродолжительность и непостоянство андеграундных проявлений контркультуры. К отличительным особенностям андеграунда в ГДР относится своеобразное участие в нем и проникновение в него Штази. Министерство государственной безопасности ГДР внедряло своих агентов в наиболее крупные из проектов оппозиции, или вербовало отдельных их представителей. Поскольку государство не могло полностью уничтожить попытки диссидентства выйти из-под влияния тоталитарной системы, оно само внедрялось в контркультурное пространство, чтобы контролировать и

нейтрализовывать его активность. К таким известным андеграундным проектам относятся журнал «Und» и берлинская газета «Entweder-Oder». К андеграундной контркультуре возможно причислить и проекты мейл-арта, до оказания ему поддержки Восточногерманской церковью (например, известный проект Б.Иерша «Коллективные коллажи» и др.). Андеграундные проекты, не получая широкого обнародования, формировали протестное сознание определенной части населения ГДР. Андеграундная журналистика, литература и искусство, с одной стороны, формировали оценочное отношение к официально декларируемым ценностям, стимулируя их негативное восприятие, с другой стороны, придерживаясь ценностей антитоталитарного, гуманистического характера, способствовали обретению позитивной национально-культурной идентичности определенной части населения ГДР.

Таким образом, различные возможности и стратегии контркультуры в ГДР, найденные лояльной и непримиримой оппозицией, расширяли и усиливали общую деятельность оппозиции, превращая ее в совокупный контркультурный фронт наступления на доминирующую форму культуры; по-разному способствовали преодолению оценочной индифферентности и активизации процессов формирования национально-культурной идентичности восточных немцев, противопоставленной ценностям тоталитаризма. Исчезновение ГДР сохранило ее контркультуру нередуцированной необходимостью приспособления к любой системе государства, манифестирующей модель антитоталитарной национально-культурной идентичности народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью изучить функционирование контркультуры в условиях тоталитарного общества (на примере контркультуры ГДР) в работе были сделаны следующие заключения.

Осмысление феномена культуры в качестве системы позволяет проследить характер взаимодействия отдельных составляющих сложнейшего пространства культуры, а также их роль в процессе культурных преобразований. В процессе развития культура как система не может сохранять свою универсальность, целостность и однородность. Будучи структурно вовлеченными в общую систему культуры, отдельные культурные подсистемы могут обладать различной степенью автономности. Различные культурные подсистемы, появляющиеся в процессе развития культуры, могут рассматриваться как формы ее преобразования.

Различные формы преобразования культуры характеризуются различной степенью противопоставленности самой системе культуры и могут приобретать отрицающий и даже революционный характер. Такие противопоставленные господствующей культуре подсистемы определяются исследователями как *контркультуры*. Важнейшей характеристикой контркультуры является радикальность отрицания, заложенного в ее сущности и не свойственного субкультуре.

Хотя идеология контркультуры разрабатывалась мыслителями применительно к определенной стадии развития общества, а именно - к капиталистическому индустриально развитому обществу, переходящему в стадию постиндустриализма, она представляется применимой и к другим типам общества. Исходя из того, что контркультура является своего рода реакцией на репрессивность официальной культуры, то ее возникновение в наибольшей степени закономерно именно в тоталитарных социалистических обществах, или

обществах левого тоталитаризма, к которым относятся СССР, ГДР и другие страны социалистического блока.

В тоталитарном обществе контркультурное культуротворчество необходимо присутствует и имеет различные формы проявления. В различных исследованиях, посвященных проблеме инакомыслия, подчеркивается, что во второй половине XX века именно в СССР и странах социалистического блока контркультурные тенденции получили наиболее отчетливую форму и достигли наиболее полного развития, превратившись в совокупный контркультурный процесс, именуемый контркультурой.

Контркультурные процессы в условиях тоталитарного общества невозможно осмыслить без учета той роли, которую играет в них интеллигенция и интеллектуалы. Существенно, что в многочисленных российских дискуссиях об интеллигенции ее роль нередко осмысливалась в конкретно-историческом контексте и получала резкие идеологизированные и политизированные оценки, в то же время в процессе научных и политических споров происходило и «надисторическое», философское осмысление этого сложного концепта.

В культурно-философском контексте интеллигенция рассматривается как постоянный транслятор «сверхисторических», «всечеловеческих», ценностей духовного порядка, что в принципе и обеспечивает ее историческую преемственность и конституированность в процессе развития культуры. Именно способность осмысливать, вырабатывать, создавать ценности общечеловеческого характера, находящиеся в состоянии диалога, конкуренции, отрицания и т.д. с ценностями официальной культуры снимает конкретно-историческую оценочность и позволяет рассматривать интеллигенцию как один из ключевых концептов культурно-философского дискурса. Ввиду того, что ядром любой культуры (в том числе официальной и оппозиционной) являются ее ценностные основания, то именно интеллигенция, создающая и транслирующая аксиологические основания культуры, превращается в центральную движущую силу контркультурного движения.

При описании роли интеллигенции в контркультурном процессе необходимо учитывать ее неоднородность, нередко, даже поляризованность, а также сложные отношения с понятием интеллектуалов, которые возможно преодолеть в рамках кросс-культурного контекста. Принципиально важной для осмысления роли интеллигенции и интеллектуалов в контркультурном процессе является проблема их идентификации.

Исследователи говорят о различных видах идентичности, а также о том, что в сознании человека присутствует целый пакет идентичностей, которые не имеют однопорядковой значимости. К *базовым идентичностям* относятся конфессиональная или идеологическая принадлежность, гражданство, национальная, цивилизационная принадлежность. Эти идентичности задают расположение человека в фундаментальных координатах бытия.

Для понимания механизма возникновения кризиса идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного общества может быть использовано понятие *национально-культурной идентичности*, предлагаемое А.И.Шендриком. Этот тип идентичности возникает тогда, когда индивид осуществляет процедуру идентификации одновременно по двум признакам: принадлежности определенной нации и государству и соответствующей культуре. Представляется, что именно национально-культурная идентичность (в структуре которой национальная идентичность соотносится, прежде всего, с государством, а соответственно и с официальной культурой) является основой кризиса идентификации и идентичности интеллигенции в условиях тоталитарного общества. Именно в рамках национально-культурной идентичности происходит конфликт ценностей официальной (государственной) культуры (которая характеризуется различной степенью тоталитарных проявлений) и контркультурных тенденций, основанных на ценностях антитоталитарного, «всечеловеческого», надгосударственного масштаба, на которые и ориентируется интеллигенция. Механизм формирования национально-культурной идентичности в условиях тоталитарного общества, создающего «разлом» в государственно-санкционированной и культурно-

санкционированных ценностных системах, создает метания, двойственность ценностных ориентаций одной части интеллигенции, или же толкает других к необходимости «выбора» между официальными, государственными и альтернативными, культурно-обусловленными ценностями.

Многие исследователи решающую роль в протестных настроениях интеллигенции отводят *творческой интеллигенции*, которая особенно остро реагирует на тоталитарные интенции общества. Кроме того, в исследованиях тоталитарного общества в качестве особо важной выделяется проблема искусства (которое является продуктом деятельности творческой интеллигенции). Именно искусство рассматривается как важнейшая форма выражения идентичности народа. Однако искусство – это именно та сфера, в которой идет постоянный диалог творческих индивидуумов о базовых идентичностях. Естественная ценностная диалогичность искусства нарушается в условиях тоталитарного общества.

Понимая решающую роль искусства в процессе формирования идентичности народа, тоталитарные режимы разрабатывали и внедряли различные формы контроля и управления в сфере искусства. Жесткая система административного управления искусством использовала различные инструменты, важнейшим из которых была цензура, рождала необходимость сохранения идентичности творческой интеллигенции, не разделявшей базовые ценности официальной тоталитарной культуры.

Возникающая неоднородность национально-культурной идентификации интеллигенции/интеллектуалов и особенно творческой интеллигенции, наличие в их рядах «ангажированной властью» и «протестной» групп, ставит вопрос о связи последней с явлением диссидентства.

Говоря об общей характеристике неоднородного диссидентского движения, необходимо подчеркнуть, что, данное понятие, возникнувшее в сакральных религиозных сферах, не утратило своего сакрального характера и в условиях тотального общества. Представители диссидентского движения, являясь

жертвенными носителями духовных идеалов и высшей, недоступной массовому тотальному сознанию, истины, становились не только нравственными ориентирами в своем обществе, но и формировали и продолжают формировать имидж страны в мировом пространстве, становясь символами ее культуры.

Хотя многообразие контркультурных движений и их отношений возможно и закономерно рассматривать в качестве многообразного проявления единой протестной интенции, следует учитывать, что особенности каждого конкретного тоталитарного общества, характеризующегося временной, географической и социальной локальностью, накладывают свой отпечаток на структуру протестного движения, характер его составляющих и т.д. Ввиду этого, говорить о сущности явления контркультуры в тоталитарных обществах вообще возможно только при обращении к ее предельно конкретному варианту, который требует самостоятельного описания.

Во многом совпадая с контркультурным движением в СССР и тем самым отражая общие тенденции контркультуры тоталитарного социалистического общества, контркультурное движение в ГДР имело существенную специфику, которая выражалась в ряде особенностей.

Определенная специфика контркультуры ГДР была обусловлена историческими и геополитическими факторами. Во-первых, тоталитарность общества ГДР пришла на смену тоталитарной, открыто репрессивной и незавуалированной нацисткой тоталитарности и потому на ее фоне воспринималась как более мягкая форма. Смена характера тоталитарности в СССР представляла собой замену репрессивной, но все же завуалированной репрессивности сталинского периода на менее репрессивную форму «хрущевской оттепели» и последующих периодов (следует отметить, что идеи антисталинизма были широко распространены в СССР, но не имели столь тотального характера, как идеи антифашизма в ГДР), т.е. в СССР произошла не столь резкая смена тоталитарных систем, поскольку их репрессивность всегда была завуалирована. Именно незавуалированная форма репрессивности нацистской системы, в

доктрине которой были декларированы идеи расового превосходства и уничтожения целых народов, обусловила позитивное восприятие «новой тоталитарности в ГДР» и создало условия для проникновения ее элементов во все контркультурные автономии, вплоть до диссидентского движения. Во-вторых, агрессивная тоталитарность нацистского общества была направлена не только вовнутрь страны, но и вовне, что обусловило возникновение тотального чувства вины, которое разделялось всем обществом, включая его автономные структуры, и определенным образом идейно связывало различные контркультурные движения.

Географическое положение ГДР, находящейся на границе «двух миров» и выполнявшей роль «форпоста» тоталитарного общества строящегося социализма, обусловило особую политическую, идеологическую и социальную напряженность, определив и своеобразие ее контркультуры.

Специфика контркультурной ситуации в ГДР была обусловлена и активным участием в ней Евангелистской церкви. Особая роль церкви (которая во многом была предопределена тотальным чувством вины, и всеобщим принципом антифашизма, проникающими даже в самые автономные сферы) создала специфическую ситуацию, в которой, с одной стороны, церковь выступала в качестве поддержки общей контркультурной интенции, а, с другой, способствуя распространению и относительной легализации различных форм диссидентства, вела к усилению тотальности контркультурных движений.

В результате, спецификой (относительно контркультуры СССР) отличается и структура контркультурного движения ГДР, в которой в силу перечисленных выше условий, четко выделяются две группы оппозиции: лояльная и непримиримая.

Лояльно настроенная часть инакомыслящей творческой интеллигенции, вырабатывала различные стратегии существования в условиях тоталитарного общества. К ним относятся поиск среднего, «третьего» пути, лежащего между критикой и оправданием тоталитаризма; использование ниш для выражения

собственной творческой позиции и завуалированного протеста. Одной из подобных ниш для представителей «лояльного» диссидентства ГДР (прежде всего для писателей и драматургов) было обращение к культурному наследию немецкого романтизма, получившее название «романтической волны» и проявившееся в обращении к романтическим тематикам, в переосмыслении мотивов произведений эпохи романтизма, использовании художественных методов романтизма. К сфере лояльной оппозиции относится и функционирование популярной культуры (прежде всего популярной молодежной музыки – рока и джаза), которая вызывала у властных структур репрессивно-толерантное отношение.

В условиях тотальной цензуры все виды искусства, не нуждающиеся для своей реализации в связи с государственным бюрократическим аппаратом, приобретали значительный политический статус, в особенности, если они привлекали широкую аудиторию. Именно этим определялась значимость популярной музыки, принципиально отличающейся от высоко искусства, имевшего в качестве своей аудитории лишь небольшую прослойку интеллигенции, а также легко контролируемого, поскольку зависело от государственных институтов, нуждаясь в выставочных залах, издательствах, концертных залах и оркестрах.

Поскольку в условиях тоталитарного общества любая художественная импровизация, творческая индивидуальная интерпретация, противоречит принципу тотальности мышления, она способствует пробуждению антитоталитарного ценностного сознания и способствует активизации процессов национально-культурной идентификации. Именно лояльное диссидентство ГДР относится к своего рода уникальным явлениям контркультуры.

Непримиримая оппозиция, основным критерием выделения которой служит, в первую очередь, степень их противостояния тоталитарности общества, проявляется в принципиальности ее представителей во взаимоотношениях с

партийным руководством, жесткости их реакции по отношению к наиболее тоталитарным проявлениям политики партии.

У непримиримой оппозиции в ГДР, несмотря на тоталитарность общества, деятельность Штази и жесточайшую цензуру, было несколько «путей» осуществления своего призвания, выражения оппозиционных умонастроений и сохранения своей принципиальности.

Специфика геополитического положения ГДР, а также репрессивные методы властных структур, создали ситуацию, в которой многие представители непримиримой контркультуры оказались добровольно или вынужденно связанными с ФРГ. К таким представителям контркультуры относились наиболее известные, яркие творческие деятели, являвшиеся ее лидерами и оказывавшие наибольшее влияние на общество.

Другой формой существования и функционирования непримиримой оппозиции было сотрудничество с Восточногерманской протестантской церковью, оказывающей серьезную поддержку оппозиционной культуре и стремящейся тем самым способствовать демократизации режима СЕПГ. К деятелям контркультуры, которые обращались за поддержкой к церкви, относились наиболее непримиримые представители этой культуры, не желающие оставаться в подполье и стремящиеся к обнародованию своего творчества.

Принципиальную независимость и непримиримость имели возможность сохранять те представители оппозиции, которые осуществляли андеграундную деятельность, и, оставаясь таким образом в тени, за рамками тоталитарных структур, не стремились привлечь к своему творчеству широкую аудиторию. Такие андеграундные явления в культуре хотя и не могли остаться незамеченными Штази, обычно не искоренялись в силу незначительности их влияния на массы.

Андеграундная деятельность непримиримой оппозиции ГДР, не зависящая ни от церкви, ни от государства, имела ряд характерных особенностей. Необходимость в конспирации и осторожных действиях объясняла

непродолжительность и непостоянство андеграундных проявлений контркультуры.

К отличительным особенностям андеграунда в ГДР относится своеобразное участие в нем и проникновение в него Штази. Министерство государственной безопасности ГДР внедряло своих агентов в наиболее крупные из проектов оппозиции, или вербовало отдельных их представителей. Поскольку государство не могло полностью уничтожить попытки диссидентства выйти из-под влияния тотальности, оно само внедрялось в контркультурное пространство (например, в процесс т.н. «самиздата»), чтобы контролировать и нейтрализовывать его.

Деятельность непримиримых диссидентов вынуждала властные структуры вырабатывать особые формы борьбы с ними. К ним относится так называемый «запрет на профессию» (Berufsverbot), т.е. полный запрет на осуществление профессиональной деятельности, который являлся характерным для ГДР методом борьбы с диссидентами. Другим методом борьбы с непримиримыми диссидентами является экспатриация (лишение гражданства и высылка на Запад).

Таким образом, различные андеграундные проекты, не получая широкого обнародования, формировали протестное сознание определенной части населения ГДР. Андеграундная журналистика, литература и искусство, с одной стороны, формировали оценочное отношение к официально декларируемым ценностям, стимулируя их негативное восприятие, с другой стороны, придерживаясь ценностей антитоталитарного, гуманистического характера, способствовали обретению позитивной национально-культурной идентичности определенной части населения ГДР.

Различные возможности и стратегии контркультуры в ГДР были направлены на преодоление оценочной индифферентности, которая, по словам, Ф. Серса, составляет основную внутреннюю угрозу возникновения тоталитаризма в сознании человека.

Таким образом, различные способы существования и противостояния тоталитарному обществу, найденные лояльной и непримиримой оппозицией,

расширяли и усиливали общую деятельность оппозиции, превращая ее в совокупный контркультурный фронт наступления на доминирующую форму культуры; по-разному способствовали преодолению оценочной индифферентности и активизации процессов формирования национально-культурной идентичности восточных немцев, противопоставленной ценностям тоталитаризма. Исчезновение ГДР сохранило ее контркультуру «непобежденной», нередуцированной необходимостью приспособления к любой системе государства и ценностям буржуазного и постбуржуазного общества (что неизбежно возникло бы при сохранении государства), которая стала идеальным и в то же время драматическим символом антитоталитарной, гуманистически ориентированной национально-культурной идентичности народа.

Библиографический список

1. *Авдеева, И.В.* Роль оппозиции в процессах демократизации (на примере Восточной Германии): автореф. дисс... канд. ист. наук / И.В. Авдеева. – М., 1998.- 20 с.
2. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
3. *Блох, Э.* Тюбенгенское введение в философию / Э. Блох. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1997. – 124 с.
4. *Бондаренко, А.И.* Контркультура в социальном развитии: философский анализ: автореф. дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / А.И. Бондаренко. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2011. – 19 с.
5. *Буковская, Н.В.* Горизонт тоталитарного сознания / Н.В. Буковская // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Выпуск 3. – Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2000. – С.7-10.
6. *Вайденфельд, В.* Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии// Орлов Б., Тиммерманн Х. Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 252-262
7. *Ватлин, А.Ю.* Германия в XX веке / А.Ю. Ватлин. – М.: Российская политическая академия, 2002. – 336 с.
8. *Вершинин, С.* Эрнст Блох – жизнь и творчество / С. Вершинин // *Блох Э.* Тюбенгенское введение в философию. – Екатеринбург, 1997. – С. 5 – 46.
9. *Вольф К.* Бедный Гельдерлин. // *Рудницкий М.* – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма. М.: 1983. – С.167-257.
10. *Вольф К.* Нет места. Нигде. // *Рудницкий М.* – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма.- М.: 1983. – С.257-331.

11. *Вольф, К.* Образы опыта / К. Вольф. // Вольф К. От первого лица. Художественная публицистика. – М.: 1991. – С. 292-316.
12. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. В 4-х тт. — М., 1971. Т. 3.
13. Германия. XX век. Модернизм. Авангард. Постмодернизм / Под ред. В.Ф. Колязина. – М.: РОССПЭН, 2008. – 607 с.
14. *Гердер, И.Г.* Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 705 с.
15. *Гладков, И.В.* Проблематика и поэтика творчества Кристофа Хайна: автореф. дисс. ... канд. филол. наук/ И.В. Гладков. – М., 2002. – 22 с.
16. *Гладков, П.В.* Альтернативные ценности в современном американском обществе (к вопросу о переоценке феномена контркультуры / П.В. Гладков. // Контркультура и социальные трансформации. – М.: АН СССР, 1990. – С.20-43.
17. *Грамши А.* Возникновение интеллигенции// Грамши А. Тюремные тетради. В трех частях. Часть 1. М.: 1991. - с.81
18. *Гугнин, А.* Творчество Фолькера Брауна / А. Гугнин // Браун Ф. Избранное. – М.: Радуга, 1991. – 510 с.
19. *Гугнин, А.* Встреча через столетия. // *Рудницкий М.* – сост. Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе Бури и Натиска и Романтизма.- М.: 1983. – С. 5-18.
20. *Гугнин, А.* Через иллюзии к реальностям: заметки о творчестве Кристи Вольф /А.Гугнин. // Вольф К. От первого лица. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1991. – С.5-24.
21. *Гудков, Л.* Негативная идентичность / Л. Гудков // Статьи 1997-2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. – 816 с.
22. *Гудков, Л., Дубин, Б.* Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях / Л. Гудков, Б. Дубин. – М.: Эпицентр, 1995. – 188 с.
23. *Гуревич, П.С.* Культурология / П.С. Гуревич. – М., 1996.
24. *Гуревич, П.С.* Контркультура / П.С. Гуревич. // Культурология. XX век. Словарь. С. Левит. – СПб., 1997. – С.192.

25. *Гуревич, П.С.* Современный гуманитарный словарь-справочник. Философия. Психология. Культурология / П.С. Гуревич. – М.: Олимп, ООО «Фирма» Изд-во АСТ», 1999. – 528 с.
26. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск:, 1994. – С.103
27. *Давыдов, Ю.Н., Роднянская, И.Б.* Социология культуры. Критический анализ / Ю.Н. Давыдов, И.Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
28. *Давыдов, Ю.Н.* Контркультура / Ю.Н. Давыдов. // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Под редакцией В. С. Стёпина. – М., 2001.
29. *Давыдов, С.Г.* Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР (1945-1985): автореф. дисс.....доктора ист. наук/ С.Г.Давыдов. – М., 2002. – 32 с.
30. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
31. *Даниэль:* Диссидентство: культура, ускользящая от определений? М.: О.Г.И., 1998. – 122с.
32. *Дегтярева, М.В.* Контркультура в структуре культуры России XX века: автореф. дисс... канд. культурологии: 24.00.01/ М.В. Дегтярева. – Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2005. – 19 с.
33. *Джагалов, Р.* Авторская песня как жанровая лаборатория «социализма с человеческим лицом». Национальные версии и международный контекст / Р. Джагалов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100). – С. 165-176.
34. *Дильтей В.* Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова / Пер. с нем. под ред. В.В. Биbihина и Н.С. Плотникова. — Научное издание. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001
35. *Дэвид, Д., Джери, Дж.* Большой толковый социологический словарь / Д. Дэвид, Дж. Джери. – М., 2001. – Т.1 - 544с., Т.2 – 528с.
36. *Есин, А.Б.* Введение в культурологию / А.Б. Есин. – М.: Изд. Центр «Академия», 1999. – 216 с.

37. *Жбанков, М.Р.* Контркультура / М.Р. Жбанков. // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск: «Интерпресссервис», 1998. – 329 с.
38. *Жбанков, М.Р.* Культура, контркультура, антикультура / М.Р. Жбанков. // Философия истории – диалог культур. – М., 1989.
39. *Жидков, В.С.* Искусство как средство конструирования коллективной идентичности: Опыт большевистской социальной инженерии / В.С. Жидков. // Искусство и цивилизационная идентичность. – М.: Наука, 2007. – С. 454-504.
40. *Зиммель, Г.* Избранное. — М.: Юрист, 1996 . Том 1. Философия культуры. — М.: Юрист, 1996.
41. *Ионин, Л.Г.* Идентификация и инсценировка / Л.Г. Ионин // Социологические исследования. – 1995. – № 4.
42. Искусство и цивилизационная идентичность /Отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2007. – 603с.
43. *Каган, М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.,1974. – 328с.
44. *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1965.
45. *Кантор, В.К.* Негативная идентичность: Насилие в русской культуре / В.К. Кантор // Искусство и цивилизационная идентичность. – М.: Наука. 2007. – С. 309-330.
46. *Кармин, А.* Культурология / А. Кармин. – СПб.- М.-Краснодар: Изд-во «Лань», 2003. – 928 с.
47. *Кассирер, Э.* Философия символических форм: В 3 тт. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.—СПб.: Университетская книга, 2002.
48. *Козлов, В.* Крамола. КРАМОЛА: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 - 1982 годы / В. Козлов. // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 93-104.

49. *Ковшева, И.В.* Философско-теоретическая модель контркультуры: автореф. Дис. Канд. философских наук: 09.00.13/ И.В. Ковшева. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2007. – 21 с.
50. *Колязин, В.Ф.* Драматургическая поэтика Хайнера Мюллера – между реализмом и постмодернизмом / В.Ф. Колязин. // Германия XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм / Ред.-сост. В.Ф. Колязин. – М., 2008. – С.461-481.
51. *Контркультура и социальные трансформации.* Сборник тезисов советских философов. – М.: АН СССР, 1990. – 141с.
52. *Королев, В.К.* Контркультура / В.К. Королев. // Культурология: краткий тематический словарь // Под ред. Г.В. Драч, Т.П. Матяш. (место издания) – 2001.
53. *Красильников, С.А.* Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке / С.А. Красильников. // Проблемы образования, науки и культуры. – 1998. – № 8.
54. *Круглова Л.К.* Философия культуры, теория культуры, культурология: место и роль в системе культуроведения, соотношение с философией и другими науками// Вопросы культурологии. – 2009. – № 1.– С.4-9.
55. *Крюковских А.* Словарь исторических терминов / А. Крюковских. – место издания, изд-во, 1998. – кол-во страниц.
56. *Культура и идеологическая борьба /* Под. общей ред. А. И. Арнольдова и Н.В. Новикова. – М.: Мысль, 1979. – 192с.
57. *Культурология. XX век. Словарь.* – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
58. *Культурология: Учебник /* Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – 566 с.
59. *Культурология: краткий тематический словарь //*Под ред. Драч Г.В., Матяш Т.П. – М.: 2001.
60. *Левикова, С.И.* Молодежная субкультура / С.И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.

61. *Леонтьева, В.Н.* Культуротворчество: природа, системы, процессы: автореф. дисс.... д-ра философских наук: 09.00.04 / В.Н. Леонтьева. – Харьков: Харьковский гос. ун-т, 2004. – 32 с.
62. *Марков, Б.В.* Философская антропология / Б.В. Марков. – 2-е изд. – Санкт-Петербург и др.: Питер, 2008. - 349 с.
63. *Марков, Б.В.* Символическая защита: тотальность и тоталитаризм / Б.В. Марков // Нева. – 2011. – № 6. – С. 124
64. *Маркузе, Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: АСТ Москва, 2009. – 331 с.
65. *Мелихов, О.* Литература ГДР / О. Мелихов // История зарубежной литературы после Октябрьской революции. Ч.2, 1945-1970 / под ред. Л.Г. Андреева. – М.: 1978. – С.384-422.
66. *Мельвиль, А.Ю.* «Контркультура», ее эволюция и ее современные критики на Западе // Вопросы философии. –1974. – №8. – С. 153-161.
67. Минуя границы. Писатели из Восточной и Западной Германии вспоминают / Пер. с немецкого А. Кряжимской. – М.: «Текст», 2009. – 287 с.
68. *Митрохин, Л.Н.* Диссентеры / Л.Н. Митрохин // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. – Под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль. – 2001.
69. *Михеев, Н.В.* Тоталитаризм в мире и России / Н.В. Михеев // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 3. – Томск.: Томский областной антифашистский комитет, 2000. – С. 48-51.
70. *Михеев, Н.В.* Атрофия личности в тоталитарном обществе / Н.В. Михеев // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4.- Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2001. – С. 46-48.
71. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В.С. Степина. – М.: Мысль, 2001.
72. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск: ООО «Интерпрессервис», 1998. – 896 с.

73. *Ольшанский, Д.А.* Сакральное мышление в тоталитарном государстве / Д.А. Ольшанский // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Выпуск 4. – Томск: Томский областной антифашистский комитет. – 2001. – с.49-55.
74. *Орлов, Б.С.* Проблемы идентичности в современной Германии / Б.С. Орлов. – М.: РАН ИНИОН, 2012. – 76 с.
75. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
76. *Персикова, Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративное общение / Т.Н. Персикова. – М.: «Логос», 2004. – 224с.
77. *Петров, И.И.* Постмодернизм как попытка преодоления модернизма, контркультуры и альтернативизма / И.И. Петров, под ред. В.П. Рачкова. – М.: АН СССР, 1990 – С. 96-108.
78. *Подрабинек, А.П.* Диссиденты / А.П. Подрабинек. – М.: АСТ, 2014. – 477 с.
79. *Поляков, Ю.* Зачинщица или жертва. Интеллигенция в эпохи смуты / Ю. Поляков // Свободная мысль. – 1996. – №2.
80. *Пономарева, Г.М. и др.* Основы культурологии / Г.М. Пономарева. – М.: 1998.
81. *Попкова, Н.В.* Введение в философскую антропологию / Н.В. Попкова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 340с.
82. *Прохорова, И.Д.* Новая антропология культуры / И.Д. Прохорова // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100).– С. 9-18.
83. *Росс, К.* Восточные немцы и Берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года / К. Росс // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100).– С.509-527.
84. *Рудницкий, М.* Тревожная проза Кристи Вольф / М. Рудницкий // Вольф К. Избранное. – М.: Радуга, 1988. – С. 5-25.
85. *Сабров, М.* Время и легитимность в немецких диктатурах XX века / М. Сабров // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100). – С. 114-136.
86. *Сакулин, П.Н.* Социологический метод в литературоведении / П.Н. Сакулин. – М.: «Либроком», 2012. – С.74

87. *Самоянцев, М.В.* Молодежные движения в культуре России и Запада второй половины XX века: автореф. дисс..... кандидата культурологии: 24.00.01 /Самоянцев М.В. – Нижневартовск, 2005. – 24с.
88. *Серс, Ф.* Тоталитаризм и авангард. В преддверии запредельного / Ф. Серс. – М.: Университетская книга, 2012. – 332 с.
89. *Словарь по обществознанию / Под ред. Ю.Ю. Петрунина.* – М.: Книжный дом Университет, 2005. – 512 с.
90. *Смирнова, К.С.* Метаморфозы массы и структуры в тоталитарном обществе / К.С. Смирнова // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 3. – Томск: Томский антифашистский комитет, 2000. – 67-72.
91. *Социология контркультуры. Критический анализ.* – М.: Наука, 1980. – 264 с.
92. *Степанов, Ю.* Константы: Словарь русской культуры / Ю. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990с.
93. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2001. – 407 с.
94. *Степун, Ф.А.* Мысли о России / Ф.А. Степун // Чаемая Россия. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – 478 с.
95. *Султанова, М.А.* Феномен контркультуры в западном сознании / М.А. Султанова // Контркультура и социальные трансформации. – М.: АН СССР, 1990. – С. 44-62.
96. *Соловьева, Т.* Оксфордское движение: борьба за церковное возрождение в Англии / Т. Соловьева // Альфа и Омега. –2000. – №3 (25).
97. *Сохань, И.В.* Тоталитарные изменения в повседневности / И.В. Сохань // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 3.- Томск.: Томский областной антифашистский комитет, 2000. – С. 82-84.
98. *Социология: словарь по обществознанию / Под ред. Ю.Ю. Петрунина.* – М.: Университет. Книжный дом, 2005. – 511с.

99. Султанова, М.А. Феномен контркультуры в западном сознании / М.А. Султанова //Контркультура и социальные трансформации/ Сборник тезисов советских философов.- М.: 1988. – С. 44-62.
100. Сурова, Е.А. Идентификационный принцип в культуре// Политики культурной идентичности. Международный журнал исследований культуры. - №1, 2010. - С. 7
101. Сурова, Е.А. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6, 2008. - Вып.3. – С.58
102. Сухотина, Л.Г. Нацизм и большевизм в исследовании современников / Л.Г. Сухотина // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. – Томск.: Томский областной антифашистский комитет, 2001. – С. 125-133.
103. Толстых, А.В. Неизвестный классик / А.В. Толстых // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 5-19.
104. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. — М.: Рольф, 2001
105. Фадеева, Л. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность / Л. Фадеева. – М.: Новый Хронограф, 2012. – 320 с.
106. Федина, Е.Н. «Контркультурное» движение и современность / Е.Н. Федина // Контркультура и социальные трансформации. – М.: АН СССР, 1990. – С.121- 124.
107. Фихте И.Г. Сочинения в 2-х томах. — СПб.: Мифрил, 1993
108. Флиер, А.Я. Культурогенез / А.Я Флиер. – М.,1995. – 128 с.
109. Флиер, А.Я. Культура как репрессия. Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том I: Теория культуры / Отв. ред. Д. Спивак. – СПб., 2008. – С. 242-250.
110. Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1 / М. Фуко // Статьи и интервью 1970-1984.- М.: Праксис, 2002. – 384 с.

111. *Хабермас, Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала / Ю. Хабермас // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3 (47).
112. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина — М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010
113. *Хейзинга, Й.* - Homo ludens. Человек играющий. Сост., пер. и предисл. Д.Сильвестрова. Комм. Д.Харитоновича. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2011
114. *Хмылев, В.Л.* Интеллектуальные истоки тоталитаризма / В.Л. Хмылев //Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Выпуск 4. – Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2001. – С.143-146.
115. *Хмылев, В.Л.* К вопросу о дефиниции тоталитаризма / В.Л. Хмылев // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Выпуск 3. – Томск: Томский областной антифашистский комитет, 2000. – С. 104-106.
116. *Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – М. – СПб.: Медиум Ювента, 1997. – 312 с.
117. *Чуйкина, С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920-1930-е годы) / С. Чуйкина. – СПб., 2006. – 123 с.
118. *Шендрик, А.И.* Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии / А.И. Шендрик // Искусство и цивилизационная идентичность. – М.: Наука. – 2007. – С. 120-142.
119. *Шпенглер О.* Закат Европы. М: «Наука», 1993
120. *Шульце, Х.* Краткая история германии. – М., 2004. – 256 С.
121. *Эрикссон, Э.* Идентичность: юность и кризис. / Э. Эрикссон. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
122. *Яковенко, И.Г.* Искусство и базовые идентичности / И.Г. Яковенко // Искусство и цивилизационная идентичность. – М.: Наука, 2007. – С. 402-420.
123. Эстетика немецких романтиков / Под ред. С.Я. Левита. – СПб.: Изд.-во СПб. ун-та, 2006. – 575 с.

124. *Яснерс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. — М.: Республика, 1999

Литература на иностранных языках:

125. *Bathrick, David.* The Politics of Culture: Rudolf Bahro and opposition in the GDR. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn, 1978), pp. 3-24.

126. *Bathrick, David.* Documentation: Facts about Wolf Biermann. // *New German Critique*, No. 10 (Winter, 1977), pp. 9-11.

127. *Bathrick, David.* Editorial: Wolf Biermann's Lyric I. // *New German Critique*, No. 10 (Winter, 1977), pp. 3-6.

128. *Beebee, Thomas and Weber, Beverly.* A Literature of Theory: Christa Wolf's *Kassandra* Lectures as Feminist Anti-Poetics. // *The German Quarterly*, Vol. 74, No. 3 (Summer, 2001), pp. 259-279.

129. *Binder, David.* The Quiet Dissident: East Germany's Reiner Kunze. // *The Wilson Quarterly*, Vol. 1, No. 4 (Summer, 1977), pp. 158-160.

130. *Brandt, Peter.* Germany after 1945: Revolution by Defeat? // Rürup, Reinhard, ed. *The Problem of Revolution in Germany, 1789-1989.* Oxford, England: Berg, 2000. pp.129-151.

131. *Brockmann, Stephen.* Preservation and Change in Christa Wolf's *Was bleibt.* // *The German Quarterly*, Vol. 67, No. 1, *Modern Austrian and (Erstwhile) GDR Literature* (Winter, 1994), pp. 73-85.

132. *Burgess, John P.* *The East German Church and the End of Communism.* New York: Oxford University Press, 1997.

133. *Clausen, Jeanette.* Culture Is What You Experience: An Interview with Christa Wolf. // *New German Critique*, No. 27, *Women Writers and Critics* (Autumn, 1982), pp. 89-100.

134. *Eckhard J.* *Totalitarismusforschung im Streit der Meinungen // Totalitarismus in XX. Jahrhundert.* Baden-Baden: Nomos.- 1996.- S. 10.

135. *Frieden, Sandra*. "In eigener Sache": Christa Wolf's Kindheitsmuster. // *The German Quarterly*, Vol. 54, No. 4 (Nov., 1981), pp. 473-487.
136. *Fulbrook, Mary*. *Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949-1989*. New York: Oxford University Press, 1995.
137. *Graves, Peter*. Christa Wolf's "Kassandra": The Censoring of the GDR Edition. // *Modern Language Review*, Vol. 81, No. 4 (Oct., 1986), pp. 944-956.
138. *Gordon, Arvan*. The Church and Change in the GDR. // *Religion in Communist Lands*. Vol.18, № 2 (1990), pp. 138-154.
139. *Günter, Thomas*. Essential Aspects of Subculture Periodicals in the GDR and their Place in Cultural History. // Freeman, Brad, ed. *The Journal of Artists' Books*. Columbia College Chicago Center for Book & Paper Arts, № 8 (Fall), 1997. P.17-26.
140. *Habermas J.* Die postnationale Konstellation. Politische Esseys. – Frankfurt a M.: - 1998
141. *Hammer, Jean-Pierre*. Interview with Robert Havemann. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn, 1978), pp. 37-46.
142. *Hardy B.* Romanticism and Realism: Christa Wolf's "Unter den Linden" // *Neue Ansichten: the Reception of Romanticism in the Literature of GDR* / H.Gaskill, K.McPherson, A.Barker. Amsterdam, 1990. P. 73-85.
143. *Hell, Julia*. Loyal Dissidents and Stasi Poets: Sascha Anderson, Christa Wolf, and the Incomplete Project of GDR Research. // *German Politics and Society* 20.4 (2002): pp. 82-93.
144. *Hoernigk, Thomas*. *Zipes, Jack*. Two Interviews with Wolf Biermann. // *New German Critique*, No. 10 (Winter, 1977), pp. 13-27.
145. *Huettich, H.* *Theater in the Planned Society: Contemporary Drama in the German Democratic Republic.*: University of North Carolina Press, 1978.- 152 p.
146. *Jesch, Birger*. *Freie Collagen Kollektive*. // Eckhardt, Frank, ed. *Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89*. EfaU-Verlag, Dresden, 2010. P. 236-241.

147. *Kaiser, Paul. Petzold, Claudia.* Mysterien des Postweges. Mail art in Dresden. // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efaa-Verlag, Dresden, 2010. P.226-235.

148. *Kessler, Mario.* Repression and Tolerance as Methods of Rule in Communist Societies // Konrad H. Jarausch , ed. Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the Gdr. New York, Berghahn Books. 1999: pp.109-125.

149. *Klötzer, Sylvia.* Criticism and Censorship Negotiating Cabaret Performance and Book Production // Konrad H. Jarausch , ed. Dictatorship as Experience: Towards a Socio-Cultural History of the Gdr. New York, Berghahn Books. 1999: pp.241-265

150. *Koerner, Charlotte.* Divided Heaven: By Christa Wolf? A Sacrifice of Message and Meaning in Translation. // The German Quarterly, Vol. 57, No. 2 (Spring, 1984), pp. 213-230.

151. *Larkey, Edward.* Contested Spaces: GDR Rock between western Influence and Party Control. // Larkey, Edward, ed. A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany. American Institute for Contemporary German Studies, 2000: pp. 42 – 58.

152. *Larkey, Edward.* GDR Rock Goes West; Finding a Voice in the West German Market. // German Politics and Society 23.4 (2005): P. 45-56.

153. *Leeder, Karen.* Breaking Boundaries: A New Generation of Poets in the GDR. Oxford: Oxford University, 1996.

154. *Leitner, Olaf.* Rock Music in the Gdr: an Epitaph. // Sabrina Petra Ramet, ed. Rocking the State: Rock Music and Politics in Eastern Europe and Russia. Boulder, CO: Westview Press, 1994. P. 17-40.

155. *Love, Myra.* Christa Wolf and Feminism: Breaking the Patriarchal Connection. // New German Critique, No. 16 (Winter, 1979), pp. 31-53.

156. *McKnight, Philip.* Understanding Christoph Hein. University of South Carolina Press. 1995.- 148p.

157. *Michael, Klaus.* “Fortgänge warden geschleunigt”. Lothar Fiedler and die Dresdner Künstlerzeitschrift “und” (1982-1984). // Eckhardt, Frank, ed. Ohne uns!

Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89. Efaa-Verlag, Dresden, 2010. P. 172-185.

158. *Mosley, Hugh*. The New Communist Opposition: Rudolf Bahro's Critique of the 'Really Existing Socialism'. // *New German Critique*, No. 15 (Autumn, 1978), pp. 25-36.

159. *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg von 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. – Frankfurt a. M.. - 1987

160. *Ozer, Irma*. The Utopian Function of Literature According to Ingeborg Bachmann and Christa Wolf. // *Modern Language Studies*, Vol. 18, No. 4 (Autumn, 1988), pp. 81-90

161. *Parkes, Stuart*. Understanding Contemporary Germany. London: Routledge, 1997.

162. *Paver, Chloe*. Narrative and Fantasy in the Post-War German Novel: A Study of Novels by Johnson, Frisch, Wolf, Becker, and Grass. Oxford: Oxford University, 1999.

163. *Pietras, Karolina*. East German and Polish Opposition during the Last Decade of the Cold War. // Working Paper Series of the Research Network. Paris – Sorbonne, 1989: pp.1-14.

164. *Pinkert, Anke*. Pleasures of Fear: Antifascist Myth, Holocaust, and Soft Dissidence in Christa Wolf's *Kindheitsmuster*. // *The German Quarterly*, Vol. 76, No. 1 (Winter, 2003), pp. 25-37.

165. *Poiger, Uta G.* Jazz, Rock, and Rebels: Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany. Berkeley, CA: University of California Press, 2000.

166. *Postl, Gertrude*. The Silencing of a Voice: Christa Wolf, Cassandra, and the German Unification.// *Differences* 5.2 (1993): 92-115.

167. *Raddatz, Fritz*. "I'd Rather Be Dead than Think the Way Kunert Does": Interview with Wolf Biermann and Günter Kunert. // *New German Critique*, No. 23 (Spring - Summer, 1981), pp. 45-55.

168. *Rodden, John*. Dialectics, Dogmas, and Dissent: Stories from East German

Victims of Human Rights Abuse. The Pennsylvania State University Press, 2010.

169. *Roszak Th.* Where the wasteland ends (politics and transcendence in postindustrial society). – N.-Y.: 1972.- P. XX, XXVIII.

170. *Reich Ch.* The Greening of America. NY, 1971.

171. *Roszak Th.* The Making of a Counter-Culture; Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition. NY, 1969.

172. *Sayre, Robert and Löwy Michael.* Romanticism as a Feminist Vision: The Quest of Christa Wolf // *New German Critique*, No. 64, Germany: East, West, and Other (Winter, 1995), pp. 105-134.

173. *Schoefer, Christine.* The Attack of Christa Wolf. // *The Nation* 22 Oct. 1990: pp. 446-451.

174. *Simpson, Patricia A.* Crossing Bridges and Borders. Independent Theatre in GDR. // *Performing Arts Journal*, Vol. 11, No.1 (1988), pp. 39-45.

175. *Sommer, Günter .* Jazz in a Socialist State? Living with a Paradox. // Larkey, Edward, ed. *A Sound Legacy? Music and Politics in East Germany.* American Institute for Contemporary German Studies, 2000: pp. 20-26.

176. *Thadden von R.* Aufbaunationaler Identität. Deutschland und Frankreich im Vergleich // *Nationale und kulturelle Identität / B. Giesen (Hrsg.).* – Frankfurt a M.: - 1997. – P.508

177. *Thielemann, Andreas.* Crescendo vor der Ausreise. Die Polyestergruppen von Hartmut Bonk. // Eckhardt, Frank, ed. *Ohne uns! Kunst & alternative Kultur in Dresden vor und nach '89.* EfaU-Verlag, Dresden, 2010. P. 294-307.

178. *Wallace, Ian.* Volker Braun: Forschungsbericht. Amsterdam. 1986.

179. *Wicke, Peter.* Rock Music and Political Change in East Germany. // Garofalo, Reebee, ed. *Rockin' the Boat: Mass Music and Mass Movements.* Boston: South End Press, 1992. P. 81-93.

180. *Williamson, David.* Berlin: The Flash-Point of the Cold War. // *History Review* (2003): pp. 3-10.

181. *Zipes, Jack*. Review: Wolf Biermann's Double Allegiance and Double Bind. // *New German Critique*, No. 10 (Winter, 1977), pp. 191-198.

Интернет – ресурсы:

182. *Покровский Н.Е.* «Прощай, интеллигенция!» // <http://intelligentia.ru/proschai-inteligencija-i-snova-vnutrenja-yemigracija.html>.

183. *Althausen, Johannes*. The Churches in The GDR between Accommodation and Resistance. // http://www.georgefox.edu/academics/undergrad/departments/soc-swk/ree/ARTICLES_PREVIOUS.html.

184. *Hollander, Paul*. Iron Curtain Lady. 3 (2007) // <http://city-journal.org>

185. *Mendt, Dietrich*. The East German Church and the Stasi. // <http://helios.augustana.edu/~ew/des/illustrated-articles/pamphlet.html>.

186. <http://elibrary.ru/item.asp?id=21149776>

187. http://anthropology.ru/ru/texts/sokolove/cultintro_06.html

188. http://anthropology.ru/ru/texts/sokolove/modern_06.html